

ВОСПОЛНЯЯ БЕЛЫЕ ПЯТНА

В. Е. БЫКАСОВ

ПОХОД РОДИОНА ПРЕСНЕЦОВА

В познании процесса и особенностей открытия и освоения того или иного региона довольно часто доводится сталкиваться с коллизиями, разрешить которые получается только при использовании историко-географического подхода. То есть подхода, который базируется на системном сопоставлении тех или иных исторических событий и фактов с соответствующим физико-географическим обрамлением.

Конечно же, таковой подход не заменяет, а всего лишь дополняет обычную (работу с первичными источниками и архивными материалами) методологию исторических исследований. И, тем не менее (при взвешенном его использовании, разумеется), он позволяет, как минимум, обнаруживать чисто географические ошибки в исторических работах, коих, к сожалению, встречается немало. И, как максимум, обращать внимание на те детали в историко-географическом антураже описываемых событий, которые побуждают несколько иначе осветить либо само это событие, либо отдельные его аспекты и особенности.

К числу таковых случаев, при характеристике которых историко-географический подход помогает разобраться в сути дела, можно отнести и ситуацию с походом отряда Родиона Преснецова. Впрочем, не стану торопить события.

Итак, в 1703 г. русские впервые вышли на берега Авачинской губы. Согласно данным камчатской ясачной книги 1702—1704 гг. первого «прикащика» Камчатки Т. Р. Кобелева, это сделал отряд казаков под руководством Родиона Преснецова (по Б. П. Полево-му [26, с. 77]).

Однако, к сожалению, данные книги Б. П. Полевого не дают ответа на весьма важные вопросы, связанные с конкретными обстоятельствами самого похода. Отчего многие из них до сих пор остаются или неизвестными, или/и спорными. Это и послужило поводом для того, чтобы попробовать прояснить некоторые детали маршрута отряда Родиона Преснецова. А также для того, чтобы несколько иначе осветить обстоятельства, сопровождающие это событие, или предшествующие ему.

Нужно же это хотя бы потому, что предпринятая мною к трёхсотлетию юбилею данного события попытка картографического моделирования похода отряда Преснецова [4] не была принята во внимание. Во всяком случае, местные картографы на собственной схеме, специально подготовленной к означенному юбилею и продемонстрированной от Петропавловска до Санкт-Петербурга, прорисовали маршрут отряда не поперёк основания Шипунского полуострова, а вдоль всего его побережья; и не вдоль берегов Авачинской губы, как это было на деле, а напрямую через её горло. Умножив тем самым и без того немалый список казусов, связанных с историей и географией Камчатки.

Впрочем, вернусь к самому походу. На первый взгляд о нём вроде бы всё уже было сказано. Но говорить об одном и том же вовсе не означает говорить одно и то же. Будь это так, в науке, в том числе и исторической, давно бы сложились единые и непререкаемые мнения и суждения по поводу тех или иных событий, явлений и ситуаций. Более того, история развития науки показывает, что при внимательном обращении даже к самым устоявшимся суждениям в них порой обнаруживаются неожиданные повороты и нюансы. Не говоря уже о том, что иногда неведь откуда появившийся «безобразный» факт или «нелепое» представление дилетанта (интересующегося чем-то человека) начисто убивает самую красивую гипотезу или общепринятую (официальную) точку зрения.

Вот и в случае с описанием похода отряда Р. Преснецова обнаруживается достаточно много неувязок, обусловленных не только тем, что историки были вынуждены оперировать крайне скудными историческими материалами того времени, но и тем, что они недостаточно полно и объективно привлекали к объяснениям конкретных исторических событий соответствующее природное (физико-географическое) обрамление. В целях показать, какую роль играет это самое обрамление при оценке результатов похода казаков отряда Р. Преснецова, и написана данная статья.

Начну же я, как и водится, с хорошо известного. В 1967 г. признанный знаток истории Сибири и Дальнего Востока Б. П. Полевой опубликовал в газете «Камчатская правда» свою версию открытия Авачинской губы. Как мне кажется, её стоит привести полностью, дабы была понятнее вся цепочка дальнейших рассуждений.

«Когда и кем была открыта Авачинская губа, на берегах которой теперь раскинулся Петропавловск-Камчатский? Вопрос, казалось бы, несложный. Но удивительно, до 1942 г. никто из истори-

ков и не пытался на него ответить. И когда я решился это сделать, пришлось заняться специальными изысканиями.

Прежде всего, когда впервые на чертежах Камчатки появилось изображение Авачинской губы или хотя бы реки Авачи? В Москве в 1964 г. был издан “Атлас географических открытий в Сибири и в Северо-Западной Америке XVII—XVIII вв.”. Судя по нему, изображение Авачи (“Вавачи”) впервые появилось ещё в XVII веке. Оно уже имелось на “Чертеже вновь Камчатской земли и моря”, который в атласе датирован 1700 г.

Однако все попытки найти какие-либо сведения о посещении русскими района Авачи в XVII в. так и не увенчались успехом. Но действительно ли «Чертёж вновь Камчатской земли и моря» сделан именно в 1700 г.? Начались поиски, и выяснилось, что датировка ряда ранних камчатских чертежей была в прошлом неточна, в том числе и названный был сделан не в 1700 г., а на двенадцать лет позже. В нём отражены сведения о трагической судьбе японца Сани, попавшего на Камчатку в 1710 г., а рассказ Сани о его морских злоключениях стал известен в Якутске только в 1712 г.

На основании новых данных выяснилось, что первое изображение реки “Вавачи” появилось на русских чертежах лишь во второй половине первого десятилетия XVIII в. Следовательно, русские смогли впервые узнать о существовании реки Авачи только тогда. Это не могло быть позднее 1707 г.: ведь нам давно уже известно на основании сообщений С. П. Крашенинникова, что уже в 1707 г. на Авачу ходил большой отряд казака Ивана Таратина. И не ранее 1699 г. Вот почему я и сосредоточил своё внимание именно на этом периоде истории Камчатки.

Уходя с полуострова Камчатки, Владимир Атласов оставил там группу во главе с Петром Серюковым. Документы показывают, что никто из членов этой небольшой группы на Авачу не ходил. Вскоре после трагической гибели П. Серюкова на Камчатку прибыл значительный отряд казаков, во главе которых стоял бывалый землепроходец Тимофей Родионович Кобелев. Ещё С. П. Крашенинников указывал, что этот новый управитель Камчатки в 1702—1703 гг. “якак по реке Камчатке, так и по Пенжинскому и Бобровому морю, собирал он невольной, и с ясашною казной выехал в Якутск в 1704 г. благополучно”.

“Пенжинское море” — это современное Охотское море, “Бобровое море” — часть Берингова моря. Так невольно возникла догадка: а не могли ли во время этого похода Тимофей Кобелев или его помощники побывать и в Авачинской губе?

Ответ на этот вопрос дала недавно найденная камчатская ясачная книга 1702—1704 гг., которую вели в отряде Т. Р. Кобелева. В ней оказались подробные сведения об ясаке, собранном в 1703 г. с двенадцати рек “подле Камчацкого моря в нос Курильской земли”.

“Камчатским морем” казаки называли Берингово море, ведь в него впадала река Камчатка, а “носом Курильской гряды” — мыс Лопатку.

Анализ текста записей показал, что на Берингово море участники этого похода вышли по реке, на которой стоял “острожек Шемяч”. С тех пор она и стала называться рекой Семячик.

От Семячика казаки пошли по побережью в южном направлении. “Шестой рекой” в списке названа река “Налахтырь”. Вне всякого сомнения, это хорошо известная петропавловцам река Халактырка. Ещё С. П. Крашенинников писал: “От реки Авачи на север первая речка называется Калыты, а от казаков Калахтырка, которая течёт из под Авачинской горелой сопки, а устье её от Авачинской губы в шести верстах”. Правильность этого вывода подтверждается ещё и тем, что на “пятой реке”, то есть реке, расположенной севернее “Налахтыри” — Халактырки, жил “лутчий мужик” (тойон) Налач. Очевидно, что здесь упоминалась Нальчева река.

Уже из этих данных можно заключить, что “седьмой рекой” в ясачной книге должна быть река Авача. В ясачной книге она названа “Кугачем”.

Могла ли так именоваться Авача тогда? Да, могла. В старину казаки верховья Авачи называли “Сугачем”. По-видимому, само название “Сугач” произошло от ительменского “Суаачу”. Звук “уа” русскими часто передавался как “ва” (вспомните, например, как из “Уашингтон” позднее возник современный “Вашингтон”). Поэтому, вероятно, от названия “Суаачу” и возникло русское “Вавача”, превратившееся вскоре в Авачу.

Правда, существует и иное предположение о связи между названиями “Кугач” и “Авача”. Академик Г. В. Стеллер отмечал, что ительмены называли Авачинскую губу “Гшубабч”. В стеллеровском “гшубу” нетрудно увидеть ительменское слово “кшчу” — озеро, залив, а “абач” — название “Авача”.

Из дальнейшего текста книги видно, что с Авачи участники похода прошли на юг до двенадцатой реки (“Вторая на десять река”), на которой уже жили не ительмены, а айны (“курильские мужики”). Во главе их стоял тойон Икако Датекуакул. Отсюда русские решили повернуть назад, так и не дойдя до мыса Лопатки. Они

вернулись в Авачинскую губу и затем явно по Аваче и её притокам (в частности, по-современному Чугачу) перешли в верховья Большой реки. Выйдя к западному побережью полуострова, они ещё совершили поход через реку Озерную к Курильскому озеру.

Таким образом, на основании ясачной книги Т. Р. Кобелева удалось достоверно установить, что в 1803 г. русские действительно могли побывать на реке Аваче и в Авачинской губе.

Но ходил ли в этот поход сам Тимофей Кобелев? Новая архивная находка позволила получить ответ и на этот вопрос. Среди копий документов, снятых в Якутске в 1736 г. для академика Г. Ф. Миллера, была обнаружена копия любопытнейшего рассказа камчатских казаков Ивана Могилёва, Родиона Преснецова и Терентия Смердова, записанного в Якутске 23 декабря 1707 г. В нём и оказалось упоминание о том, что “в 703 году осенью” камчатский приказчик Тимофей Кобелев отправил на Берингово море для сбора ясака отряд казаков, во главе которого поставил Родиона Преснецова. Всего в походе участвовало 23 человека.

Поход оказался нелёгким. Уже вскоре казаки израсходовали всё взятое с собой продовольствие и начали питаться по примеру местных жителей тем, что выбрасывало на берег бурное осеннее Берингово море. Именно они первым из русских землепроходцев испробовали в пищу знаменитую дальневосточную морскую капусту. Питались они и актиниями, и голотуриями, и другими дарами Берингова моря. Вот тогда-то, в сентябре-октябре, они и смогли первыми из русских побывать на берегах Авачинской губы.

Так была впервые выяснена дата первооткрытия Авачинской губы и установлено, что её первооткрывателями по праву могут считаться казак Родион Преснецов и двадцать два его товарища.

Любопытно отметить, что сами участники похода не придали особого значения своему открытию. Они считали, что их заслуга состояла лишь в том, что они “сыскали” здесь “неясашных людей” и проведали к ним два пути — один по побережью Берингова моря, другой — более удобный, с верховьев Большой реки.

И исключительные удобства Авачинской губы, как морской гавани, русские оценили не сразу. Вот почему первоначально на ранних чертежах река “Вавача” изображалась даже без губы.

По существу подлинное признание Авачинская губа получила лишь в конце 30-х гг. XVIII в., когда участники Второй Камчатской экспедиции решили создать в ней свою главную базу» [*Полевой Б. П.* Родион Преснецов — первооткрыватель Авачинской губы // *Камчатская правда*, 1967. — 23 дек.].

Таким вот образом выглядела хроника открытия Авачинской губы в представлении видного историка. В дальнейшем он не раз возвращался к этой теме, но ничего принципиально нового в неё больше не привнёс. Впрочем, это и понятно, ибо, повторюсь, скудность уже известных архивных материалов, равно как и трудность отыскания дополнительных данных, не способствуют появлению нечто действительно нового.

Тем не менее, и данная заметка, и другие статьи Б. П. Полевого по данному поводу [26, 27, 28] требуют некоторых разъяснений.

Дело в том, что этот плодовитый учёный постоянно повторяет одни и те же ошибки. Да, по большей части, мелкие. Да, зачастую ничего не меняющие в самой сути излагаемых им событий. Но именно потому-то и особенно досадные. Ибо крупные ошибки происходят либо от отсутствия соответствующих сведений, либо от неверных представлений. Тогда как в данном случае всё сводится к невнимательности как самого автора, так и его рецензентов, критиков и почитателей. Примеры? Пожалуйста.

«Камчатским морем» казаки называли Берингово море, ведь в него впадала река Камчатка, а «носом Курильской гряды» — мыс Лопатку. Анализ текста записей показал, что на Берингово море участники этого похода (похода отряда Р. Преснецова. — В. Б.) вышли по реке, на которой стоял «острожек Шемяч». С тех пор она и стала называться рекой Шемячик», — написал историк в 1967 г. (см. выше). И затем повторял это суждение на протяжении четырёх десятков лет во многих своих статьях и книгах.

Однако, во-первых, сами казаки того времени Камчатским морем именовали акваторию, простирающуюся между Камчатским и Кроноцким полуостровами [17, с. 49]. Во-вторых, река Камчатка впадает непосредственно в Тихий океан, а не в Берингово море. В-третьих, акватория так называемого «Бобрового моря», по берегу которого проходила часть маршрута отряда Р. Преснецова, простиралась от Кроноцкого до Шипунского полуострова [17, с. 47]. Правда, иногда границы этого «моря» расширяли вплоть до Авачинского залива включительно, а порой и до самой Лопатки [16]. Но в любом случае на севере оно не выходило за пределы Кроноцкого полуострова.

К сказанному остаётся добавить, что и название «Берингово море» появилось на картах с лёгкой руки Кука лишь в конце XVIII в. и далеко не сразу прижилось в русском языке. И что современная «Лоция Берингова моря» [22] ситуацию с гидрографией восточного побережья Камчатки описывает следующим образом:

«От мыса Лопатка до мыса Камчатский берег омывается водами Тихого океана, а от мыса Камчатский до мыса Олюторский водами Берингова моря... От порта Усть-Камчатск, расположенного в устье реки Камчатки, северо-восточный берег Камчатского залива Тихого океана тянется на 22 мили вплоть до мыса Камчатского, к северу от которого начинается побережье Берингова моря...»

То есть, говоря однозначно, Бобровое море никакого отношения к Берингову морю не имеет. Совершенно не имеет. Однако за сорок лет не нашлось никого, кто бы поправил Б. П. Полевого в этом его заблуждении.

Впрочем, оставляю пока тему географических ошибок в покое и обращаюсь к ситуации, предшествующей походу Р. Преснецова. С тем, чтобы попробовать разобраться — был ли он предпринят в условиях полной неизвестности о реке Аваче, как считал Б. П. Полевой, или всё же казаки достаточно хорошо представляли, куда они идут и что на своём пути встретят.

А для этого вновь вернусь к С. П. Крашенинникову, который по этому поводу писал: «Между тем оставленный на Камчатке служивый Потап Серюков жил в верхнем Камчатском острогу три года без всякого утеснения от Камчадалов; ибо он за малодушеством ясаку собирать не отважился, но под видом купца торговал с ними; наконец и тот в Анадырск поехал, однако Коряки, не допустив его до Анадырска, со всеми товарищами убили. А выезд его, по-видимому, учинился, когда сын боярский Тимофей Кобелев на Камчатку приехал» [18, с. 195]. То есть, если судить по этой цитате, то отряд П. Серюкова погиб полностью.

Однако в рукописной части своей книги С. П. Крашенинников сообщает нечто иное: «Потом и он (Серюков. — В. Б.) с товарищи с Камчатки пошёл в Анадырский острог, но на дороге от коряк почти все побиты» [16, с. 750]. Так что С. П. Крашенинников всё же не исключал, что кое-кто из казаков отряда П. Серюкова мог остаться в живых. И последующие изыскания в архивных материалах это мнение о неполной гибели казаков подтвердили, ибо из них стало известно, что весной 1701 г. отряд Т. Кобелева, следуя из Анадыря на Камчатку, повстречался на подходе к полуострову с остатками отряда П. Серюкова [29]. Хотя сам П. Серюков действительно был убит коряками ещё на реке Тигиле [28, с. 125—126].

Тем не менее, некоторые авторы по-прежнему неверно оценивают эту ситуацию. Например, известный исследователь истории Сибири А. С. Зуев [7] считает, что отряд Потапа Серюкова был

уничтожен полностью. Причём, по его мнению, сам Потап Серюков с тремя казаками был убит ещё на реке Палане, а весь остальной отряд — на северной оконечности Пенжинской губы.

Однако, поскольку А. С. Зуев относит оба эти события к 1699 г., то это противоречит не только данным С. П. Крашенинникова и Б. П. Полевого, но и мнению Г. А. Леонтьевой [21], на которую А. С. Зуев в данном случае ссылается, и согласно которой это событие произошло в 1701 г. А тем самым и утверждение А. С. Зуева о полной гибели отряда П. Серюкова также вызывает сомнение.

Впрочем, тут, как мне кажется, настала пора ответить на вполне возможный вопрос — а к чему все эти многочисленные и, казалось бы, второстепенные отступления? Да к тому, что ими оттеняется руководящая мысль столь длительного подступа к основной теме. Мысль о том, что прожившие три года в Верхнекамчатском остроге казаки отряда Потапа Серюкова не только получили множество новых данных о географии, природе и населении прилегающих территорий, но и смогли передать их Тимофею Кобелеву. Так что боярскому сыну и первому камчатскому приказчику, прибывшему в Верхнекамчатск весной 1701 г., было от чего отталкиваться, когда он начал колонизацию южной части полуострова.

Впрочем, достаточно многое ему могло быть известным от самого В. Атласова и его товарищей ещё в Анадырске и Якутске. Ибо, согласитесь, для того, чтобы Т. Кобелев мог самым надёжным путём попасть в Верхнекамчатск, он должен был знать дорогу досконально. И эту доскональность ему обеспечили расспросы вернувшихся с Камчатки служивых людей, которые охотно делились своими сведениями с анадырскими и якутскими казаками. Не говоря уже о том, что это было им вменено в прямую обязанность.

Однако, продолжим наши изыскания. Конечно же, в самих «Скасках» В. Атласова нет ни слова об Авачинской губе. Но для нас сейчас более важным является не столько то, что Атласов говорил в Якутском, Тобольском и Московском приказах, сколько то, о чём он, по тем или иным причинам, умолчал. А умолчал он, как представляется, о многом — в том числе, не исключается, и о реке Аваче.

Правда, ни сам Атласов в 1697—1698 гг., ни, тем более, Л. Морозко с И. Енисейским в 1696—1696 гг., в районе Авачи не бывали: «Из дошедших до нас документов ясно видно, что участники камчатских походов Л. С. Мороско-Старицина — Ивана Енисейского (1695—1696) и В. В. Атласова (1697—1699) — не только сами не бывали в районе Авачи», — пишет по этому поводу Б. П. Поле-

вой [26, с. 75]. И с этой точкой зрения историка остаётся лишь согласиться. Но вот с его мнением о том, что «...но и не смогли доставить каких-либо сведений об этой реке на основании сообщений местных жителей» [26, с. 75], можно и нужно поспорить. Ну, хотя бы, потому, что между понятиями «не доставляли сведений» и «не имели сведений» абсолютного равенства нет.

Дело в том, что, излагая данные о походе в официальной обстановке, В. Атласов вряд ли рассказал сразу всё о том, что он знал. В том числе и о реке Аваче. Ну а потом и вовсе стало не до этого. К тому же, таковые данные могли быть упущены при записи его рассказов, а то и просто потеряны. Поскольку, как не раз подчёркивал тот же Б. П. Полевой, наши знания о тех временах во многом скудны ещё и потому, что множество тогдашних материалов было утеряно. Как утерялись, например, те же ясачные книги В. Атласова — а ведь они могли о многом нам поведать.

Кстати, не секрет, что значительное количество сведений до канцелярий и воеводств не дошло только потому, что у землепроходцев сплошь и рядом отсутствовала бумага. Правда, нередко они использовали для написания своих грамот бересту. Однако время, как показывает история с архивами той же Большерецкой приказной избы на Камчатке, не щадило эти документы.

Итак, по моему мнению, В. Атласов знал гораздо более того, что было им изложено в предельно коротких «Скасах». Знал же он, например, о том, что «три дни не доходил до реки Бобровой». Но тогда откуда он узнал и про саму реку, и про её название, и про то, что до неё ходу оставалось всего три дня? Ответ напрашивается сам по себе: либо от предшественников, что проблематично, либо от аборигенов, которых казаки в своих походах дотошно расспрашивали о впереди лежащих местах. Либо, наконец, он всё-таки доходил до этой реки (а, возможно, и до мыса Лопатки), но по каким-то причинам решил об этом умолчать.

Ну, а взять факт описания им образа жизни каланов и способов их добычи. Или указания на постоянное посещение юго-западного побережья Камчатки японскими судами: «Да иноземцы ж сказывали, что в камчадальской стороне повыше (южнее. — В. Б.) Камчатки к Каланской Бобровой реке приходят по вся годы бусы и берут у иноземцев нерпичей и каланский жир, а к ним что на бусах привозят ли — неведомо» [31, с. 29]. Это ли не прямое свидетельство того, что очень многие сведения о Камчатке были им получены со слов аборигенов? А раз так, то почему бы ему не знать и о реке Аваче.

Впрочем, попробуем подойти к этой — знал ли В. Атласов о реке Аваче — проблеме с другой стороны. Как мы помним, в 1698 г. он отправил казака П. Серюкова с 14 русскими и 13 юкагирами для основания в верховьях реки Камчатки новой постоянной базы, которая по месту своего расположения получила название Верхнекамчатского острога [28, с. 91]. Но для того, чтобы ставить новый острог именно в верховьях Камчатки должны были быть достаточные основания. Особенно учитывая тот факт, что по природным условиям (в частности, по наличию настоящей лиственничной тайги) среднее течение реки Камчатки было более подходящим местом для создания постоянного поселения, чем верхнее. Не говоря уже о том, что оно было гораздо более густо заселено ительменами и, следовательно, возможности для сбора ясака там были куда как большими.

Но в том-то и дело, что, отсылая группу П. Серюкова на Верхнюю Камчатку, В. Атласов знал, почему и зачем он это делает. То есть, хотя к этому моменту он сам в верховьях реки Камчатки не был (во всяком случае, таковое предположение однозначно пока не доказано), он всё же знал, что именно в этом районе сходятся все дороги аборигенов, ведущие из верхней части долины реки Камчатки к обоим побережьям полуострова и обратно.

И в самом деле, как окончательно установил спустя четыре десятка лет С. П. Крашенинников [17], из Большерецкого острога к верховьям реки Камчатки вели три основные дороги. Одна из них, длиной в 436 вёрст, шла вдоль берега Пенжинского (Охотского) моря до реки Оглукомины (Облуковины), затем по долине этой реки пролегла к перевалу через Срединный хребет, оттуда, по реке Кырганик (Кирганик), выходила к реке Камчатке и, наконец, следуя вверх по её течению, выходила к Верхнекамчатскому острогу. По второй дороге, длиной 242 версты, надо было ехать вверх по Большой реке (теперь река Плотникова) до Опачина острога (ныне поселок Апача), от Опачи лугами вдоль реки Большой до реки Быстрой и по её долине до её вершины, а затем вниз по реке Камчатке. И, наконец, третья дорога, длиной около четырёхсот вёрст, шла вверх по Большой реке (река Плотникова) до Начикинского острога. Затем дорога через невысокий перевал по долине ручья Сугачу, переходила к реке Коонам (Корякской). Оттуда путники следовали до реки Авачи, по долине которой доезжали до Паратун острожка и, затем, выходили по восточному побережью к реке Жупановой. Ну а далее путники поднимались по её долине к верховьям реки Повычи (Кавычи), которая

своим устьем выходила к реке Камчатке почти напротив Верхнекамчатского острога.

Кстати, вот тут-то и подошла пора вспомнить о географических условиях как о непременном антураже исторических реконструкций. Дело в том, что обычно аборигены по первой и третьей дорогам ездили почти исключительно зимой и на собаках, тогда как по второй перемещались преимущественно летом и пешком или на батах (лодках-однодеревках). Объясняется это тем, что крайне выхолощенный воздух Центральной Камчатской депрессии под давлением господствующего в это время года северо-западного атмосферного переноса, в узкой, зажатой с двух сторон высокими горами верхней части долины реки Камчатки, сжимается до такой степени, что, достигнув того места, где долина реки Правой Камчатки резко, практически под прямым углом, уходит далеко влево, врывается в эту расширенную равнину Ганальской тундры в виде своеобразного бора. Своеобразного как потому, что ветер этот образуется не за счёт скатывания холодного и потому плотного (тяжёлого) воздуха с перевала, которого тут нет, а за счёт растекания тяжёлого сжатого воздуха по горизонтали. Так и потому, что ветер этот возникает не время от времени, как, например, в Новороссийске, а дует днями и даже, иногда, неделями. Отчего по днищу верхней части долины реки Быстрой вместо каменноберёзовых лесов, произрастающих на подножиях и склонах гор, окружающих долины рек Камчатки и Быстрой (а также в самой долине в 25—30 км от водораздела между этими реками) располагаются так называемые «сухие тундры», сформировавшиеся в результате сноса снежного покрова и вымораживания почвогрунтов и древесной растительности.

Надо ли говорить, что эти (сильный ветер и суровый мороз) обстоятельства не только препятствовали (и препятствуют до сих пор) перемещению любого транспорта, но и не способствуют заселению верхней части долины реки Быстрой, в которой даже в наше время располагается всего три — Малка, Ганалы и Кедровая — поселения. Так что нет ровным счётом ничего необъяснимого в том, что ительмены предпочитали зимой ездить в верховья реки Камчатки не самой прямой и короткой дорогой, а в объезд.

Но коль скоро названные и другие дороги (по реке Воровской, например, или по реке Колпаковой) в верхнюю часть долины реки Камчатки также использовались аборигенами веками и тысячами, то не будет преувеличением считать, что В. Атласов знал

о них. Настолько хорошо знал, что решил поставить на их пересечении острог.

В связи со строительством Верхнекамчатска необходимо обратить внимание ещё на одно обстоятельство. Дело в том, что, по мнению Б. П. Полевого, с именем Т. Кобелева связано немало важных событий в истории Камчатки. «Прежде всего, именно тогда, в 1703 г., и были основаны три главных камчатских острога: Верхнекамчатский, Нижнекамчатский и Большерецкий», — пишет историк [28, с. 124].

Однако, во-первых, это противоречит мнению самого же Б. П. Полевого, который неоднократно указывал [9, 28], что Верхнекамчатск был построен по наказу В. Атласова в 1698 г. Во-вторых, С. П. Крашенинников по поводу строительства первых камчатских острожков вообще пишет нечто иное: «В бытность свою перенёс он (Т. Кобелев. — В. Б.) жилище верхняго Камчатского острога на реку Каликыг, которая от прежнего острожного места в полуверсте, да вновь построил зимовье на реке Еловке; а ясак как по реке Камчатке, так по Пенжинскому и Бобровому морю, собирал он повольной, и с ясашною казною выехал в Якутск в 1704 году благополучно» [18, с. 195]. Так что Б. П. Полевой дважды погрешил, когда приписал Т. Кобелеву строительство Верхнекамчатского острога.

Ошибся он и в том, что именно Т. Кобелев построил Большерецкий острог. Ибо, как считает С. П. Крашенинников: «Кобелева сменил вышеописанной Михайло Зиновьев, который отправлен из Якутска вместо Володимера Атласова, а правил он Камчатскими острогами до прибытия казачья пятидесятника Василья Колесова с 1703 по 1704 год. Во время бытности своей первой он завёл ясачные книги, в которых Камчадалов поимянно начал вписывать. Нижняя Камчатская зимовье за неспособностью места перенёс на Ключи и на большей реке острог построил» [18, с. 195—196].

Но вернёмся к В. Атласову. Основной причиной создания первого русского острога в верховьях реки Камчатки послужило то, что казачий атаман достоверно знал о расположении этого места на пересечении основных путей, ведущих к верховьям реки Камчатки. Как знал он и о близости этого места к восточному побережью полуострова. И не просто знал, но и отчётливо осознавал, что колонизировать юго-восточное побережье, ради обложения местного населения ясаком, было гораздо проще из верховьев реки Камчатки, нежели из района Ключей, или, тем более, реки Ичи. А, зная всё это, он просто не мог не знать и о реке Аваче. Другое дело, что за малочисленностью отряда и, главное,

по причине усиленной охоты на соболя в районе реки Ичи, сам Атласов не предпринял никаких шагов к покорению этого района. Хотя, не исключается, что летом 1698 г. на побережье Бобрового моря он всё же побывал.

Впрочем, не столь уж и важно, знал ли сам В. Атласов об Аваче или нет. Ибо к Тимофею Кобелеву сведения о реке Аваче могли поступить, как уже говорилось, и от оставшихся в живых казаков отряда П. Серюкова.

И в самом деле, как отмечал спустя три с лишним десятка лет С. П. Крашенинников, все три года пребывания в Верхнекамчатске П. Серюков и его товарищи не просто общались с аборигенами, но и изо всех сил пытались выторговать у них как можно больше пушнины. А для этого им просто необходимо было расширять круг своих знакомств и, отсюда, знаний о прилегающих территориях.

Правда, П. Серюков и его казаки, пишет Б. П. Полевой, ссылаясь на документы [26, с. 77], на Авачу не ходили. «Атласов решил основать в верховьях реки Камчатки свою новую постоянную базу. С этой целью он направил туда небольшую группу казака Потапа Серюкова с 14 русскими и 13 юкагирами», — указывает историк [28, с. 91]. И через 24 страницы уточняет: «Уходя с Камчатки, Владимир Атласов оставил группу Петра Серюкова. Документы показывают, что никто из членов этой группы на Авачу не ходил» [28, с. 125]. Но не ходили на Авачу, и не знали о ней — это отнюдь не тождество.

Кстати, в цитируемой книге Б. П. Полевой, пусть бы и на разных страницах, одного и того же человека именует то Петром, то Потапом. И хотя это расхождение свидетельствует всего лишь о рассеянности учёного, указать на него следует. Не с тем, разумеется, чтобы попенять автору, а для того, чтобы обратить внимание на ошибку.

Однако, учитывая выдающиеся способности коренных жителей к ориентированию на местности, столь же удивительное их умение отображать географическую информацию на своих рисунках-картах, и, главное, безупречную работу «устной почты», вполне логично будет считать, что в числе таковых сведений могли быть и данные и о реке Быстрой, и о реке Большой, и о реке Аваче. Особенно зная, что все эти места, за исключением верховий реки Быстрой, в те времена были плотно заселены ительменами. Так что когда Тимофей Кобелев со своим отрядом обжился в верховьях реки Камчатки, он смог реально убедиться в истинности данных группы П. Серюкова.

Да и вообще трудно представить, чтобы Т. Кобелев в самый канун отбытия с полуострова решился бы на отправку значительной части своего отряда так далеко на юг, если бы он не знал, что ожидает казаков на этом пути. Ибо в случае провала этого похода Т. Кобелев рисковал остаться без людей и, тем самым, мог бы поставить под риск доставку ясака в Якутск. А уж этого ему точно не простили бы.

Но в том-то и дело, что к началу похода Р. Преснецова прямой путь от Верхнекамчатска по долине реки Быстрой до устья реки Большой Т. Кобелеву был известен. И не только по слухам, но и в результате походов, по его же наказу, отдельных казачьих отрядов за ясаком на западную сторону полуострова. Так что о реке Большой и других реках юго-западного побережья Т. Кобелев знал не понаслышке. Ибо, как говорил по этому поводу сам Т. Кобелев после своего возвращения в Якутск: «...да подле Пенженского моря большая и многие реки, а какие де на тех реках народы неизвестен» [30]. Но коль скоро его казаки ходили по реке Большой, то ему могли стать известными и сведения о недалёкой от названных мест реке Аваче. Во всяком случае, иначе просто невозможно объяснить ни попытку Р. Преснецова пройти вдоль юго-восточного побережья Камчатки далее к югу от Авачинской губы, ни уверенного выхода отряда от реки Авачи к реке Большой, ни столь же уверенного, несмотря на быстро наступающую зиму, движения казаков по юго-западному побережью вплоть до Курильского озера.

Таким образом, подводя окончательный итог всем этим рассуждениям, надо признать, что Т. Кобелев действительно достаточно много знал о географии юго-восточного и юго-западного побережья полуострова. Как надо признать и то, что главной задачей похода было достижение южной оконечности Камчатки с целью обложения ясаком тамошних жителей.

Но могла ли перед казаками отряда Р. Преснецова быть поставлена таковая задача? Вполне. Дело в том, что уже на «Чертеже Сибири 1687 г.» река Камчатка рисовалась на некоем безымянном полуострове. А на «Чертеже земли Якутского города 1701 г.» этот полуостров приобретает вполне отчётливые очертания. Причём поскольку этот последний «Чертёж» был составлен С. У. Ремезовым при участии В. Атласова, то это свидетельствует о том, что В. Атласов более или менее уверенно знал о том, что Бобровое и Пенжинское моря соединяются где-то сравнительно недалеко от верховий реки Камчатки. А, значит, знал об этом и Тимофей

Кобелев. Так что Р. Преснецов достаточно хорошо представлял, куда и зачем он был послан. И лишь позднее время начала похода, рано наступившая зима и сопротивление, пусть бы и пассивное, в виде явного недовольства, жителей Курильского озера помешали ему достичь самой южной оконечности полуострова. Впрочем, закончим, пока, со всеми этими предположениями и «пройдёмся» по самому маршруту отряда казаков.

Итак, к концу лета 1703 г. на Камчатке сложилась следующая ситуация. Вся долина реки Камчатки от Нижнекамчатского острога и до истоков была казаками пройдена, и пройдена не единожды. Была им известна, пусть бы и не столь детально, и долина реки Большой. Как, повторяюсь, в результате их собственных поездок, предпринятых для сбора ясака, так и в результате расспросов ительменов, от которых им стали известны и сведения о реке Аваче и проживающих там аборигенах.

Ну а далее всё можно представить следующим образом. Поскольку, в связи с переносом острогов и всего прочего, Т. Кобелев поневоле отвлёкся от своей главной — приведения под «высокую государствену руку» местных жителей с целью обложения их ясачной повинностью — задачи, то под конец пребывания на полуострове он решил наверстать упущенное. И ради этого (а также ради «проведывания» новых путей к южной оконечности полуострова) послал в конце августа свободных служивых людей к «Бобровому морю».

Кстати, и факт посылки отряда в конце 1703 г. к юго-востоку полуострова, и последующий уверенный выход отряда Р. Преснецова в долину реки Большой (Плотниковой), и, главное, открытие казаками Паужетских горячих источников и озера Курильского, говорят о том, что Т. Кобелев не успел поставить в устье реки Большой острог. Ибо будь это так, то следовать из этого острога к оконечности полуострова было бы намного проще и легче.

Впрочем, вернёмся к самому походу. В конце августа 1703 г. отряд казаков из 22 человек во главе с Родионом Преснецовым выступил из Верхнекамчатска. Так поздно отряд выступил в поход потому, что сделать это раньше было просто невозможно: строительство жилья, заготовка продуктов питания и, главное, военные дела (вспомним, что этим же летом А. Кутьин из отряда М. Многогрешного, пришедшего весной на смену Т. Кобелеву, покоялся, и наверняка с помощью людей Т. Кобелева, Нижнюю Камчатку) занимали все помыслы, силы и время казаков. К тому же, как отмечал Г. Стеллер, «осенние месяцы, сентябрь и октябрь, а за

ними февраль и март по своей погоде самые благоприятные, почему они используются чаще всего для торговли и отдалённых путешествий по суше» [34, с. 51]. Очень, надо сказать, ценное свидетельство, к которому я ещё прибегну.

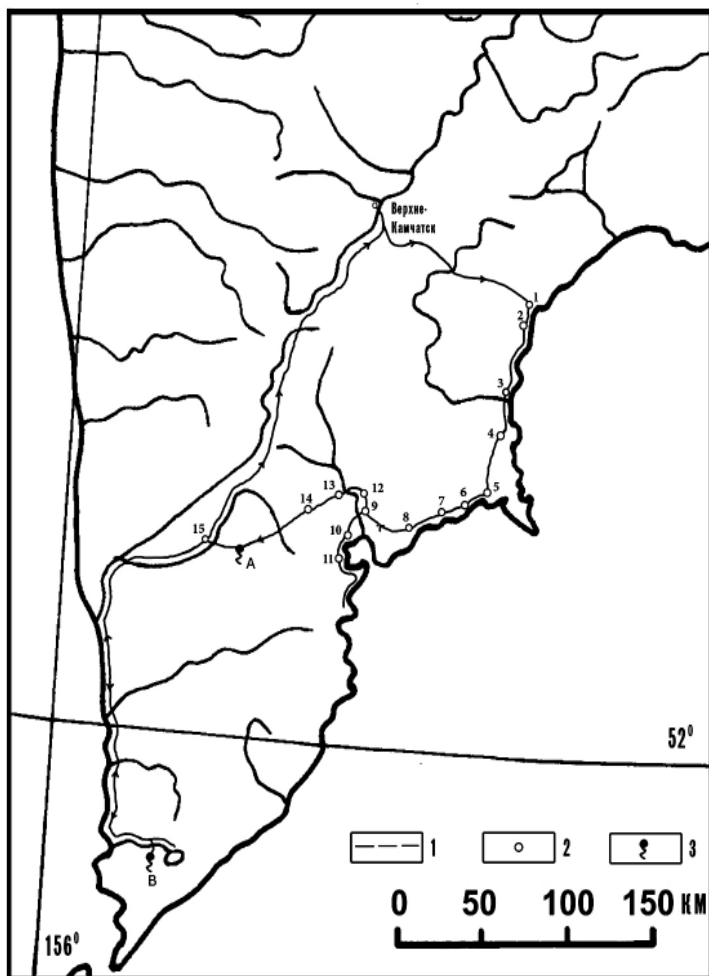
А пока попробую определить некоторые временные и пространственные привязки маршрута Р. Преснецова, поскольку без наличия таковых разговор о походе во многом становится беспредметным. И поможет мне в этом сам Р. Преснецов, который в своей «Скаске» сообщает: «... за Камчатскою рекой вдаль, ходом в дву неделях, на вершинах Большой реки, а в иноземческом названии та река Кикша, три речки Розсошные, от которых на одной реке с левой стороны на берегу на ровном луговом месте меж каменья идут ключи многия тёплых вод и те ключи бьют вверх в колено и выше... А от тех теплых вод, за тою Большой рекой ещё видел ходом в двух же неделях за четырьмя реками немалыми близко иноземческого вышеописанного Курильского острожка в полуднище с обе стороны речки малой с берегов и ровных мест воды большими ключами бьют кипятком вверх в сажень...» [25, с. 120].

Так вот, если измерить по карте расстояние от современного села Апача, расположенного напротив первых из упомянутых горячих ключей, до озера Курильского, и от Апачи же до Верхнекамчатска, то в обе стороны получается по, приблизительно, 280 километров. И это означает, что отряд проходил по этому маршруту со скоростью, в среднем, около двадцати километров за сутки. Очень даже, надо сказать, приличная скорость, если знать, что весь свой скарб казаки несли на себе, и что спустя два десятка лет отряд майора Павлуцкого передвигался по Чукотке со средней скоростью около десяти километров в день.

Но самое важное для нас в данном случае даже не скорость, а вот эта — две недели ходу в обе стороны — предельно точная привязка в пространстве. Ибо она окончательно и бесповоротно подтверждает моё мнение о том, что и Т. Кобелев, и Р. Преснецов хорошо знали и верхнюю часть долины реки Камчатки, и верхнюю часть долины реки Быстрой, и большую часть долины реки Большой (Плотниковой). Настолько хорошо, что, не пройдя вдоль юго-восточного побережья далее «дву на десятой» реки, казаки затем уверенно вышли к реке Большой, которая, образно говоря, была для них путеводной нитью, и прошли по ней вплоть до Охотского моря.

Началом пути от Верхнекамчатска к Кронцкому заливу стала река Кавыча (Повыча). По тропе, проложенной ительменами по долине этой реки, отряд вышел на перевал (высотой чуть более

восьмисот метров, расположенный между притоком реки Кавычи рекой Перевальной и притоком реки Левой Жупановой рекой Мальцевской (см. карт-схему):

Карт-схема похода отряда Р. Преснецова:

1 — маршрут отряда Р. Преснецова; 2 — ительменские острожки, лежащие на пути отряда: 1 — Шемячь (Семячик), 2 — Алаун (Березовский), 3 — Шопхад (Жупановский), 4 — Кыннат (Калигарский), 5 — Итытхочь, 6 — Ашумтан (Островной), 7 — Шотохчу (Налачев), 8 — Макошху (Налахтырь, Халактырка), 9 — Паратун (Карымчин), 10 — Тареин (Купха), 11 — Кыттынан, 12 — Имашху, 13 — Шаман, 14 — Шиякокуль, 15 — Опача (Апача); 3 — термальные источники: А — Апачинские, В — Большебанные

Спустившись по реке Мальцевской до реки Левой Жупановой, отряд по тропе, ведущей от Жупановой к устью реки Новый Семячик (Шемечь), пересёк реку Правую Жупанову, вышел по долинам реки Каменистой и ручья Мутного к перевалу Берёзовому (610 м). Оттуда казаки вышли к истокам реки Правой Жупановой и через пологий перевал Двойной (598 м), отделяющем эти истоки от бассейна реки Нового Семячика, спустились в долину этой реки.

Кстати, называю я так уверенно эти места потому, что здесь и до сих пор сохранились фрагменты тропы, которой испокон веков пользовались аборигены и по которой мне (правда, частично) довелось ходить и самому.

Ну а далее всё просто — следуя по долине реки Новый Семячик, или, как её называли сами казаки, «первой реки», отряд вышел к побережью Кроноцкого залива в районе «острожка Шемечь», стоящего около устья этой реки.

Весь этот путь занял у отряда, надо полагать, две, максимум (учитывая трудность перехода через Срединный хребет) — три недели. А далее маршрут казаков пролегал, по их же словам, по побережью. Правда, сами казаки эту часть своего маршрута описывают предельно скупо, если не сказать — совсем не описывают. Тем не менее, у нас есть прекрасная возможность восстановить (при том во всех, практически, деталях) этот путь по описанию, приводимому В. Л. Комаровым, который во главе ботанического отряда проследовал по этому побережью в 1909 г. [10]. Причём, специально подчеркну, в то же самое (с учётом того, что отряд казаков потратил две или три недели на путь от Верхнекамчатска до побережья) время, что и отряд Р. Преснецова, и в условиях такой же небольшой нехватки прихваченного с собой продовольствия, какую испытывали и казаки.

Итак, 15 сентября 1908 г. В этот день отряд В. Л. Комарова переправился через устье Семячинского лимана на правый берег этой реки и, пройдя вдоль океана с версту, поднялся на высокую прибрежную террасу, обрывы которой упирались в полосу прибоя.

16 сентября, пройдя несколько поверху террасы, отряд спустился к более удобному для движения океанскому берегу. Очень скоро путники вышли из-за береговых валов на кошку и, пройдя по ней версты две, достигли лимана реки Берёзовой.

17 сентября отряд переправился через устье реки Берёзовой и последовал к югу. Пройдя вдоль наружной (обращённой к морю) стороне берегового вала около трёх вёрст, отряд вышел на хоро-

шую торную тропу, пролегающую на внутренней стороне берегового вала. А ещё через четыре версты подошёл к устью реки Корневской.

18 сентября отряд переправился через устье этой реки и по тропе, проходящей по пологому береговому увалу, вышел к отрогу, заросшему березняком. За увалом тропа вновь вышла на береговой вал, за которым, южнее, располагалось обширное, высохшее и совершенно плоское озёрное днище. После озера отряд подошёл к устью реки Карау.

19 сентября по утреннему отливу, путники переправились через устье реки Карау и, выбирая дорогу между параллельными рядами старых береговых валов, густо поросших каменной берёзой, ольховником, кедровником и рябиной, вышли к устью реки Жупановой.

20 сентября отряд с утра запаса провизией на рыбалке Штабеля, расположенной в устье реки Жупановой, и во второй половине дня переправился на кунгасе рыбаков на правый её берег.

21 сентября отряд вышел к Жупановскому лиману, и по высокому берегу, отделяющему лиман от океана, подошёл к заболоченному тальвегу речной долины, выходящей к лиману с запада, где и остановился на ночлег.

22 сентября отряд через низкий плоский увал дошёл до Халыгерского (Калыгирь) озера.

23 сентября, следуя вдоль озера, отряд вышел к широкой пади реки Южный (Малый) Халыгер, которая ведёт к перевалу на реку Вахиль.

24 сентября отряд прошёл совсем немного, так как при падении одной из лошадей в воду подмокли выюки с коллекцией, и потому пришлось остановиться для её просушки.

25 сентября остатками трактовой тропы, некогда ведущей от Петропавловска к Нижнекамчатску, отряд вышел на перевал между реками Южный Халыгер и Вахиль, а затем и к самой реке Вахиль.

26 сентября отряд перемещался вниз по левому берегу реки Вахиль.

27 сентября отряд вышел в устьевую часть долины реки Вахиль и переправился на её правый берег.

28 сентября, не выходя на берег океана, отряд проследовал до реки Островной и переправился через неё.

29 сентября отряд последовал далее и остановился на ночлег в виду Налычевского озера.

30 сентября при сильном дожде и ветре отряд вышел к Нальчевскому озеру.

1 октября от озера отряд вышел к небольшой, из шести-семи избышек деревеньке, стоявшей на берегу небольшой речки Домашней, а затем по тропе проследовал к реке Нальчевой (Шотохчу, по Крашенинникову).

2 октября отряд переправился через реку Нальчеву и проследовал по приморской тундре почти до реки Каменушки.

3 октября отряд пережидал сильный дождь.

4 октября, перейдя, последовательно, Каменушку, Половинную и Тойонскую речки, отряд достиг горы Толстый мыс, обогнув которую он вышел вначале к Калахтырскому выгону, а затем, следуя Калахтырской тундрой, подошёл к метеорологической станции экспедиции. Здесь отряд пробыл два дня и 7 октября переправился в Петропавловск.

Таким образом, весь путь от устья реки Семячик и до устья реки Халактырки (шестой реки) занял у ботанического отряда, с остановкой на время непогоды, 21 день. И надо думать, что отряд Р. Преснецова потратил на этот же путь примерно столько же времени. Но не более, ибо передвижение с вьючными лошадьми хотя и освобождает путников от необходимости нести весь свой груз на себе, однако вынуждает тратить много времени на поиски удобных речных переправ, на сами переправы, а также на переходы через болота, каменные россыпи, лес и кустарники. Во всяком случае, мой личный опыт говорит, что 12—15-километровый дневной переход с вьючными лошадьми по бездорожью — очень даже приличная дистанция. Хотя мне и доводилось преодолевать (по сухой тундре) с лошадьми до 60—65 километров за день, для чего, правда, приходилось постоянно тянуть за собой первую лошадь из караванной связки.

Итак, на весь путь от Верхнекамчатского острога и до Авачинской губы отряду Р. Преснецов потребовалось пять-шесть недель. И, следовательно, к Авачинской бухте и, затем к реке Аваче, казаки вышли в последних числах сентября, или в самом начале октября.

Установление этой, пусть бы и несколько умозрительной, даты важно по следующим причинам. Во-первых, в это время года постоянных морозов на морском побережье быть не могло. Во всяком случае, ботаническому отряду довелось пережить всего два ночных заморозка: 22 сентября, когда минимальная ночная температура достигла -5° и в ключах замёрзла вода [10, с. 358], и 29 сентября, когда ночной мороз достиг $-5,6^{\circ}$ [10, с. 368]. Причём, поскольку

на юге полуострова время конца 1910-х — начала 1920-х гг. было самым холодным (зимняя температура была ниже многолетней почти на 1 °C) за всё прошлое столетие [11], то климатические условия 1909 г. примерно соответствовал таковым же условиям 1703 г. И это означает, что отряд Р. Преснецова данную часть своего похода преодолел в наиболее оптимальных для данного времени года погодных условиях. О чём говорит и приведённое выше свидетельство Г. Стеллера. А, следовательно, казаки не теряли много времени из-за непогоды. И уж тем более не страдали от морозов.

Во-вторых, Б. П. Полевой излишне драматизировал ситуацию с провизией, когда он, ссылаясь на Р. Преснецова, писал: «Поход оказался нелёгким. Уже вскоре было израсходовано продовольствие, и путешественники, по примеру местных жителей, были вынуждены использовать в пищу то, что выбрасывало на берег бурное осеннее Берингово (опять Берингово. — В. Б.) море» [28, с. 128].

Именно драматизировал, ибо в это время года, особенно в те далёкие годы, море и морское побережье изобиловали всяческой живностью, а прибрежные террасы ягодой и кедровыми орехами. Вот что пишет по этому поводу В. Комаров: «В устье реки Семячик и в самом лимане плавало немало нерп, а также целые стада уток, гусей и чаек... На озере (лимане) реки Берёзовой мы добыли около сорока уток и одного лебедя... Здесь, на береговом валу на правом берегу реки Жупановой огромное количество кустов голубики, густо покрытой крупными сочными ягодами... На верхней террасе реки Вахиль увидели шесть медведей, поедавших ягоду, но охота не удалась... С высокого берега от стоянки раскинулась картина озера (Налычевского) с многочисленными стадами рыбы, плывущей во всех направлениях. Чайки садятся прямо на спины плывущим рыбам и вырывают куски мяса... За небольшой, но кипящей рыбою речкой (Домашней) обнаружили небольшую, в шесть-семь домиков, деревеньку» [10].

То есть, говоря со всей определённой, у казаков, куда как более приспособленных к походной жизни, было предостаточно шансов для успешной охоты и ловли рыбы. К тому же не надо забывать, что во время похода казаков, на побережье от реки Семячик до реки Халактырки в устье каждой более или менее крупной речки располагался один, а то и два ительменских острожка. Это уже позже казаки (и другие), подавляя восстание ительменов, с «огнём и мечом» прошли по восточному побережью, уничтожая

и сами острожки, и их жителей. И это уже во времена С. П. Крашенинникова, после интенсивного вымирания аборигенов от болезней, занесённых казаками, количество острожков на юго-восточном побережье сократилось, примерно, вдвое. Но даже и после этого С. П. Крашенинников, проезжая теми же местами, не только отметил наличие острожков в устьях наиболее крупных рек (см. карт-схему), но и останавливался в них, получая при этом достаточное количество еды для себя и своих спутников, а также корм для собак.

Так что, повторяюсь, у казаков было более чем предостаточно возможностей для того, чтобы приобретать еду в обмен на бусы, ножи, иголки и тому подобные вещи. Не говоря уже о том, что ительмены наверняка угощали пришедших путников едой. А потому если казаки на этом отрезке пути и употребляли в пищу «морские овощи», то, скорее всего, лишь как добавление к своему рациону. Кстати, и сделать это они могли лишь по примеру аборигенов.

Так что, скажу, возвращаясь к мысли о недоучёте реальной ситуации того времени и природной обстановки в целом, когда в 2003 г. камчатские картографы, рисовали маршрут отряда Р. Преснецов на участке от реки Жупановой и до реки Налычевой вдоль всего побережья Шипунского полуострова, то они всего лишь по-ученически послушно восприняли мнение Б. П. Полевого об острой нехватке продовольствия у казаков.

То есть, ход их рассуждений, судя по всему, выглядел следующим образом: коль скоро казаки питались только «морскими овощами» («...и с сентября де с первых чисел и до морозов из того моря из воды метало на берег раки и морские овощи капусту, а той капусты листы длиною по сажень и по две, и больше и шириною в пол-аршина и больше, и огурцы длиною в четверть аршина и меньше, и репа по ладоне и больше, и меньше, и ягоды видом рябина и малина и мечет того овощу на берег многие громады. А вкусом те овощи кислы и солонны, а есть мочно, а капуста в варенье приятна и тем морским овощем они, служивые люди, в то время на пути питались» [26]), то казаки просто вынуждены были идти вдоль морского берега.

Однако это совершенно не вяжется с реальностью. Ибо берега Шипунского полуострова представляют собой почти сплошной скальный обрыв (что, кстати, прекрасно видно по картам и аэрофотоснимкам), лишь иногда перемежаемый большими и малыми (Калыгирь, Большое и Малое Медвежьи озёра, Биче-

винка и пр.) бухтами и заливами. А потому проход вдоль самого берега моря, с постоянным обходом многочисленных заливов и непропусков, представлял бы собой предприятие из разряда экстремальных. Казаки же, как известно, по горам ходили только при крайней нужде. Но как раз именно в этом случае такой нужды не было, поскольку поперёк основания полуострова проходила веками набитая тропа, по которой казаки и проследовали. Как следовали по ней, в последующем, и Крашенинников, и Дитмар, и Конради с Келлем, и многие-многие другие исследователи и путешественники.

Что же касается якобы острой нехватки пищи с самого начала похода, то, как было показано, весь путь (около трехсот километров) от Верхне-Камчатска до реки Авачи занял у казаков около 35—40 дней. Не меньше времени понадобилось им и для того, чтобы достичь озера Курильского. Так что вряд ли казаки, более или менее представляющие, куда и насколько они идут, взяли с собой съестных припасов всего лишь на две-три недели. Вряд ли. Особенно если помнить, что им ещё предстояло вернуться назад, в Верхнекамчатск, чтобы сдать собранный ясак Тимофею Кобелеву, который в самом начале 1704 г. со всем ясаком отбыл в Якутск. Причём большую часть этого обратного маршрута отряд Р. Преснецова прошёл по суше. И это означает, что питались казаки отнюдь не морскими продуктами, а тем, что несли с собой, и тем, что брали («имали») у местных жителей.

То есть, подчеркну ещё раз, никак не вяжется предположение Б. П. Полевого об остром недостатке провизии уже с самого начала похода с реальностью. И не вяжется тем более, что даже в наши дни юго-восточное побережье в конце августа, сентябре и в начале октября изобилует морской и речной рыбой, пролётной и местной водоплавающей птицей, медведями и, особенно, морскими зверями. Вот что, например, писал по этому поводу известный камчатский ихтиолог и краевед А. Г. Остроумов: «В ходе авиаоблёта 12 июля 1966 г. (в промежуток от 11 до 13 часов местного времени) в устье протоки, соединяющей озеро Большой Калыгирь с морем, было обнаружено восемь нерп, в бухте Большой Медвежьей — в 50 и 100 метрах от берега — четыре, в южной части Жупановского лимана — три, в низовье реки Жупановой на протяжении пятнадцати километров было насчитано тридцать нерп» [23, с. 161—163].

Что же касается употребления «морских овощей и фруктов», то, скорее всего, происходило это попутно и, преимущественно, во

время движения по юго-западному берегу полуострова. Да и то лишь потому, что в это время здесь уже лежал снег, перелётные птицы улетели на юг, а морские звери уплыли в более укрытые от ветров места. И, следовательно, промыслять охотой и рыбной ловлей стало многим труднее. Но самое главное потому, что здесь местные жители уже отселились с самого побережья в свои зимние жилища, отстоящие на десять-пятнадцать километров и более от морского берега, как делали они это испокон веков по причине сурового климата и отсутствия (в отличие от восточного берега полуострова) на прибрежной низменности леса (дров). Добираться же по выпавшему снегу до этих острожков было трудно, тогда как путь по пляжу, где снег смывался волнами во время прилива, не представлял особых затруднений.

Ну и последнее соображение на эту тему. Не надо забывать, что, описывая своё путешествие начальству, казаки (и не только отряда Р. Преснецова) всегда бессознательно вспоминали самое характерное («морские овощи»), с одной стороны, и сознательно же преувеличивали некоторые (нехватка пищи) трудности, пусть бы даже и немалые, с другой. Но и только.

В связи со всем изложенным, ещё раз отмечу, что хотя постоянные оговорки, дополнения и отвлечения от темы и перегружают текст, однако они помогают понять суть и логику поступков как казаков, так и комментаторов их похода. Понять, в частности, что камчатские картографы, рисуя путь отряда Р. Преснецова от устья реки Халактырки («шестая река Налахтырь») до «дву на десятой реки» через горло Авачинской губы, проявили чисто школярский пиетет по отношению к Б. П. Полевому.

И в самом деле, восприняв утверждение маститого историка о том, что казаки, следуя по восточному побережью, питались почти исключительно продуктами моря за непреложный факт, они решили, что и от Халактырки казаки, дабы иметь пищу, должны были следовать вдоль морского берега, а для этого каким-то образом переплыть горло Авачинской губы. Не дав себе труда задуматься при этом над тем, что даже сытые и полные сил казаки ни в коем случае не стали бы переправляться через морской пролив, шириной более двух с половиной километров, с сильными течениями и подводными камнями на утлых плотках или лодках абorigенов. И забыв при этом о том, что после Авачинской губы казаки за два, примерно, месяца преодолели путь до Курильского озера и от последнего до Верхнекамчатска общей длиной около восьмисот километров. Из которых только незначительная часть

приходится на морское побережье. Не говоря уже о том, что обратный путь казаки проделали по уже устоявшемуся снегу.

Так что не преодолевали казаки горла Авачинской губы. Да это им и не нужно было делать, ибо, как пишет об этом Б. П. Полевой, и я с этим согласен, от реки Халактырки казаки прошли по тропе до того места на «седьмой» реке Аваче, где (ниже нынешнего Елизово) существовал постоянный переезд через эту реку. И прошли, скорее всего, даже не заходя в ительменский острожек Аушин, стоявший на берегу Ниакиной бухты.

От указанного переезда казаки по тропе, огибающей болота и множество русел и протоков низовий рек Авачи и Паратунки, вышли к «восьмой реке», к реке Паратунке.

И вновь позволю себе попутное отступление. Как указывает С. П. Крашенинников: «Паратун речка вышла с левой стороны верстах в десяти из болот и в том месте, где к ней приехали (а ехали к «тому месту» от реки Авачи. — В. Б.), в Купху реку впадала» [16, с. 652]. То есть, Паратункой он называл современную речку Тихую, ибо никакой другой реки в этом месте просто нет. И это означает, что нынешнюю реку Паратунку следовало бы именовать рекой Купхой (Купкой). Ибо, что чуть далее С. П. Крашенинников дополняет: «Купха река, шириною сажен тридцать, вышла верстах во стах из хребта и от переезду верстах в пяти в Авачинскую губу тремя устьями впадала. Против переезду сей реки на правом берегу есть иноземческой острожек Паратун называемый» [16, с. 652]. А это полностью соответствует описанию современной реки Паратунки.

От Паратун (Карымчина) острожка, который стоял в пяти верстах от устья реки Купхи (нынешней Паратунки), на правом её берегу, напротив впадения в неё реки Паратунки (нынешней Тихой), казаки направились к бухте Тарьинской (ныне Крашениникова). От Тареина острожка отряд сначала направился к бухте Безымянной, лежащей за воротами Авачинской губы, затем к озеру Большой Вилюй, расположенному в устье одноимённой («девятой») реки, и уже оттуда вышел к озеру Малый Вилюй, приуроченного к устью одноимённой же («десятой») речки. От этого озера казаки прошли, последовательно, до Малой Саранной («одинадцатой») и Большой Саранной («двенадцатой») речкам. Где они и столкнулись с «курильскими мужиками» во главе с тойоном Икако Датекукакулом.

Кстати, как много, оказывается, знали служивые люди, назвав этих людей «курильцами», а не ительменами. А кстати потому,

что ещё до прихода на юго-восточное побережье казаки уже знали о существовании такового народа. И, значит, уточню лишний раз, и представляли, куда они идут.

Итак, следуя от бухты Тарьинской вдоль юго-восточного побережья казаки, по моему мнению, смогли дойти только до реки Большой Саранной. Ибо до этой реки их путь пролегал через пологие и низкие перевалы между бассейнами рек Большой и Малый Виллой, между Малым Вилюем и Малой Саранной, а также между последней и Большой Саранной. А вот с южной стороны долины реки Большой Саранной перед ними непреодолимой преградой встал высокий (до восьмисот метров) горный кряж, выходящий к океану одним сплошным обрывом высотой до двухсот пятидесяти метров. Тем более непреодолимой, что остальные его крутые, и сплошь заросшие стлаником, склоны уже были наполовину покрыты снегом.

Впрочем, для прояснения ситуации, тут следует вновь припомнить климатические особенности региона на тот период. Дело в том, что описываемое время на полуострове — это начало максимума «малого ледникового периода», который, в отличие от Западной Европы, где он пришёлся на 1645—1715 гг. [3, 8, 35], запаздал на Камчатке на 150—200 лет.

Кстати, запаздывание максимума «малого ледникового периода» при движении от Гренландии на восток прекрасно объясняет тот факт, что викинги на юге этого острова уже вымерли (уехали), а русские ещё 150—200 лет продолжали навещать Грумант (Шпицберген). И что если ещё в 1648—1680 гг. казаки плавали, пусть и не каждый год, от устья Лены и Колымы до реки Анадырь и обратно, то после 1700 г. о таких плаваниях ничего неизвестно. Во всяком случае, не в пример куда более лучше оснащённому и специально для этой цели — проходу от устья Лены до устья Анадыря и далее к Камчатке — снаряжённому отряду П. Лассиниуса Второй Камчатской экспедиции в 1735 г. удалось добраться только до реки Хараулах, где во время вынужденной зимовки многие участники отряда, в том числе и сам П. Лассиниус, погибли от цинги.

Но продолжу тему камчатского «малого ледникового периода». В Альпах, во время максимума этого периода, снеговая линия располагалась на двести метров ниже современной. С учётом того, что Камчатка страна скорее океаническая, нежели приокеаническая, да к тому же гораздо более холодная, чем Швейцария, снеговая линия на полуострове в начале XVIII в. была метров на

двести-триста ниже, чем в наше время. Соответственно и лето наступало на две-три недели позже, чем сейчас, а зима приходила на те же две-три недели раньше. А потому и первый снег на вершинах гор в районе Авачинской губы выпадал не 20—25 сентября, как в наши дни, а числа 5—10-го. И опускался он до верхней границы леса (до 400—500 метров, а не до 600—700, как в настоящее время) не в середине — конце октября, как ныне, а в конце сентября — начале октября.

Но это означает, что коль скоро поход Р. Преснецова начался, по нашему стилю, в начале сентября, то через 35—40 дней, когда казаки предприняли попытку продвинуться от Авачинской губы к югу, снег на окружающих её горах лежал уже на высоте около четырехсот метров, а возможно и ниже. И именно вот это — раннее выпадение снега — обстоятельство, наряду с крутизной самих горных склонов и отсутствием троп далее к югу (о чём казаки узнали из расспросов курил, которые к устьям рек юго-востока полуострова приплывали на байдарках), вынудило казаков вернуться к Паратунскому острожку и последовать далее к югу через долины рек Авачи, Коонам (Корякской) и Большой (Плотниковой).

Почему по реке Аваче, а не по долине реки Левой Быстрой, как иногда считают местные краеведы, по которой от Паратун острожка до реки Плотниковой многим ближе? Да потому, что трудный, без тропы перевал между истоками рек Левой Быстрой и Плотниковой, высотой около пятисот пятидесяти метров, также уже был укрыт снегом. Потому, что казаки действительно нуждались в продовольствии, запасы которого могли пополнять только за счёт местных жителей. И, наконец, потому, что главной целью их похода было объяснение аборигенов, которые обитали не в горах, а исключительно по берегам нерестовых рек и озёр.

Кстати, никогда, добавлю для ясности, не проезжал по долине реки Левой Быстрой и С. П. Крашенинников, хотя местные краеведы и историки также иногда прорисовывают [9] его маршрут к Паратун острожку по этой реке. Этот обстоятельный студент всегда проезжал к Паратунке через Начикинский острожек на реке Плотниковой (Большой), острожек Шиякокуль на реке Корякской (Коонам), острожек Имашху на реке Пиначёва (река Имашха) и острожек Кыттынан на реке Аваче [5].

К сказанному остаётся добавить, что во времена С. П. Крашенинникова многие из ительменских острожков (например, острожек Шаман, расположенный в устье реки Коонам — Корякской) были либо разрушены полностью, либо население в них сократилось

более чем наполовину во времена подавления бунтов местных жителей. И, наоборот, на момент похода Р. Преснецова все эти острожки (и, скорее всего, ещё много других стоянок аборигенов, в том числе, например, и на подходе к озеру Начикинскому) были целы и сравнительно многочисленны. А, значит, казакам было, где остановиться, отдохнуть, расспросить про дорогу и, разумеется, запастись пищей.

Следуя по реке Корякской, казаки, через пологий и низкий (около 380 метров) перевал, вышли к реке Большой (Плотниковой). А затем, по тропе, проходящей мимо озера Начикинского (урез воды которого находится на высоте 348,8 метра), проследовали к реке Сарайной. Так как, во-первых: «Путь из бассейна реки Начики в бассейн реки Банной в этом направлении не требует подъёма на перевал, а только спуска долиной Сарайной реки» [10, с. 125]. И так как, во-вторых, перевал между реками Уздач и Халзан, через который проходила ещё одна тропа от Начикинского острожка к Апачинскому острожку, по причине своей довольно большой — 668 метров — высоты, уже был засыпан снегом.

По долине реки Сарайной отряд вышел в долину реки Банной в 25—26 километрах ниже Большебанных горячих источников. Откуда, подчеркну, до реки Большой казакам оставалось пройти всего 24—25 километров. Подчёркиваю же я это обстоятельство потому, что казаки, достигнув реки Банной, никак не могли последовать вверх по ней в обратном от их общего маршрута направлении. Тем более не могли, что в верховьях реки Банной к тому времени уже лежал глубокий снег, а тропы к этим источникам не было, так как ительмены обычно обходили горячие источники, почитая их обиталищем злых духов — гамулов.

«Ительмены боятся как всех высоких гор вообще, так в особенности — гор дымящихся и огнедышащих, а также всех горячих ключей, — пишет Г. Стеллер по этому поводу, — поэтому-то, будучи проводниками, они и избирают путь по самым опасным местам, то есть по косым горам, исключительно с целью не проходить поблизости от того, что страшит их: они твёрдо верят, что в таких местах и поблизости от них живут духи, так называемые “гамулы” (“камулы”). Известны примеры, когда ительмены охотно отдавали всё, что имели, лишь бы откупиться от обязанности быть проводниками; если же случилось, что от них настойчиво требовали исполнения этой обязанности, то они вскоре после этого умирали со страху перед измышлением своего воображения» [34, с. 45].

Вот тут-то и наступил самый, пожалуй, острый момент во всём нашем повествовании. В том смысле, самый острый, что все приводимые выше подробности, как и многочисленные отступления по поводу физико-географический условий того времени, лишают предположение Б. П. Полевого об открытии казаками отряда Р. Преснецова Большебанных горячих источников всяческого смысла. Не слишком ли громко сказано? Отнюдь.

Дело в том, что сам историк по этому поводу пишет так: «Выяснилось, что ещё 24 декабря 1707 г. в Якутске, при воеводе Ю. Ф. Шишкине были записаны рассказы трёх якутских казаков, которым довелось побывать на полуострове Камчатке. Один из них — казак Родион Преснецов — и смог первым из русских сообщить о нескольких открытых им гейзерах. Приводим этот интереснейший рассказ по копии, снятой в Якутске в 1737 г. для историка Сибири Г. Ф. Миллера» [25, с. 120].

Вот эта выписка: «...за Камчатскою рекой вдаль, ходом в дву неделях, на вершинах Большой реки, а в иноземческом названии та река Кикша, три речки Розсошные, от которых на одной реке с левой стороны на берегу на ровном луговом месте меж камения идут ключи многия тёплых вод и те ключи бьют вверх в колесо и выше. И вода вниз зело горяча и около тех ключей вода горячая течёт ручьями в ту реку Розсошную, и тою рекой вниз на версту и больше пить той воды за горячестью, не положа в неё снега, не мочно, а ниже того пойдёт та вода холоднее и светла, и пресна, и на тех ключах был и видел их он, вышеописанной казак Родион Преснецов. А от тех тёплых вод, за тою Большой рекой ещё видел ходом в двух же неделях за четырьмя реками немалыми близко иноземческого вышеописанного Курильского острожка в полуднище с обе стороны речки малой с берегов и ровных мест воды большими ключами бьют кипятком вверх в сажень, а шириною, в тех ключах откуда та вода бьёт, окна обрешют, а иные и меньше и текут в ту речку, а тою речкою до большой реки десятины с три зело горячи ж, питии не можно и ту де горячую воду черпали они служивые люди и в посудинах ту воду клали рыбу и та рыба сварилась без огня, и в той большой реке та вода равняется с обычною водою. А около тех горячих ключей земли тёплой десятин с пять и больше и зимою на той тёплой земле снег не держится, а от ключей идёт пар многой» [2].

Извините за повторное цитирование, но оно, в данном случае, просто необходимо. Поскольку именно отталкиваясь от этого

свидетельства казаков, Б. П. Полевой делает следующий вывод: «На основании первой части тех же «скасок» трёх служивых людей, бывавших на Камчатке, выяснилось, что Родион Преснецов с подчинёнными ему казаками мог посетить оба эти района ещё в ноябре-декабре 1703 г. Это означает, что именно настоящая группа русских служилых людей по праву может считаться первооткрывателями термальных источников как на реке Банной (Бааню), так и на Паужетке...» [25, с. 120].

Однако предположение это, в части, касающейся горячих источников, расположенных в верховьях реки Банной, в корне неверно. Дело в том, что упоминание о снеге, без которого «воду из горячей реки пить не можно», говорит лишь о факте его выпадения в районе горячих ключей на момент пребывания там казаков, но вовсе не о том, что этими ключами были именно Большебанные источники.

И действительно, ко времени выхода отряда Р. Преснецова в долину реки Банной (а это, напомним, произошло в конце октября — начале ноября по старому стилю, или в начале — середине ноября по нашему времени), снег на юге полуострова мог выпасть уже не только в горах, но и в устьях рек. Вот что, например, пишет по этому поводу В. Л. Комаров: «Снег в Петропавловске выпал впервые в эту (1908 г. — В. Б.) осень 13 октября и быстро стаял; 15 октября выпал снова, более обильный, но на следующий снова растаял» [10, с. 377]. Да и в наши дни такое также случается нередко. Например, в 2008 г. первый снег в Петропавловске выпал 21 (9 по старому стилю) октября.

Но выпадение первого снега на уровне моря означает, что во внутренних районах полуострова постоянный снежный покров опустился до трёхсот-четырёхсот метров над уровнем моря. А то и ниже, как это случилось, например, в том же 2008 г., когда постоянный снежный покров в средней части долины реки Авачи, на высотах от двухсот до двухсот пятидесяти метров установился 21 (9 по старому стилю) октября. И это, замечу, во время глобального потепления, а не ледникового, пусть и малого, периода. Так что к моменту выхода казаков в долину реки Банной (не ранее середины октября по старому стилю) снег вполне мог лежать уже в самой нижней части её долины. Ну, а в районе Большебанных источников, расположенных на высоте около 415 метров, и вовсе установился мощный снежный покров. Что, без сомнения, воспрепятствовало бы продвижению казаков к названным ключам, даже если бы они и захотели это сделать. Впрочем, казаки и не могли

захотеть это сделать, ибо они просто-напросто не знали о существовании Большебанных ключей, как не знали они и о существовании Начикинских горячих источников, хотя и прошли мимо последних всего лишь в нескольких километрах.

Не мог отряд выйти к Большебанным источникам и через перевал высотой более шестисот метров, который лежит на пути между озером Начикинским и истоками реки Банной. Не мог, поскольку тропы через него не было. Это уже многим позже, когда обрусевшее население Начикинского острожка стало достаточно активно пользоваться термальными водами Малых Банных источников для лечения сифилиса, к ним через этот перевал была проложена убогая тропка [24]. А тогда местное население если и посещало район перевала, то лишь ради охоты на снежных баранов. К тому же во время выхода отряда Р. Преснецова в долину реки Плотниковой этот перевал уже был укрыт снегом. Не говоря уже о том, что на подходе к нему не было ни леса, ни кустарников (вспомним, границы лесной и кустарниковой растительности во времена «малого ледникового периода» были метров на триста ниже современных), столь необходимых для оборудования бивака и поддержания костра в течение всей ночи.

Так что, скажу окончательно, отряд Р. Преснецова к западному побережью мог следовать только по тропе, которая после спуска с Начикинского перевала выходила к Начикинскому озеру, проходила вдоль него к реке Сарайной (высота очень пологой седловины между которыми не превышает сорока метров), и по долине последней выходила к тому месту, где река Банная вырывалась из гор в долину реки Большой. И это однозначно говорит о том, что единственными горячими источниками, которые могли им встретиться на пути, были Апачинские ключи.

Действительно, Апачинские источники располагаются на левом берегу реки Шиковой, текущей в этом месте параллельно реке Банной на расстоянии всего лишь четырех-пяти километров от последней. А поскольку реки Халзан и Сарайная, по долинам которых проходили прямые тропы от Начикинского перевала к Апаче, одним общим руслом впадают в реку Банную в одиннадцати-двенадцати километрах выше Апачинских источников, то отряд казаков, следуя далее по слившейся воедино тропе, идущей мимо ключей, вышел прямо на них.

И всё же самым весомым аргументом против гипотезы об открытии отрядом Р. Преснецова Большебанных источников является более чем существенная разница в морфологическом

и геологическом строении той и другой групп горячих ключей. К описанию которых я и перехожу.

Спустя тридцать четыре года после похода отряда Р. Преснецова, С. П. Крашенинников, располагая и временем, и возможностями (то есть, имея в своём распоряжении нарты с каюрами), специально отклонился от прямого пути к Начикам на 25—26 километров в сторону, чтобы описать Большебанные источники. При этом он проскочил мимо Апачинских ключей, о существовании которых не знал — во всяком случае, нигде и ни разу о них не упоминал.

И вот что он пишет о Большебанных источниках: «Ключи, которые находятся при речке Бааню, почти ничем от Пауджинских не разнствуют. Они бьют по обеим сторонам объявленной речки. И понеже на южном её берегу высокая площадь, а на северном каменной утёс над самою речкой, то горячие ключи южного берега текут речками в Бааню, а из утёса с кручины прямо в речку падают, выключая один ручеёк, который в саженях восьмидесяти от тех ключей находится: где горы от реки отдаляются, ибо от устья его до вершины сорок пять саженей расстояния.

Между ключами, которые на южном берегу находятся, примечания достойно местечко, откуда бежит исток, ибо там бесчисленное множество скважин различной ширины в диаметре, из которых вода бьёт в верх аршина на два с великим шумом» [17, с. 182].

То есть, как можно видеть из этого описания, на Большебанных источниках присутствует высокий и крутой обрыв (утёс) над рекой, какового нет на Апачинских ключах, где над ровной луговой поверхностью незначительно выступает лишь несколько камней. Зато на Большебанных источниках нет длинной, «с версту», горячей речки, «воду которой пить не мочно». Нет, хотя С. П. Крашенинников и отметил на своём плане «речку студёную, которая от горячих ключей нагревается», а также наличие множества мелких горячих ручьёв («речек»), текущих в реку Банную [17, с. 182]. Да и высота Большебанных гейзеров (аршин равен 71,12 см), указанная С. П. Крашенинниковым, также не соответствует (в три раза выше) данным Р. Преснецова. Так что, получается, Р. Преснецов и С. П. Крашенинников описывают совершенно разные природные объекты.

А вот что пишет об Апачинских источниках В. Л. Комаров, посетивший их в 1908 г.: «Речка горячих ключей, которые мы собираемся посетить, течёт в реку Сику (Шикову. — В. Б.)» [10, с. 148]. И продолжает: «Пройдя вдоль реки Банной около десяти вёрст, наша тропа повернула направо, западнее, пересекая широ-

кую полосу березняка, затем большую луговую тундру, имевшую форму плоской речной долины (очень изглаженное русло, вероятно реки Банной), затем полосу талов, затем опять узкую луговую тундру и ручеёк в середине её и опять вошли в березняки. Идя которыми в семь часов вечера дошли до края долины Горячей речки, текущей среди широкого луга, обрамлённого старыми красивыми берёзами. Здесь на опушке леса мы и заночевали, пройдя от Апачи четыре часа. Что соответствует приблизительно шестнадцати верстам» [10, с. 149].

А чуть ниже дополняет: «Горячие Апачинские ключи расположены среди небольшой, но широкой лесной луговины, наклонённой на восток к долине реки Сику (Шиковой. — В. Б.). У головного ключа среди луга несколько крупных чёрных пузыристых камней» [10, с. 149].

Но разве не повторяет это описание, если не слово в слово, то по существу, описание Р. Преснецова? И разве не означает это, что казаки на самом деле открыли не Большебанные, а Апачинские источники? По моему мнению, ответы на эти вопросы могут быть только утвердительными. Особенно если помнить, что к Апачинским ключам и далее отряд В. Л. Комарова следовал по тропе, проложенной от Апачи до Начик.

Впрочем, продолжим наши изыскания. Спустя ещё четверть века, говоря про Апачинские источники, Б. И. Пийп писал: «Апачинские горячие источники находятся в долине реки Сику, примерно в шестнадцати километрах на *ВЮВ* от селения Апачи, с которыми они соединены тропой. Река Сику является правым притоком реки Карымчиной, впадающей в реку Плотникову слева, ниже селения Апачи.

Впервые упоминает их и помещает на своей карте К. Дитмар. Первым из исследователей их посетил в 80-х годах прошлого столетия д-р Дыбовский, который даёт их описание, а К. Шмидт приводит сделанный им химический анализ. После этого они были посещены и кратко описаны В. Л. Комаровым в 1908 г. и Э. Гульте-ном в 1920—1921 гг.

Река Сику (по Дыбовскому — Сикулка) течёт здесь в широкой едва выраженной лесной долине, отделённой от параллельной ей с севера долины реки Банной лишь плоским, незаметным, лесистым водоразделом. Ключи выходят на левой стороне долины, располагаясь вдоль тёплого ручейка. Ключевая площадь, имеющая вид голого каменистого места, находится среди небольшого луга, окаймлённого красивым берёзовым лесом.

Среди большого количества мелких ключей выделяются два главных ключа, расположенные в нескольких метрах друг от друга. Из них вытекает очень много горячей воды, и они дают начало тёплому ручью, вдоль которого располагаются остальные более мелкие выходы. Температура воды в этих главных ключах по разным исследователям достигает 70—70,5 °С» [24, с. 69—70].

Итак, Б. И. Пийп не знал (да и не мог знать), что самыми первыми из русских людей на Апачинских источниках побывали казаки отряда Р. Преснецова. Но зато он прекрасно знал, чем они отличаются от Большебанных: «Большебанные источники известны примерно с 1737—1749 гг., когда их впервые посетил и описал С. Крашенинников. После Крашенинникова на них побывали: д-р Дыбовский в 1881 г., д-р Слюнин в 1889 г., Е. Гультен в 1921 г. и П. Т. Новограбленов в 1924 г.» [24, с. 78].

«Место, где находятся источники, чистое, луговое. Река здесь сильно подмывает правую, довольно высокую коренную террасу, образуя обрывистый правый берег. Левый берег более низкий и имеет слегка бугристую поверхность. Источники раскиданы преимущественно по левому берегу реки; меньшая часть их, и при этом более слабые, выходят на правом берегу. Высота выхода терм около четырёхсот пятидесяти метров над уровнем моря» [24, с. 78].

«Термальная площадь описываемых горячих ключей почти вся располагается на левом берегу реки Банной. Вытянута она примерно на один километр. В отличие от выше и ниже лежащих участков долины место здесь чистое, луговое» [24, с. 80—81].

«По форме выхода и характеру деятельности здесь можно выделить следующие типы ключей: 1) бьющие (до 25 см в высоту), 2) маленькие слабо сочащиеся, 3) угасшие гейзеровые бассейны и 4) грязевые котлы.

Температура наиболее сильно бьющих (до 25 см высоты) ключей колеблется от 94,5 до 97 °С» [24, с. 82].

К сказанному остаётся добавить, что спустя полвека после Б. П. Пийпа Большебанные источники активно посещались туристами [33] и пристально изучались учёными [12], которые также отмечали наличие множества (до пятисот) мелких горячих источников. Приметили они и то, что значительная часть из этих источников сбрасывает свои воды в небольшой, длиной всего около четырёхсот метров, ручей «Тёплый», единым руслом, длиной не более ста пятидесяти метров, впадающий в реку Банную. Однако упоминаний о длинной «горячей речке», воду из которой «пить не мочно», ни теми, ни другими не приводится.

Ничего похожего на «Горячую реку» нет и в данных специальных научно-производственных исследований, проводимых на Большебанных источниках в 1961—1969 гг. [14, 15] при разведке гидротермального месторождения Большебанных источников.

Вторят им в этом и современные исследователи. «На сегодня известно множество горячих и пульсирующих источников, грязевых и паровых котлов, прогретых площадок, почвы которых резко выделяются отсутствием на них высокорослой растительности», — пишет, например, О. В. Соболевская [32].

«Большебанные источники приурочены в основном к левому берегу реки Банной, к участку, где долина реки расширяется и имеет относительно ровное и плоское дно. Горячие источники прослеживаются вдоль реки на протяжении примерно полутора километров. Их выходы есть в пойме, на террасах и у самого уреза воды. Температура воды в источниках колеблется от 20—30 до 90—98 °С», — дополняет её В. Л. Леонов с соавторами [20], ни словом не упоминая при этом о наличии «Горячей реки» как таковой.

Так что, говоря окончательно, Р. Преснецов действительно описывал не Большебанные, а Апачинские термальные источники. И это остаётся только признать.

Впрочем, все эти многочисленные ссылки понадобились мне не столько даже для того, чтобы показать ошибочность утверждения Б. П. Полевого, сколько для того, чтобы проиллюстрировать чрезвычайную скорость изменения ситуации на термальных источниках. То есть для того, уточню, чтобы показать, что гейзеры на Апачинских источниках, на наличие которых указывал Р. Преснецов, перестали существовать уже к середине XIX в., если не раньше. А тем самым окончательно убедить моих читателей в том, что отряд Р. Преснецова действительно открыл Апачинские горячие источники.

Но может ли ситуация с гейзерами меняться с такой быстротой? Вполне. Во-первых, само по себе наличие у Апачинских источников «Горячей реки» позволяет говорить о возможности существования здесь в начале XVIII в. небольших («в колено») гейзеров. Как позволяет говорить об этом и температура воды этих источников, которая даже в наши дни на выходе из грифонов, расположенных в четырёх углублениях шириной до четырёх и глубиной до двух метров, достигает +78 °С. А, во-вторых, у нас есть наглядный пример тех же Большебанных источников, где гейзеры существовали ещё в конце XIX в.

Да и вообще, исчезновение и появление гейзеров относится к разряду хотя и редких, но вполне нормальных явлений. Так, в 1996 г. в районе Карымского вулкана произошло двойное (из его кратера и со дна озера) извержение, которому предшествовало сильнейшее землетрясение. В результате чего на берегу Карымского озера образовалось семь новых групп термальных источников и один небольшой, с выбросом струек воды на 50—70 см («в колено»), гейзер, а в целом гидротермальная деятельность в районе Карымского вулкана усилилась едва ли не на порядок [6].

И наоборот, не исключается, что совершенно обратное произошло с Паужетскими гейзерами, когда в 1737 г. в районе северных Курильских островов произошло землетрясение силой до 10—11 баллов. Ибо посетивший Паужетку на следующий год С. П. Крашенинников отметил: «Ключи бьют во многих местах, как фонтаны, по большей части с великим шумом, а в высоту на один и полтора фута» [17, с. 179]. А так как один фут равен 30,48 см, то вряд ли приходится сомневаться в том, что после этого землетрясения, сила которого в районе Паужетки достигала, как минимум, восьми баллов по шкале Рихтера, режим гейзерной деятельности изменился более чем существенно. Во всяком случае, высота их выброса уменьшилась с двух метров до полуметра. Если, конечно же, данные Р. Преснецова соответствовали действительности.

Ну и, наконец, ещё одно, пусть и косвенное, свидетельство в пользу предположения об изменении режима гейзеров. «В одном месте на левом берегу Паужитки есть место, представляющее зачаток гейзера. Через правильные промежутки времени, около 27 минут, происходит вскипание, около минуты брызжет и выливается струёй кипящая вода, затем с каким-то ухающим звуком вода сразу исчезает в глубине щели, камни, образующие русло, быстро обсыхают, и только глухие подземные удары, становящиеся всё реже и постепенно приближающиеся, указывают на повышение воды в жерле. Незадолго до вскипания в щелях между камнями показывается вода. Я разобрал часть валунов и расчистил небольшой бассейн в метр диаметром и три четверти метра глубиной, и период сразу уменьшился до 15 минут, а ряд измерений температуры в образовавшемся бассейне вполне совпал с тем, что наблюдается у типичных гейзеров», — делится своим опытом по расчистке горячего источника С. А. Конради [13].

То есть, добавлю от себя, стоило только чуть-чуть прочистить самую верхнюю часть выхода, как режим функционирования источника заметно изменился. Что уж тут говорить о землетрясе-

ниях, способных кардинальным образом разрушать или засыпать подводящие каналы термальных источников, или, наоборот, расширять старые и создавать новые выходы для термальных вод.

Что же, замечу попутно, касается эффекта «вскипания» воды в гейзерах, то это происходит не столько по причине обязательно-го нагревания воды до температуры кипения, сколько в результате сброса давления в выводном канале вслед за начавшимся излиянием воды после переполнения этого канала. В результате чего газы и пар, содержащиеся в воде, не вскипают в прямом смысле этого слова, а «вспениваются», подобно тому, как вспенивается шампанское при открытии бутылки.

То есть, уточню, поскольку в основе такого вот «вскипания» лежит механизм «газлифта», то температура кипения для образования гейзерного режима вовсе необязательна. К примеру, температура воды в тех же источниках Академии наук спустя четыре месяца после начала извержения составляла всего $+68^{\circ}$, через три месяца она поднялась до $+87^{\circ}$, спустя ещё три месяца снизилась до 80° , ну а все последующие годы колебалась от $+75^{\circ}$ до $+82^{\circ}$ [19]. Однако указанный «гейзерок» всё это время действовал с завидным постоянством.

Ну и ещё одно свидетельство в пользу верности предположения об угасании деятельности горячих ключей вообще и гейзеров в первую очередь. Вот что пишет Б. И. Пийп об исследованных им Большебанных источниках: «Сравнивая данные наших наблюдений с описанием Крашенинникова, мы приходим к выводу, что активность ключей за эти дести лет значительно уменьшилась. Крашенинников, например, отмечает, что тогда в отдельных местах ключевой площадки существовало “бесчисленное множество скважин различной ширины в диаметре, из которых вода бьёт вверх аршина на два с великим шумом”. Теперь уменьшилось не только количество таких ключей, но и сила напора их. Если верить сообщению старосты селения Начики Ю. Мерлина (приведено у Дыбовского), то ещё недавно, в 1882 г., высота нового бьющего ключа достигала три фута, а толщина столба воды была равна толщине человеческого тела. Но это, наряду с тем провалом в 1889 г., о котором говорит д-р Слюнин, по-видимому, были последними вспышками замирающей деятельности ключей гейзерового типа» [24, с. 89].

Таким образом, всё сказанное убедительно подтверждает моё предположение о том, что в 1703 г. на Апачинских горячих ключах вполне могли быть гейзеры вышиной до колена. И этот вывод,

наряду со всеми приводимыми ранее аргументами за и против, означает, что отряд Р. Преснецова на самом деле посетил не Большебанные, а Апачинские горячие источники. И что первым из русских на Большебанных источниках побывал С. П. Крашенинников, который, к тому же стал и первым их описателем и исследователем.

Впрочем, всё это ничуть не умаляет заслуг казаков в деле открытия и освоения Камчатки. А в целом, добавлю, осознание этого факта лишний раз побуждает нас задуматься над тем, что наши знания об истории того времени нуждаются в уточнении, а наши представления о ситуации тех далёких лет — в закономерной корректировке с неизменным учётом реальной ландшафтно-географической обстановки соответствующего времени.

Что же касается дальнейшего маршрута отряда Р. Преснецова, то после посещения Апачинских источников казаки проследовали до озера Курильского, где они, открыв по пути Паужетские термальные источники, столкнулись с проживающими там воинственными курилами. Вследствие этого, пусть бы даже и не приведшего к прямому вооружённому конфликту, противостояния, а также по причине быстро устанавливающейся зимы, казаки повернули назад, к Верхнекамчатску. Причём, надо полагать, весь путь от озера Курильского до Верхнекамчатска занял у них не более сорока дней. Так как им уже не надо было отыскивать дорогу в незнакомых местах. И так как им непременно нужно было принести собранный ясак ко времени отбытия Т. Кобелева в Якутск. Что они и сумели сделать.

Таким образом, заканчивая описание маршрута отряда Р. Преснецова, я вновь вернусь к изначальной мысли о том, что обращение к уже известной теме далеко не всегда означает простое повторение ранее сказанного. Вспомним, например, об искусстве, в основе которого лежат не то тридцать три, не то тридцать шесть сюжетов. Всего только, но сколько легенд, сказок, мифов, драм, пьес, опер, стихов, поэм и книг было сочинено на их основе. Сколько скульптур, картин и рисунков отображают те или иные перипетии всё тех же сюжетов. Не говоря уже о том, что за всё время существования цивилизации каждый из семидесяти миллиардов живших когда-то землян хотя бы однажды соприкоснулся в своей жизни с коллизией, в той или иной степени повторившей один из этих сюжетов.

Что же касается обильного цитирования, частых отступлений и, отсюда, большого объёма статьи, то это, на мой взгляд, вполне закономерно. Ибо для обнародования факта «открытия» Больше-

банных источников отрядом Р. Преснецова, достаточно было всего лишь привести выдержку из соответствующих «Скасок». А вот для того, чтобы показать, что это не так, потребовалось провести множество контраргументов. И не исключено, что понадобится ещё не единожды возвращаться в этой теме, дабы переубедить инакомыслящих. Не говоря уже о том, что наиболее «упёртых» из них переубедить вряд ли получится вообще.

Всего один, для наглядности, пример. Вот уже двадцать лет я пытаюсь доказать издательству «Советской», а ныне «Российской энциклопедии», что площадь Камчатского полуострова равна не 370 тыс. кв. км, как это следует из издаваемых им словарей и справочников, а 270 тыс. Всякий раз я привожу всё новые и новые доказательства в пользу моей точки зрения. Но мне так и не удаётся достигнуть успеха, ибо и до сих пор все выходящие в этом издательстве энциклопедические словари и справочники по географии оперируют цифрой 370 тыс. кв. км.

И это, добавлю, притом, что мною предлагался не только самый простой, но и абсолютно надёжный, способ убедиться в истине. Простой, поскольку надо было всего лишь расчертить карту полуострова на квадраты и посчитать их. И надёжный, поскольку мимо ошибки в 100 тыс. кв. км (в любую сторону) даже при самом сильном желании никак не проскочишь.

Однако, увы, зашоренность взглядов и приверженность мнению авторитетов оказались столь сильны, что мои оппоненты из редакции даже и не помыслили это сделать. А если всё же и сделали, то не решились «уронить честь мундира». Во всяком случае, других причин их нежелания исправить столь вопиющую ошибку я не вижу. Впрочем, почему и как так получается — это уже совершенно иная история. Мне же лишь хочется, чтобы она не повторилась в отношении изложенной здесь интерпретации похода отряда Р. Преснецова.

ИСТОЧНИКИ

1. Активные вулканы и гидротермальные системы Камчатки. Путеводитель научных экскурсий. Петропавловск-Камчатский, 1994. — 225 с.
2. Архив АН СССР, ф. 21. оп 5, д. 73, л. 87 об.—88.
3. *Борисенков Е. П., Пасецкий В. М.* Тысячелетняя летопись необычайных явлений природы. — М.: Мысль, 1988. — 522 с.
4. *Быкасов В. Е.* Открытие Авачинской губы отрядом Родиона Преснецова // Фотоальбом «На самых дальних берегах России». Петропавловск-Камчатский, 2003. — 102 с.

5. *Быкасов В. Е.* Поездки С. П. Крашенинникова по Камчатке // Вопросы истории Камчатки. — Вып. 3. — Петропавловск-Камчатский, 2007. — С. 219—241.

6. *Вакин Е. А., Пилипенко Г. Ф.* Гидротермы Карымского озера после подводного извержения 1996 г. // Вулканология и сейсмология. — 1998. — № 2. — С. 3—28.

7. *Зуев А. С.* Русские и аборигены на крайнем северо-востоке Сибири во второй половине XVII — первой четверти XVIII вв. — Новосибирск, 2002. — 330 с.

8. *Имбри Д., Имбри К. П.* Тайны ледниковых эпох. М.: Прогресс, 1988. — 264 с.

9. Камчатка. XXVII—XX вв. Историко-географический атлас. М.: Роскартография, 1997. — 112 с.

10. *Комаров В. Л.* Путешествие по Камчатке в 1908—1909 гг. — Петропавловск-Камчатский: Холд. комп. «Новая книга», 2008. — 429 с.

11. *Кондратюк В. И.* Климат Петропавловска-Камчатского. Л.: Гидрометеиздат, 1983. — 167 с.

12. *Кононов В. И., Поляк Б. Г.* Больше-Банные источники на Камчатке // Гидротермальные условия верхних частей земной коры. М., Наука, 1964. — С. 52—72.

13. *Конради С. А., Келль Н. Г.* Геологический отдел Камчатской экспедиции 1908—1911 гг. // Известия государственного русского географического общества. Т. LVII. Вып. 1. — М., 1925. — С. 3—32.

14. *Краевой Ю. А., Коваленко В. А., Петухов А. Д.* Больше-Банная гидротермальная система на Камчатке. Вулканизм и глубины Земли. — М.: Наука, 1971. — С. 246—253.

15. *Краевой Ю. А., Охапкин В. Г., Серёжников А. И.* Результаты гидрологических и геотермических исследований Большебанной и Карымчинской гидротермальных систем. Гидротермальные системы и термальные поля Камчатки. — Владивосток, 1976. — С. 179—211.

16. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. М.—Л.: Главсевморпуть, 1949. — 842 с.

17. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. Т. 1. — СПб.: Наука — Петропавловск-Камчатский: «Камшат», 1994. — 438 с.

18. *Крашенинников С. П.* Описание земли Камчатки. Т. 2. — СПб.: Наука, Петропавловск-Камчатский: «Камшат», 1994. — 419 с.

19. *Кузьмин Д. Ю., Андреев В. И., Карпов Г. А.* Спонтанные газы термальных источников кальдеры Академии Наук // Материалы ежегодной конференции, посвящённой дню вулканолога. — Петропавловск-Камчатский, 2007. — С. 227—235.

20. *Леонов В. Л., Rogozin A. H., Соболевская О. В.* Результаты термометрической съёмки Большие-Баных термальных источников (Южная Камчатка) // Материалы конференции, посвящённой дню вулканолога. 27—29 марта 2008 г. — Петропавловск-Камчатский, 2008. — С. 197—206.

21. *Леонтьева Г. А.* Якутский казак Владимир Атласов — первопроходец земли Камчатки. — М., 1997. — 192 с.

22. Лоция Берингова моря. Часть I. Восточный берег Камчатки. — М., 1959. — 245 с.

23. *Остроумов А. Г.* Некоторые сведения о численности ластоногих — ларги и акибы в прибрежных водах Камчатки // Вопросы географии Камчатки. — Вып. 5. — Петропавловск-Камчатский, 1967. — С. 161—163.

24. *Пуйн Б. И.* Термальные ключи Камчатки. — М.—Л.: Изд-во АН СССР, 1937. — 268 с.

25. *Полевой Б. П.* Казачья «скаска» 1707 г. о камчатских гейзерах и Ключевской сопке // Вопросы географии Камчатки. Вып. 3. — Петропавловск-Камчатский, 1965. — С. 119—122.

26. *Полевой Б. П.* Кем и когда была открыта Авачинская губа // Нордост. — Петропавловск-Камчатский, 1984. — С. 75—81.

27. *Полевой Б. П.* Открытие русскими Авачинской губы и история основания Петропавловска-Камчатского // Камчатка. — Петропавловск-Камчатский, 1989. — С. 201—212.

28. *Полевой Б. П.* Новое об открытии Камчатки. Ч. 2. — Петропавловск-Камчатский, 1997. — 203 с.

29. Российский государственный архив древних актов. Якутская приказная изба, ф. 1697, оп. 3, д. 162, л. 27.

30. Российский государственный архив древних актов, ф. 199, оп. 2, д. 481, ч. 7, л. 174.

31. «Скаска» пятидесятника Владимира Атласова от 10 февраля от 1701 г. // Землепроходцы. — Петропавловск-Камчатский, 1994. — С. 25—30.

32. *Соболевская О. В.* Больше-Банные источники: история изучения, современное состояние // Вестник КРАУНЦ. Науки о Земле. — № 4. — Петропавловск-Камчатский, 2004. — С. 130—135.

33. Справочник туриста. — Петропавловск-Камчатский, 1994. — 228 с.

34. *Стеллер Г. В.* Описание земли Камчатки. — Петропавловск-Камчатский, 1999. — 287 с.

35. *Хотинский Н. А.* Голоцен Северной Евразии. — М.: Наука, 1977. — 198 с.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Очерки истории гражданской войны
в Охотско-Камчатском крае.

Часть вторая

Вторая, заключительная, часть исследования «бочкарёвщины» (первая опубликована нами в вып. 1 «Вопросов истории Камчатки») содержит солидный пласт архивных документов. Основной принцип автора: максимум свидетельств современников — участников и очевидцев описываемых событий, минимум комментариев к ним и замечаний. Документы воспроизводятся без малейшего вторжения в текст. Ссылки на местонахождение этих материалов ввиду их многочисленности даны лишь в отдельных случаях.

Главная цель исследования: передать, по мере возможности, дух эпохи, очистить её картину от позднейших наслоений. В этом смысле автор выступает в роли историка-реставратора. На большее он не претендует...

ЦЕНА НЕЙТРАЛИТЕТА

Весной и летом 1921 г. Петропавловск ожидал прибытия нового областного комиссара, назначенца Москвы. Он должен был привезти с собой продовольствие, что смахивало на подкуп и (одновременно) на отвлечение населения от сделки, в результате чего Камчатку ожидала судьба Аляски середины XIX в. Возможно, поэтому появление на полуострове бывших белых прошло почти незаметно. Тем не менее, 18 мая облнарревком постановил: «Разрешить беспрепятственный въезд в Петропавловск лицам с определёнными занятиями, состоящим на службе, или определённым к должностям, а равно имеющим годовой запас продовольствия и сверх того не менее 200 долларов, а всем остальным по особым каждый раз разрешениям начальника Народной Охраны (милиции. — В. П.) Петропавловского уезда».

Летом 1921 г. главной обсуждаемой темой в Петропавловске стала грядущая продажа Камчатки иностранцам. На что прямо указывала фамилия ожидаемого комиссара области «Кларк» с подозрительно-русским именем Иван. В июне «Известия Камчатского областного народно-революционного комитета» писали:

«Объясняя мотивы сдачи американцам громадных концессий на Камчатке, Ленин отмечает возможность борьбы с буржуазным капиталом путём применения старого правила — *divide et impera*. Теперь растёт вражда между Америкой и Японией... мы используем это, и предлагаем Камчатку в аренду вместо того, чтобы отдать её даром: ведь отхватила же у нас Япония даром огромный кусок земли на Дальнем Востоке. Нам гораздо выгоднее отдать Камчатку в аренду и получать оттуда часть продуктов, ибо фактически мы её использовать не можем. Договор ещё не подписан, но уже теперь мы углубляем разногласия между нашими врагами».

Сделка между большевиками-интернационалистами и капиталистами-космополитами маскировалась под *аренду (концессию)*. Газета «Камчатская правда» за 21 июля 1992 г. называет сумму, на которой сошлись в 1921 г. председатель Совнаркома РСФСР В. И. Ульянов-Ленин и его заокеанские партнёры: тридцать миллионов долларов. Документы этой, сорвавшейся не по вине большевиков сделки (кроме денег, Северо-Американские Соединённые Штаты должны были признать Советскую Россию и установить с ней дипломатические отношения), глава внешнеполитического ведомства России передал руководству области во время своего визита на Камчатку в 1992 г.

Примечательно, что ленинскую мысль на полтора года опередил один из зачинателей борьбы за власть Советов в Камчатской области (заместитель мирового судьи от облсовета в 1918 г.) Ефим Иванович Кумпан. Что засвидетельствовано в протоколе торжественного объединённого заседания граждан местности Гижиги, состоявшегося накануне дня Октябрьской революции 7 ноября 1925 г.

«Васильев... остановился на деятельности бывшего в 1919 г. предсовдепа Кумпана, который посылал телеграмму на пост “Святого Павла” и просил американское правительство взять Гижигинский уезд со всеми его богатствами под своё покровительство». Выступившая следом Щербакова уточнила: телеграмма была передана Наяханской радиостанцией, и имелось в виду отдать не только уезд — «всю Камчатку... дабы не могли её взять японцы».

3 декабря 1928 г. в Петропавловскую милицию поступило заявление от гражданки Елены Семёновны Шевцовой о самоубийстве шестидесятилетнего Е. И. Кумпана. Оно было совершено, согласно информационной сводке административного отдела облисполкома, выстрелом из винчестера в рот «при помощи нажима

пальцем правой ноги на спуск». Тело Ефима Ивановича обнаружили по месту жительства в доме № 33 по ул. Ленинской на сундуке около стола.

В милиции уже имелись два документа, где фигурировал указанный дом. В первом значилось: «В третьем часу ночи с 8 на 9 марта Кумпан, возвращаясь из Народного дома, заметил в своей квартире свет. Удивлённый этим обстоятельством, ибо, уходя, оставил квартиру на замке, подошёл к окну и увидел гражданина Г., стоящим возле стола и при свете свечи разбирающим бумаги, сложенные в шкатулке. Заподозрив в Г. злоумышленника, заявитель бросился к входной двери и, навалившись корпусом на неё, стал кричать о помощи, но на крики никто не являлся. Тем временем Г. с силой толкнул изнутри дверь, оттолкнул гражданина Кумпана и побежал вверх по Таможенной улице... В квартире взломан сундук фомкой. По полу разбросаны вещи, бывшие там, разбросаны также бумаги».

Во втором документе речь шла об изнасиловании женщины Иваном (Ефимовичем) Кумпаном и другим молодым человеком, который, чтобы скрыть преступление, выстрелом из винчестера в доме № 33 тяжело ранил сына потерпевшей, в результате чего тот через трое суток, 30 ноября 1928 г., скончался. Следствие не усмотрело связи между этими двумя случаями и трагической смертью самого Е. И. Кумпана.

...Белые в мае 1921 г. приехали на новое место жительства без оружия: ни с кем воевать они больше не собирались. Однако продолжали гордо называть себя каппелевцами в память о своём любимом командире. Одни начинали с ним на Волге в период зарождения их прославленного войска, другие присоединились на Урале и прошли все три тысячи вёрст Сибирского Ледяного Похода... Потом, после гибели генерала, с его именем на устах, отходили всё дальше и дальше на Восток. С помощью каппелевцев был совершён контрреволюционный переворот в столице Приморья. Однако те, кто приехал на Камчатку весной 1921 г., отношения к этому событию не имели — это произошло уже после того, как они покинули Владивосток.

Подпоручика П. В. Новосельцева, одного из «камчатских каппелевцев», призвали на военную службу в 4-й Самарский запасной полк в июле 1918-го, весной следующего года откомандировали во 2-й Самарский полк действующего Волжского корпуса Каппеля в г. Кургане. Воюя в составе этого полка, Новосельцев получил ранение, а когда началось отступление каппелевской

армии, вместе с лазаретом попал на Китайскую Восточную железную дорогу (КВЖД). В феврале 1921 г. около полусотни однополчан организовали на станции Раздольной рыболовную артель. Она занималась промыслом в Уссурийском заливе, Улисе, Парисе и Золотом Роге, рассказывал Новосельцев. «В мае месяце наша артель по устному соглашению выехала... к рыбопромышленнику Демби в Усть-Камчатск. Поехало нас 41 человек. Лето 1921 г. ловили рыбу для Демби. Зимой 1921/22 рубили лес для него же. А в 1922 г. уже начали работать самостоятельно».

Часть каппелевцев образовала в с. Крочи (Николаевке) «коммуну». В неё входили поручики Дмитрий Егорович Лавров, Демичев, Шунько, Колчугин, рядовые Михаил Горбунов, Николай Кочетов, Григорий Вахрин. Остальные «рассосались» по другим населённым пунктам Усть-Камчатской, Ключевской, Нижне-Камчатской и Козыревской волостей.

Согласно советским печатным источникам, в 1922 г. в этих волостях существовало несколько партизанских отрядов, самым крупным считался усть-камчатский. Упоминается также ключевской. Он организовался уже после «спровоцированного при поддержке белогвардейцев мятежа». А во время «мятежа» председатель 2-го Чрезвычайного Петропавловского уездного съезда И. Рябиков и его заместитель И. Ларин телеграфировали усть-камчатскому военному совету: «Для сохранения порядка в Ключах, нарушенного чёрной сотней, примите все меры, вплоть до переброски сил, для подавления, ареста reactionеров и вывоза их в Усть-Камчатск до особого распоряжения».

Вожаком ключевских «reactionеров» был камчадал Василий Кириякович Брагин, крестьянин 1886 г. р., до 1917 года неимущий. «Благодаря его деятельности и компании (торговцы) в селе произошёл раскол по вопросу признания Советской власти и Белого Правительства Бирича», — вспоминал односельчанин Брагина середняк Ксенофонт Ушаков. «Нас было всего 30 человек, а их 130—140 (Е. И. Попов называл иное соотношение сил: 90 на 140. — В. П.). Вообще он, как бывший учитель, умел говорить, умел влиять на массу, а посему и были у него результаты агитаций».

По словам И. Я. Косицина, инициатива созыва Ключевского волостного съезда 19 апреля 1922 г. принадлежала волостному старшине Василию Филипповичу Ушакову, купцу Петру Яковлевичу Васильеву, бывшему приказчику фирмы Демби Василию Трофимовичу Назаренко, торговцу Евгению Васильевичу Машиину и тому же В. К. Брагину. Съезд проходил в школе. Здесь

обсуждали обращение особоуполномоченного Временного Приамурского правительства Х. П. Бирича. Симпатизирующих красным туда не пустили. Они собрались в Народном доме и принялись решать, как и чем поддержать ревком и партизан. Единоличник В. В. Катов говорил, что в этом доме находилось «мало лиц, не более двадцати человек», в том числе Грибов, Моско, Гоценко, Павел Удачин, Иван Емельянович Буянов, Александр Столяров.

В архиве сохранились также свидетельства 1932 г. о съезде двух других его участников В. С. Атласова и П. Е. Черных.

Атласов: «От села Камаки делегатами... были избраны я, Черных Пётр, Расторгуев Василий Автономович и Живонадзе».

Черных: «Съезд проводил Грибов, он в то время в районе торговал от Демби. Из нашего села избрали пять делегатов... Из них Атласов арестован вместе со мной, Расторгуев Алексей и Живонадзе умерли, а Расторгуев Василий сейчас живёт в селении Камаки. На этом съезде было человек сто делегатов, из них помню из села Ключи Ушаков Степан, Селиванов Василий... На съезде с докладом по вопросу не признавать советскую власть выступил Грибов, а также выступали Атласов Василий, Ушаков Степан, Расторгуев Алексей, Машихин Евгений из села Ключи, сейчас арестован, и другие».

Атласов: «Председательствовал на съезде Брагин Василий Кирьякович (арестован ранее), он же делал доклад, о чём он говорил, я не помню, так как на съезд я опоздал».

Черных: «Съезд постановил не подчиняться советской власти... Съезд шёл дня два-три. Вернувшись в село, Расторгуев Алексей сделал жителям доклад о решениях съезда, население также решения съезда приветствовало и постановило организоваться, чтобы в нужный момент выступить с оружием в руках против соввласти. Оружие — винчестера у нас у каждого были свои. Кто был выбран на этом собрании старшим, я не знаю... Несколько раз приезжал в село Грибов, который вёл какие-то разговоры с Ключевым, Расторгуевым, Томиловым Фёдором, но о чём они совещались, мне неизвестно. На этом совещании присутствовал Атласов Василий Спиридонович».

В 1932 г. В. К. Брагин показывал в ОГПУ: «В 1922 г. меня общество уполномочило ликвидировать волревком... Ходил и проводил ликвидацию я не один. Вместе со мной было ещё несколько выбранных обществом людей. Как происходила операция по ликвидации волревкома, я сейчас никак не могу вспомнить, также не могу вспомнить, и кто ходил».

Е. И. Попов: «Ворвался со своей бандой в наш волостной комитет. Отобрал печать и все дела».

Справка. В селении Ключи, что располагалось в 660 верстах от Петропавловска и 125 от Усть-Камчатска, в 1920-е гг. проживало свыше 500 жителей, имелось 94 двора: 13 зажиточных, 69 середняцких и 12 бедняцких. Основные источники существования населения (а также селений Ушки, Кресты, Красный Яр, Козыревск) — охота и рыболовство; огородничество и скотоводство — подсобные. «В Ключах, — писал в 1927 г. уполномоченный окрбюро ВКП(б) В. Д. Сквородько, — каждое хозяйство заготавливает в среднем для себя 75 штук чавыч, 150 кижуча, для собак столько же кислого кижуча и до 900 красной».

Историк В. И. Борисов обратил внимание на архивный документ, где противники советской власти в Ключах подразделяются на две группы. «Реакционеры 1 сорта»: Болтенко, П. Я. Васильев, П. И. Бизеев, П. П. Ясиновский, Крупенин, Ширинкин, Зюкер, Абдрахмон Мамин, поп Каргопольцев, Томилов, Зубков, Липский, Копылов (старик), А. Брагин (есть даже «шпион 1 сорта» И. Сотников). «Реакционеры 2 сорта»: П. К. Грюмберг, Е. Ф. Ушаков, Е. Колесов, Е. Л. Рыжов, Е. Т. Назаренко, Зику.

24 апреля 1922 г. Ключевской волостной комитет, избранный на съезде, направил сельскому комитету Камак предписание «не признавать над собою никаких начальников охраны и партизанов и не исполнять никаких ихних распоряжений», а если в селении появятся представители госполитохраны «и будут делать какие-либо насилие или аресты», немедленно обращаться в Ключевскую волмилицию. О непризнании партизанского начальства волостной комитет (председатель В. Ушаков, заместитель Г. Колесов, секретарь Н. Копылов) сообщил облнарревкому. За четыре дня до этого облнарревком был поставлен в известность Ключевским волревкомом, что тот, не осознавая за собой действий, направленных против интересов трудового народа, а также не желая никаких осложнений в нынешний тяжёлый политический момент, принял решение сложить с себя обязанности местной власти.

Но из Усть-Камчатска поступила команда: «...кроме Народно-Революционных комитетов никакой другой власти допущено быть не может, и те, кто не признаёт действительно народно-трудовой власти в лице Камчатского Областного Комитета, будет признан врагом трудового народа, со всеми последствиями по духу военного времени. В том случае, если действительно раздел состоялся, то Комитету следует указать гражданам, что это преступно

и недопустимо, а потому должен быть только один Народно-Революционный комитет, который обязан всемерно поддерживать Камчатский Областной Комитет, как власть, стоящую на защите прав и интересов трудящихся... Настоящее распоряжение предлагаем объявить населению Ключевской волости. Председатель Военного Совета (устькамчатского партизанского отряда. — В. П.) Яворский».

«После начала гражданской войны в поисках спокойной жизни на Камчатку устремляются переселенцы... Поэтому состав населения в с. Ключевском резко меняется как в национальном, так и в имущественном отношении. Волревком состоял из числа, в основном, пришлых людей, а волостное правление из числа уважаемых, как правило, зажиточных камчадалов» (В. И. Борисов).

И. Е. Буянов писал: «Большинство населения, обманутое своими благодетелями, пошло за сторонниками власти Бирича, выбрав волостное правление, по дореволюционному принципу, возглавляемое старшиной. Часть осталась пассивной. Остальная часть организовалась в партизанский отряд в помощь облнарревкому, в том числе и прежний волревком в прежнем составе. Таким образом получилось двоевластие, выразившееся в неподчинении волостного правления волревкому и наоборот. Никаких грубых эксцессов на этой почве не произошло. Позже, спустя месяца три-четыре, двоевластие в Ключах ликвидировали». Кто и как «ликвидировал», точных сведений нет. То ли козыревский добровольческий отряд и устькамчатская госполитохрана, то ли уполномоченный облнарревкома А. С. Лукашевский, который в августе 1922 г. якобы распустил волостное правление.

А до этого ситуация не раз обсуждалась на заседаниях Ключевского отделения устькамчатского районного добровольческого (партизанского) отряда — например, 14 мая 1922 г. под председательством Дмитриева при секретаре Буянове: «Считать двоевластие в с. Ключах ненормальным явлением, и усматривая причины разложения общества в подстрекательстве со стороны некоторых членов общества, преимущественно русских, принимавших участие в противозаконных собраниях общества и съезда волости... Опросить каждого подозреваемого в подстрекательстве...»

Ключевское отделение было организовано в начале мая 1922 г. По типу Усть-Камчатска избрали военный совет, который выделил из своей среды начальника госполитохраны. В декабре того же года руководитель госполитохраны долины реки Камчатки Н. Александров докладывал уполномоченному облнарревкома

А. С. Лукашевскому, что он выбрал себе в помощники Ефима Епифановича Корабейникова, в секретари Павла Марковича Чуйко и назначил начальниками госполитохраны в Мильково Семёна Яковлевича Михайлова, в Козыревск Пётра Яковлевича Чуркина, в Нижнекамчатск Ионну Фёдоровича Сновидова, в Ключи Егора Измайловича Попова. До него начальником Ключевской политохраны являлся Грибов, а ранее — Александр Павлович Тулупов.

Последний имел трёх братьев: Сергея, Константина и Михаила. На них, физически сильных и спаянных, державших всё селение в своих руках, долгое время не находилось управы. 7 ноября 1931 г. Михаил Тулупов с приятелем забили насмерть палкой секретаря сельсовета Прохора Попова. Михаил получил десять лет лишения свободы, Александр — пять. Константин и Сергей уравнились в сроках наказания с Александром. В 1950 г. Сергея Тулупова вновь арестовали «за антисоветскую деятельность»... Потом, через много лет, трое братьев будут признаны незаконно репрессированными; проверка дела четвёртого, Михаила, завершилась выводом: «реабилитации не подлежит».

Давая показания по «делу о террористическом акте», председатель сельсовета Г. И. Щенников отмечал, что М. Тулупов вступил в отряд Созутова в сентябре 1922 г., когда тот проходил через Ключи, направляясь в сторону Петропавловска. «Где себя проявил Михаил, не знаю, но числился партизаном. Не раз судим за хулиганство, за антисоветские выпады. Всем Тулуповым, за исключением Александра, было дано твёрдое задание как зажиточным хозяйствам, занимающимся спекуляцией из-под полы. Михаил, прикрываясь партизанщиной, от твёрдого задания отвилънул, а Сергей, Александр и Константин категорически отказались, и задание по ловле рыбы, раскорчёвке, вывозке дров, косьбе сена не выполнили ни на один процент, за что у них продано имущество, и дело для привлечения за злостное невыполнение передано по 61 ст. УК в Рабочее-Крестьянскую Милицию для передачи по инстанции». 27 декабря 1931 г., через полтора месяца после убийства сельсоветчика, оргбюро ВКП(б) Усть-Камчатска лишило М. Тулупова звания красного партизана.

Партизанская инструкция Ключевского отделения устькамчатского добровольческого отряда (1922 г.) гласила: «Каждый доброволец обязан беспрекословно подчиняться существующим для него правилам, постановлениям своего начальства... обязан вести агитационную работу в пользу отряда: по возможности вербовать в отряд новых членов и следить за неблагонадёжными лицами,

о замеченном немедленно сообщать своему начальству или Военному Совету... Чтобы не терять достоинства отряда, каждый доброволец должен вменить себе в обязанность быть всегда трезвым, не воровать, не сквернословить и т. п.».

Реорганизация отделения или образование нового ключевого отряда относится к январю 1923 г. Основателем этого отряда считается В. Д. Богомолов, командующий всеми партизанскими силами облнарревкома. 25 марта 1923 г. он писал Усть-Камчатскому волревкому: «Живу в Ключах. Совершенно свободен к выезду в Усть-Камчатск, но не могу выехать потому, что занят работой по организации населения для борьбы с тёмными силами, а их здесь очень много, но в настоящее время дела идут очень успешно».

...После разгрома «бочкарёвщины» одной из весьма опасных тёмных сил коммунисты считали каппелевцев. «Это артель бывших офицеров, прибывшая на Камчатку в погоне за заработком, с одной стороны, и нежелания вести открытую борьбу против большевиков — с другой. Это идейные противники Соввласти», — говорилось 26 февраля 1924 г. на очередном заседании губбюро РКП(б). В итоге принимается решение: «Как чуждый элемент по отношению к советской власти, всех бывших офицеров... удалить из Камчатской губернии на материк. Губотделу ГПУ и отделу Управления Губревкома принять меры к учёту этих офицеров и выселению с открытием навигации».

Более подробно причины удаления излагаются в информационном отчёте губбюро РКП(б) за декабрь 1923 — февраль 1924 г. «...в Усть-Камчатском районе население самое зажиточное. Вот среди этого населения и нашли себе приют “рабочие” артели бывших колчаковских офицеров. В данное время это расплывчатая масса, но, безусловно, настроенная не в пользу Советской власти. Одно их присутствие в селениях указанного района при абсолютном отсутствии партийных работников, не может считаться желательным, тем более, что они, как довольно развитый элемент, легко могут проникать в органы власти на местах, быть вольнонаёмными учителями, сельскими секретарями и т. д. Уже теперь имеются некоторые сведения, указывающие на то, что эти “бывшие люди” зачастую приобретают руководящее значение в крестьянских обществах. При наличии тяжёлых условий для партработы бороться с возможным идейным влиянием белогвардейцев довольно затруднительно. Необходимо принять меры к обезвреживанию».

Тогда же власти выдворили большинство каппелевских офицеров с Камчатки. Согласно сведениям из разных источников, дальнейшая судьба некоторых из них сложилась следующим образом: староста артели поручик Лавров был убит во Владивостоке. Прапорщик Иван Фокин бежал (видимо, по пути следования) в Японию, поселился в Хакодате. Там же оказались поручик Александр Степанович Кравцов, офицеры Кравчук и Мамаев. А поручик Демичев выехал, вроде бы, в Сибирь. На Камчатке он занимался фотоделом, а материалы для этого присылала ему из Хакодате младшая дочь Ерофеева, с которой он до её уезда «имел связь» (на старшей женился Фокин, живший в Чёрном Яру). В мае 1924 г., по словам В. Петрухнова, она приезжала на пароходе в Усть-Камчатск «с целью совместного жительства с Демичевым, но высадиться на берег ей не разрешили органы ОГПУ и в г. Петропавловске, куда ушёл пароход, она была арестована по подозрению в шпионаже, но была освобождена». На материке остался поручик Шерстобитов. Ещё один подпоручик Павел Васильевич Новосельцев ловил рыбу на морском берегу вместе с местными жителями, деверем прапорщика Фокина Яковом Ерофеевым, Халитовым и Чистяковыми.

С отъездом многих членов Николаевской артели её имущество переходит к Кочетову, Горбунову и Вахрину, а за часть его они остались должны уехавшим, и им надлежало уплатить по имеющимся адресам. Следует отметить, что Николаевка, а также Чёрный Яр и Каменка, являлись староверскими селениями. Капитан Александр (то ли Дмитриевич, то ли Иванович) Галинский заведовал пушным отделением американской фирмы «Свенсон и К^о» в селении Камаки. Он писал своей жене-камчадалке, родственники которой проживали в Нижнекамчатске, что поступил в Ленинградский лесной институт, собирается вернуться на полуостров. Происходил А. Галинский из аристократической семьи. В бытность свою на Камчатке получал письма от первой жены из Сербии. В 1931 г. Петрухнов так обрисовал капитана: тридцать шесть лет, уроженец Санкт-Петербурга, роста выше среднего, брюнет, лицо продолговатое, нос прямой, часть передних зубов искусственная — золотая.

Из доклада 1927 г. уполномоченного В. Д. Сковородько: «Бывшие торговцы, офицеры старой армии, революционная стихия которых вытеснила с материка, представители правительства Колчака, офицеры армии Каппеля — весь этот элемент осел в селе Камчатки, первое время дожидавшиеся переворотов, в данное время

занимаются охотой, рыболовством, каюрством, перевозкой грузов на катерах по реке Камчатке, а если удаётся, то не прочь поторговать спиртишком, купленным в Усть-Камчатске по два пятьдесят за бутылочку, а на месте продающих по пять рублей».

То же самое, по сути, находим в отчёте о командировке с 5 января по 31 марта 1927 г. завотделом окружного бюро партии Массюк: «Нахождение почти в каждом селе антисовэлемета в лице белого офицерства... ложет антоганизм между русскими и камчадалами, служит подрывом советской власти». В данном случае речь идёт не только о каппелевцах...

Между прочим, 2 ноября того же года Президиум ЦИК СССР принял постановление «Об амнистии», одним из пунктов которого предусматривалось снять с особого учёта всех бывших офицеров и военных чиновников белых армий.

29 сентября 1931 г. в Козыревске чекисты арестовали «контр-революционную группу» из четырёх человек, в том числе двоих каппелевцев: Василия Петрухнова и Сергея Николина. Петрухнову было тридцать четыре года, Николину — тридцать семь. Разнились они и происхождением: Василий Зиновьевич из «крестьян-полупомещиков» (что это означает, выяснить не удалось), Сергей Николаевич из мещан; его отец был канцелярским служащим. У первого образование незаконченное высшее, у второго — незавершённое среднее. Петрухнов поселился в Козыревске в 1924-м, Николин в 1922 г. На момент ареста Петрухнов, в отличие от своего сослуживца, обзавёлся семьёй. Но имелось у них и сходство: одинаковое воинское звание «штабс-капитан» и то, что они были земляки. И тот, и другой родились в Самарской губернии, только Петрухнов в селе Пестровка Николаевского уезда, а Николин в городе, переименованном коммунистами в Пугачёвск.

Оба они работали в своём хозяйстве, то есть в период коллективизации являлись единоличниками. Петрухнов имел дом, катер, две лошади, рыболовные и охотничьи снасти. У Николина тоже был дом, амбар, огород, собачья нарта. Ещё их объединяла советская кличка «лишенец» (лишённый избирательных прав). Тот и другой подпадали под один из пунктов «Инструкции о выборах в Советы» ЦИК СССР от 28 сентября 1926 г.: «бывшие офицеры и чиновники белых армий».

4 декабря 1931 г. Петрухнов в собственноручных показаниях дал следующую характеристику земляку: «Капитан Николин отличался большой жестокостью по отношению к мирному насе-

лению, а также занимался мордобитием своих рядовых бойцов, находящихся в его подчинении в белой армии. О его службе и зверском отношении с населением могут рассказать точно белогвардейцы, как Исангожин Ислам, Юсупов Фасхетдин, Фёдоров Никифор, Сайфранов Абрар, проживающие в настоящее время на Камчатке и служившие в роте капитана Николина».

С. Н. Николину вменялись в вину: организация контрреволюционной группы, работа «в целях свержения советской власти и срыв проводимых ею компаний на селе». Он якобы говорил весной 1931 г.: «Я раньше был *полупомещиком* (курсив мой. — В. П.), а эти сволочи-большевики всё забрали и здесь от них спасения нет. Почему так долго медлят Япония и Америка?» Тогда же — зайдя в дом односельчанина Михаила Помазкина: «Ты смотри, не ездь на путину в Усть-Камчатск. Там уже стоят японские миноносцы, и скоро будут бомбардировать ГПУ. Могут нечаянно снарядом и вас сшибить. Как Япония заберёт Камчатку, тогда мы снова заживём. Оденем погоны и заставим землю грызть большевиков. Ну и потешимся же мы над ними! За всё отомстим!» И с волнением в голосе продолжал: «Я вот из-за того и не женюсь здесь, что жду со дня на день их конец и уеду тогда на родину!» Обе цитаты из обвинительного заключения.

Николина расстреляли. Петрухнову дали восемь лет концлагерей, но уже 2 марта 1934 г. освободили «по пересмотру дела» с тремя годами лишения свободы условно. Все каппелевцы были взяты на учёт, за ними велось наблюдение.

15 апреля 1934 г. агент ОГПУ «Ярцев» докладывал: «Из членов артели грузчиков и рыбаков белогвардейцев-каппелевцев... на сегодня живут: с. Усть-Камчатск Акуленко Иван Захарович, служил в армии Каппеля рядовым; на РКЗ-2 Кочетов Николай Петрович, служил ротным писарем; в с. Николаевка Вахрин Григорий Павлович, рядовой, Горбунов Михаил Сергеевич, рядовой; в с. Камаки Фёдоров Никифор Петрович, по национальности чуваш, служил рядовым; в с. Козыревск татары Юсупов, Сайфранов, Исангожин, рядовые...»

Информация агента ОГПУ «Укрывшегося» от 3 мая 1934 г.: «Сегодня я посетил с. Николаевку, где встретил проживавших там в собственных домах белогвардейцев Вахрина... и Горбунова. В доме за обедом Вахрин меня расспрашивал об остальных белогвардейцах, арестованных органами ОГПУ, и далее говорил: «Да здесь уже кругом повальные аресты, но хорошо, что в Николаевке у них нет стукачей, и всё идёт как по маслу, нас никто не выдаст».

В дальнейших разговорах, коснувшись вопроса войны с Японией, сказал: “Скоро ли начнётся война, а то надоело ждать”. В беседе о местах жительства в данное время ряда белогвардейцев он рассказал, что им писал письмо белогвардеец Демичев Демьян (материалы для фото получал из Японии от японской шпионки Ерофеевой Фроси), но адрес, по-видимому, сохранился в письме у Горбунова. На мой вопрос: “Где находится капитан Галинский” (начальник бело-карательного отряда, оперировавшего в Сибири против красных партизан отряда Щитинкина), ответил: “Галинский недавно прислал письмо на Камчатку своему тестю-камчадалу, в котором писал, что живёт хорошо где-то под Ленинградом”.

От Вахрина я перешёл в дом Щепихина Дмитрия, бедняк, имеет собственный дом, очень дружен с белогвардейцами Горбуновым и Вахриным... Щепихин сказал: “Скоро ли начнётся война с Японией, я бы с удовольствием задавил три-четыре коммунистов проклятых, хотя и старый стал”. На моё предостережение быть осторожным Щепихин сказал: “Ничего, у нас здесь в Николаевке пока ничего не выходит за пределы своего селения, живём дружно”.

В это время зашёл Горбунов, который после расспроса, как я сидел и как освободился, стал расспрашивать, как на материке укрепляют границы, что там слышно о войне с Японией и о японцах в Маньчжурии, в это время в дом зашёл Вахрин, но Горбунов продолжал, говоря: “Проклятая жизнь, нужно было давно бы смотаться в Японию, там живётся хорошо, вон Селедков Моисей (житель с. Чёрный Яр) получил оттуда письмо от Ерофеева Якова, где описывает, что старовер Зажигалкин и тот живёт хорошо, он, Зажигалкин, тоже прислал письмо и фотокарточку своему родственнику староверу Герасимову Емельяну (житель с. Чёрный Яр). Я, Горбунов, видел эти письма и фотокарточки. Даже такие люди, как Зажигалкин, живут там великолепно, а я бы, если выехал туда, то не так жил”.

Далее Горбунов говорил, что Фокин Иван... и Ерофеев Яков, как пишут в письмах, находились в Австралии, здесь он подробно останавливается на... жизни в Австралии, о их впечатлении, о рёве крокодилов, а сейчас живут опять в Японии. Ерофеев Яков сейчас служит у японцев переводчиком, и что он недавно был на острове Сахалине, что Фокин Иван также живёт хорошо и оттуда пишет сюда, что дураки те, кто остался в СССР, а не выехал. Это касается, в частности, Горбунова, Вахрина и Кочетова, с которыми Фокин был в большой дружбе.

Когда я потом пришёл в дом Горбунова, где с ним мы были вдвоём, и я ему рассказал, что в лагерях, где я сидел, я видел поручика Калчурина, то Горбунов мне сказал: “А ведь у меня от Калчурина есть память”. Какая память — не сказал, скорее всего, золото...»

...21 января 1922 г. особоуполномоченный Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае Х. П. Бирич издал обращение ко всем волостным, сельским управлениям, к населению области. Оно явилось ответом на распространяемые красными партизанами воззвания не подчиняться органам власти, образованным после занятия Петропавловска отрядом В. И. Бочкарёва, не платить им налогов и податей. В обращении Бирича, в частности, говорилось: «Не заслуживает доверия и упоминание в воззваниях коммунистов об открытии своей “резиденции” в Усть-Камчатске, так как близ этого селения на промысле Демби находится отлично вооружённый отряд в сорок человек каппелевцев, который в своём районе никакой резиденции коммунистов, разумеется, не допустит».

Ссылка на обращение Х. П. Бирича впервые появляется в донесении агента ОГПУ «Ярцева», датированном 15 апреля 1934 г. «В 1922 г. наместник белого правительства... Бирич опирался на эту “белогвардейскую артель” и громогласно в прессе заявил: “У меня... имеется группа в 41 чел. каппелевцев, которая не допустит Соввласти на Камчатке”. В 1937 г. устькамчатский колхозник Иосиф Реутов (арестован, но освобождён НКВД) сообщил, якобы со слов каппелевца Акуленко, что по прибытии вербованных в 1921 г. Демби их всех военизировал: выдал японское обмундирование, винчестеры и превратил их в «защитников Японии» и борцов с партизанами.

Так возникло обвинение каппелевцев в поддержке Бирича и их участии в вооружённом отряде Демби. В агентурном деле с условным названием «Грузчики» бывшие белые военнослужащие проходят как «боевой кулак» Бирича. Та же версия содержится в свидетельских показаниях жителя Николаевки М. В. Баженова.

Почему и белая власть в 1922 г., и красная в 1930-е гг. не сомневались в том, с кем должны быть вчерашние колчаковцы? Разгадка на поверхности — они служили у знаменитого Каппеля. Недаром Григорий Вахрин в феврале 1934 г. (информация агента «Официоз») сказал на охоте односельчанину Бурову: «Если бы Каппель был живой, то наверняка такого безобразия, как сейчас, не было бы. Будь Каппель Правителем (России. — В. П.), сейчас много было бы лучше».

Владимир Оскарович Каппель в самом деле — человек-легенда. По мнению выпускников Императорской Николаевской военной академии 1913 г., в обычной обстановке он мало чем выделялся: скромн, застенчив, держался независимо, с достоинством; верный друг и отличный офицер. В Первую мировую войну генштабист.

Тем более, невероятно, что он, штабной офицер (тогда уже подполковник), в 1918 г. повёл в бой с превосходящими силами красных отряд чуть ли не из гимназистов. И... освободил сначала Сызрань, а за ней Симбирск и Казань. Потом — Ставрополь, причём, не зная местности, без карт. И снова малым числом. В 1919 г. Колчак назначил В. О. Каппеля командующим Восточным фронтом. Когда, казалось, разгром был неотвратим, Каппель, спасая войска, в том числе Воткинскую и Ижевскую рабочие дивизии, от полного истребления, возглавил их переход из Омска в Забайкалье. Этот поход и назвали потом Сибирским Ледяным. Шли сквозь холод, голод и тиф. Шли через тайгу, отбивая атаки лесных, мягко выражаясь, разбойников, именовавших себя партизанами.

Уж не эти ли таёжные стычки, благодаря малограмотным, но классово подкованным следователям, спустя многие годы превратятся в карательные экспедиции? Вполне вероятно, что у Каппеля существовало охранный спецподразделение, отражавшее нападения из леса. Но так бы на его месте поступил любой командующий. На допросах Г. Вахрин не отрицал, что с оружием в руках «принимал активное участие в каппелевском карательном отряде против партизанского движения и советской власти», но заявлял твёрдо: к расстрелам партизан (на чём настаивали чекисты) не причастен. То же самое, между прочим, утверждал и рядовой Акуленко.

Был ли у Демби вооружённый отряд из каппелевцев, работавших у него на рыбозаводе в Усть-Камчатске, Вахрин не знал. К высшей мере наказания приговорят в 1938 г. Емельяна Ивановича Герасимова, сторожа Усть-Камчатского рыбокомбината, инкриминировав ему организацию этого отряда плюс заседания «головки» (штаба) у него дома. Под «головкой» подразумевались офицеры Фокин, его зять, и Лавров. Заседания так называемого штаба были очень похожи на застолья...

Но, отвергая своё участие в отряде Демби, Акуленко показал: люди, вооружённые винчестерами, у рыбопромышленника были. Фирсов, Лавров, Шумко и ряд других. Они порой преодолевали расстояние от Усть-Камчатска до селения Макарьевки, а это три-

ста пятьдесят километров (иной источник указывает на Козыревск, до которого двести сорок километров).

По прошествии лет люди, разъезжавшие с оружием по долине реки Камчатки в период противостояния белых и красных, ассоциировались с партизанами. Первый устькамчатский добровольческий отряд во главе с М. Я. Яворским, по одним сведениям, организовался в конце 1921 г., по другим, в марте 1922 г.

12 августа И. Е. Ларин и В. Д. Богомолов отдали распоряжение устькамчатскому военному совету, руководившему этим отрядом, послать в район Петропавловска «возможно большее число добровольцев-бойцов». Чтобы ускорить выполнение этого решения, утверждается в документах облнарревкома, в Усть-Камчатск был направлен его уполномоченный Григорий Трухин с отрядом в двенадцать человек. «Попутно ему было поручено собрать налоги с торгово-промышленников на восточном побережье Камчатки и беспощадно штрафовать хищников на рыбалках. По пути отряд Трухина совершил смелую вылазку на белогвардейский пароход “Томск”, на котором был конфискован катер “Невский”, на этом катере отряд прибыл в Усть-Камчатск».

Прибывшие «тов. Трухин и Дыштан... упрекнули членов Военного Совета Яворского, Емельянова, Буянова и Сахарова в пьянстве и стали настойчиво требовать посылки людей и оружия на Петропавловский фронт». И. Е. Ларин ставил в заслугу А. С. Лукашевскому и начальнику госполитохраны долины реки Камчатки Н. Алексееву «недопущение насилий и убийств, несмотря на явно реакционные выступления бывшего в то время Военного Совета, возглавляемого Яворским под видом РКП(б), о чём Лукашевский своевременно доносил губревкому (партизанскому облнарревкому. — В. П.) и просил немедленно выслать в Усть-Камчатск 20—25 бойцов, приехавших с материка». Но выслано было вдвое меньше.

«Дыштан с товарищами, прибывшими в Усть-Камчатск из фронтовой полосы, пьянствовали лихо, с дебошами. Один из них Чураков, инсценируя самоубийство, прострелил себе из револьвера щёку, выбил несколько зубов, обратно на фронт не ушёл, остался в Усть-Камчатске, с ним остался второй, Раевский. Посещали собрания в нетрезвом виде, последствием чего охотно записавшиеся на фронт добровольцы отказывались идти в Петропавловск под командой кого-либо из них, выбрали из своей среды достойного, всеми уважаемого командира тов. Созутова, под командой которого и был отправлен отряд по реке Камчатке, при проследовании через по пути лежащие селения пополняясь добровольцами» (И. Е. Буянов).

До половины пути отряд Созутова сопровождался уполномоченным облнарревкома Лукашевским, начальником госполитохраны Александровым и Охапкиным, представителями Усть-Камчатских волостного и сельского ревкомов. Есть данные, что сопровождавшие отряд «снабдились за счёт фронта лучшим обмундированием — замшевыми тужурками с вязаными воротниками и рукавами, американскими буцами...» На этой почве, по возвращению сопровождавших, возникли серьёзные разногласия между Лукашевским и Яворским, вылившиеся затем в открытую вражду.

В декабре 1922 г. А. С. Лукашевский попросил освободить его по состоянию здоровья от службы, о чём вскоре пожалел, так как, по его словам, нашлись в тяжёлый для него момент люди, сводящие личные счёты. В сентябре следующего года усть-камчатский гопэушник Савицкий продержал Лукашевского под стражей трое с половиной суток. Андрей Савельевич допускал промахи со своей стороны в бытность уполномоченным облнарревкома долины реки Камчатки, но считал, что «они не настолько велики, чтобы подвергать... в порядке политического ареста». Разобравшись, Камчатский губревком вывел Лукашевского из-под надзора ГПУ и зачислил к себе заведомо в труд. С 1926 г. он работает по специальности — фельдшером. Как в 1918 г., когда приехал на Камчатку. В 1924 г. принят кандидатом в партию. Рекомендовали его четверо: И. Ларин, М. Вольский, В. Кручина и начальник губотдела ОГПУ И. Ломбак. Последний, правда, отказался от своей рекомендации «ввиду того, что Лукашевский не поставил ни его, ни парторганизацию в известность о том, что состоял в партии эсеров».

Впервые в Усть-Камчатке А. С. Лукашевский попал в 1919 г. До падения власти Колчака служил в кооперативе, затем секретарём в волревкоме при председателе В. Д. Богомолоче. Ушедшим в сопки облнарревкомом дважды посылался в долину реки Камчатки: в феврале и в начале июня 1922 г. Первый раз в целях инструктажа «населения о создавшемся положении в связи с высадкой в г. Петропавловске белогвардейских отрядов и организации созыва Петропавловского Чрезвычайного уездного съезда для выработки мер борьбы с упомянутыми выше отрядами, что и было проведено». Второй раз его командировали «в качестве районного уполномоченного долины реки Камчатки с постоянным пребыванием в Усть-Камчатке для организации добровольческих отрядов и высылки их по требованию ОНРК на Петропавловский фронт, равно изыскания средств для приобретения оружия, снаряжения, обмундирования и недостающего продовольствия».

Но осуществлялись не все инициативы А. С. Лукашевского. Одну из них сорвал устькамчатский пушник Петр Никифорович Москалёв. Союз охотников отозвался на призыв уполномоченного отчислить 25 % от промысловых трофеев в пользу партизан и постановил по первому их требованию выступить против белых, но «Москалёв своей агитацией это дело провалил». В числе других данное обвинение спустя десять лет повлекло его высылку в Западную Сибирь как социально опасного элемента.

«По приказанию ОНРК, — писал в своей автобиографии Лукашевский, — организована была боевая охрана Усть-Камчатска для противодействия высадке белогвардейских отрядов в этом районе как в единственном из важнейших пунктов Камчатки в стратегическом отношении. С прибытием на место было приступлено, в первую очередь, к передвижению вверх по реке Камчатке продовольствия, организован был для защиты Устья по выработанному плану отряд, проведён “трудовой день”, давший приблизительно восемь тысяч рублей, на каковые суммы мною приобретено у японцев-рыбопромышленников порученное ОНРК продовольствие и доставлено 20 августа отряду в Налычево.

7 сентября 1922, согласно требования ОНРК, был вновь организован и хорошо вооружённый и всем снабжённый в Усть-Камчатске особый добровольческий отряд в 50 человек и выслан на Петропавловский фронт». Командир этого отряда Яков Михайлович Созутов (1890 г. р., из крестьян) начинал воинскую службу рядовым лейб-гвардии Павловского полка. За пять лет, с 1912 по 1917 г., имея, по его словам, четыре степени Георгиевского креста, был произведён в прапорщики. В октябре 1918 г., будучи дома в Елабужском уезде, по мобилизации попал в Прикамский полк колчаковской армии и оставался там до марта 1919 г. Потом, как рассказывал сам Созутов, самовольно на санитарном поезде выехал во Владивосток, где, пролежав три месяца в госпитале, скрывался от мобилизации. В мае 1921 г. выехал на Камчатку. Я. М. Созутов не уточняет: вместе с каппелевцами или нет, но подчёркивает, возвращаясь к предыдущему периоду, что «против красных частей был в одном бою под Елабугой в октябре 1918, остальное время отступали».

Численность своего отряда, идущего в район Петропавловска, Созутов определяет в 22 человека. Называет и тех, кто прошёл упомянутые выше полпути: Лукашевский, Акимов, Дмитриев, Охапкин и Александров. «Двигались по реке Камчатке вверх на Мильково, проводя в сёлах вербовку в партизанский отряд...

в с. Ключи, по прибытию туда нашего отряда гражданин Ширинкин был взят мотористом на катер партизанского отряда... сопровождал нас от с. Ключи до с. Кирганика, то есть в течение 10—12 дней... Наш отряд был в Ключах в сентябре 1922».

2 октября 1922 г. из Усть-Камчатска вышел второй отряд партизан под началом Г. Трухина, насчитывавший 17 человек. Из письма А. Лукашевского И. Ларину: «В Толбачике пришлось Трухина открыто уговорить сложить с себя звание командира в виду на шумевшей о нём истории об охоте его в Кроноцком заповеднике, и до этого уже были на него жалобы, и население возмущалось, что он командиром; в Мильково переданы дневник и волосяные петли, найденные в Кроноках во время охоты там Трухиным, да и отрядники, за исключением одного человека, были недовольны им. Командиром отряда его определил Усть-Камчатский волком без моего ведома. С Толбачика начал командовать Ревенко и до конца».

...Сами каппелевцы о Сибирском Ледяном походе особо не распространялись: слишком уж горько было вспоминать, как под Красноярском вырвались из окружения и, оставив железную дорогу, двигались по замёршему Енисею и реке Кан, как генерал Каппель отморозил ноги, но продолжал путь верхом с карабином через плечо, в стоптанных валенках, а когда его сняли с коня, сказал: «Пусть войска знают, что я любил их и своею смертью среди них доказал это». Последние слова любимого командира каппелевцы не забывали точно так же, как и афоризм победного времени: «Пуля должна кланяться русскому офицеру, а не русский офицер пуле». Тогда он сам водил роты в атаку. «Каппелю, — пишет его биограф И. Кузнецов, — верили безоглядно, исполняясь к нему сыновней любовью. Приказ командира! Эхо по всей степи. Каждому слову внимают бойцы...»

Невероятно тяжким был тот Ледяной поход. Люди умирали тысячами. Возможно, в этом в походе подорвал здоровье Хафист Карымов, признанный уже на Камчатке сумасшедшим. Сочувствуя другому каппелевцу Фасхетдину Юсупову, козыревский слесарь-модельщик А. И. Никитин вздыхал: «Вам, наверно, много пришлось пострадать от большевиков — этих зверей и извергов... Много они безвинных людей перебили, но это им даром не пройдёт». Сам Александр Ионович в период противостояния белых и красных на Камчатке не только отказывал последним в продуктах и патронах, но и агитировал за признание местным населением власти Х. Бирича.

Как уже говорилось, каппелевцам в 1930-е гг. не нравилось многое из того, что происходило не только на Камчатке, но и в стране в целом. Ивану Захаровичу Акуленко принадлежал такой вывод: «У власти сидят и нами руководят все нерусские... Сталин нацмен и защищает только нацменов, а *нам сейчас, русским, нет никакой жизни*». Неграмотный Акуленко жил в Усть-Камчатске, работал на лесобирже АКОторга. Он присоединился к Колчаку вместе с другими рабочими Воткинского завода, служил в 7-м стрелковом Кузнецком полку. При наступлении красных в 80 километрах от Ишима получил ранение в правую ногу, лежал в читинском военном лазарете, после лечения в начале 1920 г. ушёл добровольцем в качестве рядового в армию Каппеля, находился, по его словам, всё время в обозе карательного отряда до марта 1921 г. «Армия Каппеля от г. Читы вплоть до Маньчжурии вела отступление», — рассказывал Акуленко на следствии в 1937 г. — Прибыв в Маньчжурию, все каппелевские части были обезоружены, чьими частями для меня неизвестно, и все каппелевцы, в том числе я, на станции ж/д Маньчжурии в вагонах примерно дней десять находились под арестом, после чего до станции Раздольной все каппелевцы из Маньчжурии были доставлены эшелонами. Со станции Раздольной я и другие каппелевцы выехали во Владивосток...» Осенью 1922 г., говорил на допросе Акуленко, «я ушёл партизанить с партизанским отрядом с. Усть-Камчатск Созутова Якова Михайловича, с которым я пропартизанил до начала 1923 года...» Случай в среде каппелевцев уникальный. Если, конечно, Иван Захарович не наговаривал на себя в надежде облегчить свою участь.

Поручик Лавров и рядовой Кочетов служили в егерских частях, принимали участие в боях под Читой и в Забайкалье. Они тоже проехали с интернированными Китаем белыми отрядами через КВЖД в лагерь «Раздольное», а затем, как считает Петрухов, дезертировали...

В Чите 50-й Казанский полк, в составе которого воевал рядовой М. Горбунов, переформировали в Волжскую бригаду. Михаил, окончивший сельскую школу, был ротным писарем. Происходил он из семьи торговца. До гражданской войны работал в магазине. Двоюродный брат вызвал его в Иркутск, а родной после мобилизации в колчаковскую армию помог перевестись в нестроевую часть «по плохому здоровью». В 1928—1933 гг. Горбунов работал секретарём руководителя Николаевского крестьянского комитета, а через год — председателем сельсовета. За успешное распространение

госзайма 1935 г. получил грамоту ЦИК РСФСР. Хотя и вылез в начальники, но совсем не умел притворяться тихоней. Это что касается «обезоруживания» бывших каппелевцев в середине 1930-х. «Они вот и винчестера нам боятся давать, а с чем мы будем охотиться? Ну, про меня, ясно, думают, что белогвардеец, ненадёжный человек и отобрали сейчас винчестер...», — делился с неожиданным гостем своей обидой Г. П. Вахрин. При аресте 27 декабря 1937 г. у Григория Павловича, колхозного плотника, изъяли двустволку, одноствольное ружьё и порох. Вместе с биноклем и Библией...

Согласно петрухновским показаниям от 1 марта 1938 г., рыбак-охотник Никифор Петрович Фёдоров был на войне подпрапорщиком карательного отряда. В Камаках жил бобылём, считался крестьянином-середняком. Там же, кроме него и капитана Галинского, обитал ещё один каппелевец Василий Митрофанов, уехавший потом, как и сослуживец Виноградов, куда-то на материк. «Фёдоров являлся активным членом контрреволюционной организации “Автономная Камчатка”, в эту организацию он был завербован бывшим начальником белогвардейского карательного отряда Галинским».

Неизвестно в каких частях служил сам Петрухнов, указывавший лишь свою должность — помкомвзвода. 9 сентября 1970 г., давая объяснения по прекращённому (сфальсифицированному) делу «Автономная Камчатка», он подчеркнул: «В 1933 г. был реабилитирован и в начале 1934 г. я снова прибыл на Камчатку в Усть-Камчатский район с. Козыревск, и что было изъято у меня при аресте, то было возвращено мне полностью». Жил в 1950—1960-х гг. В. З. Петрухнов в Петропавловске. Сведений о том, когда и где скончался, нет. Как нет на сегодня данных об А. Сайфранове помимо секретного (серия «К») донесения начальника Усть-Камчатского райотдела НКВД Ключникова, сообщающего начальнику областного управления Льву его кличку «Ахматов».

Плотник Ключевского лесокombината Ислам Исангожин — сообщал 2 июля 1935 г. агент НКВД «Укрывшийся» — «белогвардеец в чине подпрапорщика. По его словам... уфимские татарские части, влитые в корпус Каппеля, в большинстве состояли из добровольцев. Служил в Волжском пехотном... полку, Самарском батальоне, 1-я рота, командиром которой был капитан Николлин. Исангожин — участник боёв под г. Курганом и Омском. Командиром полка... был полковник Карлов и командиром дивизии генерал Сахаров.

Сахаров и Карлов со своими частями имели целый ряд карательных экспедиций, так, например, принимали участие в усмирении “кустанайского восстания”, где были массовые расстрелы восставших. При походе по Забайкалью и при бое под Читой пленные красноармейцы в большинстве расстреливались, исполнителями расстрелов были татарские части, в числе которых был и Исангожин. В 1920 г. в бою под Читой у с. Беклемешево было расстреляно много красноармейцев (пленных). Исангожин принимал участие в расстрелах.

Близкими друзьями Исангожина в то время были Голованов и Кампус, которые работали в белогвардейской, а в дальнейшем в японской контрразведках... 1920—1921 г. попадает через КВЖД в белогвардейский лагерь в Раздольное, где он работает в японской контрразведке под руководством капитана Чернигина... О работе Исангожина в японской контрразведке знают проживающие в настоящее время в Козыревске Сайфранов, Юсупов и Петрухов... На Камчатке... сразу входит в круг татарских торговцев, сбывающих пушнину японцам и китайцам Иммамудинова Касьяна, Амбеева и других».

Всякого рода компромат собирался не только на каппелевцев, но и на их родственников. Роман, сын Василия Галямова, 1914 г. р., рабочий Ключевского лесокомбината жаловался в своей среде: «То, что продают хлеб и муку без нормы — хорошо, но только цены очень высокие... у нас семья девять человек, работаем трое. Я получаю 200 руб. в месяц, брат — 120, отец — 160, всего 480, на продукты же выходит, не считая заготовленную рыбу и овощи, до 20 руб. в день. Денег не хватает, поэтому приходится хлеб не каждый день есть, особенно сейчас тяжело, так как не платят зарплату».

Возможно, повезло (если уцелел) черноморцу Николаю Сергеевичу Большоголовому, отправленному с семьёй в спецпосёлок «в порядке кулацкого выселения» в июне 1932 г.; в его деле сказано, что он прибыл на Камчатку из Харбина, а до этого в чине капитана воевал в армии Каппеля и получил ранение в руку под Казанью, где белым удалось захватить золотой запас Российской Империи.

Неимуций старшина катера из Ключей Е. Шикин жил небогато — всё, что зарабатывал, пропивал. Как-то он рассказывал односельчанам, что был партизаном, после чего его «стали звать с презрением “сопочником” и повсеместно преследовать Подрезов, Реутовы Ефим и Влас и Андреев Иван (старший) и Большоголовый мне при встрече грозили, что со мной и прибывшими со мной товарищами расправятся. Андреев и Большоголовый прямо

говорили: всё равно мы вас, партизан, перебьём. Мои товарищи Киселёв, Старков, бывшие со мной в партизанском отряде, из боязни, что будут в устье убитыми, выехали в Анадырь, а я переехал жить вначале в с. Николаевка, а затем в с. Усть-Камчатск, но и здесь спокойно не было.

Андреев и Большоголовый, завидя меня, кричали: “Эй, партизан, ты ещё живой! Подожди, скоро мы тебе жизнь укоротим”. Я их боялся, ибо знал, что Большоголовый каппелевец и прибыл на Камчатку в группе каппелевцев за год до моего приезда. Только с прибытием 1-го красного отряда на Камчатку (в долину реки Камчатки. — *В. П.*) во главе которого стоял Марков, они так открыто восставать против меня не стали...

Когда начался Китайский конфликт, как-то на улице меня встретили Большоголовый и Андреев, они о чём-то оживлённо беседовали. Поравнявшись со мной, Большоголовый сказал: “Ты слышал, что начинается на КВЖД, скоро от СССР только клочки останутся, тогда и тебе не уйти от наших каппелевцев много в Харбине и вообще в Китае, и уж если они выйдут, то таким, как тебе, не жить. Лучше сейчас одевай камень на шею и бросайся в Камчатку”. Когда же конфликт закончился, я несколько раз говорил им: “Ну что, взяли ваши каппелевцы, ведь теперь ваша песня спета”. На что Андреев мне ответил: “Всё равно не китайцы, так японцы возьмут Камчатку, тогда я тебе покажу, чья взяла”. Большоголовый в прошлом году не скрывал, что он каппелевец, и все каппелевцы, проживавшие в долине реки Камчатки, Петрухно, Николин и другие всегда останавливались у него. Вели беседы, содержание которых я не знаю».

Имущество Большоголового было описано и продано с торгов в 1931 г. за невыполнение задания по вылову рыбы. Один из свидетелей по их делу рассказывал: «Несмотря на то, что Андреев старовер, а Большоголовый — православный, они очень дружили, причём, Андреев очень часто бывал в последнего, несколько раз я слышал, что они поют у себя “Боже, царя храни...” но почему-то не верилось, но... раз в 1928 г. я сам был у Большоголового, где был и Андреев, и они разговаривали между собой о преимуществах царского строя перед советской властью, во всём соглашались друг с другом, под конец разговора Большоголовый, чуть выпивший, запел “Боже, царя храни...” Андреев ему подпевал, а я ушёл...»

Недовольство своей жизнью выражал чернорабочий из Ключей П. И. Головащенко, воевавший против каппелевцев в Приморье в отряде Лазо. «Ну и что же, что партизан. Я, партизан, борол-

ся за советскую власть, а всё равно ничего не добились — ходим босые, голые и голодные». В ГПУ, где его допрашивали, однако потом отпустили, он так и заявил: «Я, рабочий, но мне выдавали муки по двенадцать килограмм (то есть равняли с крестьянами)... Разве я могу думать о социализме, когда я голоден?»

В конце 1930-х гг. И. З. Акуленко, Г. П. Вахрин, В. Н. Галямов, М. С. Горбунов, И. Исангожин, Н. П. Кочетов, И. С. Мусатов, П. В. Новосельцев, Н. П. Фёдоров были расстреляны. Все они в разное время реабилитированы, и первым в сентябре 1960 г. постановлением президиума Камчатского облсуда — Фёдоров. По поводу вооружённого формирования Демби в этом постановлении говорится: «...данных о существовании такого отряда не имеется».

В Государственном архиве Камчатского края (ф. 497, оп. 1, д. 3, л. 38) хранится документ, который мог быть использован при реабилитации Н. П. Фёдорова и других: письмо председателя облнарревкома И. Е. Ларина в штаб военно-революционных партизанских отрядов от 22 февраля 1922 г. В нём излагается ответ из Козыревска члена облнарревкома В. Д. Богомолова на запрос об отношении каппелевцев к происходящим в области событиям: «Каппелевцы образовали свой посёлок и занялись трудовой жизнью, имеют общую баню, прачечную и пекарню, оставшиеся в Усть-Камчатске ведут также себя нейтрально. По получению в долине реки Камчатки обращения Бирича к населению они немедленно дали подписку, что они вмешиваться ни во что не будут, а поэтому заявление Бирича считают голословным и смешным. Вообще они не будут защищать ни ту, ни другую сторону». О чём Ларин и доложил 13 апреля 1922 г. Второму Чрезвычайному Петропавловскому уездному съезду...

ФИНАЛ С ЖЕНСКИМ ПРИВКУСОМ

В начале июня 1922 г. генерал-майор Н. А. Поляков покинул Петропавловск. Он и семеро его спутников — казаки и офицеры, среди которых был сын о. Михаила корнет Ерохин — погрузились на шхуну промышленника Олафа Свенсона и отправились на Охотское побережье во владения В. И. Бочкарёва.

10 июня 1922 г. Х. П. Бирич издал приказ № 261: «Заведующий училищами Камчатской области П. Я. Сусяк назначается временно исполняющим должность Правителя Канцелярии с выдчей ему за совмещение двух должностей законом предусмотренного вознаграждения».

17 июня 1922 г. Владивосток телеграфировал: на заседании Совета управляющих правительства выданы разрешения на занятие горным и золотым промыслом в Охотском уезде американцу Д. А. Холмсу; золотым промыслом в стовёрстной зоне побережья Приморья, Камчатки и Сахалинской области, а также на прилегающих островах англичанину Г. Л. Тое; золотым промыслом на острове Аскольд японцу Показима Коици; золотым и горным в пределах закрытого для частных горных и золотых промыслов Чукотского полуострова, за исключением реки Волчьей, русскому подданному В. Е. Кривенко.

19 июня 1922 г. «сопочный» обларревком исключил из своего состава А. Ф. Дубкова, коему вменялось в вину то, что он не помешал белым вывезти пушнину с Командорских островов, а, прибыв оттуда, поступил на службу в канцелярию Х. П. Бирича исполняющим дела старшего делопроизводителя. Его фамилия мелькнёт в «Думском деле» 1923 г. как свидетеля, сочувствующего соввласти, живущего с женой и двумя детьми на квартире учительницы А. В. Сусляк.

Должник камчатской администрации по поставкам грузов в Петропавловск (16 212 руб. 96 коп.) владивостокский рыбопромышленник А. М. Березовский похвалялся, будто он в июне 1922 г. сорвал карательную акцию против красных партизан, не взяв вооружённый отряд белых на арендованный им пароход, направлявшийся по восточному побережью Камчатки. При разговоре с Биричем, утверждал Березовский, присутствовал П. Я. Сусляк, который якобы намекнул, что, в случае отказа, они натравят на коммерсанта рыбинспекцию, поскольку тот эксплуатировал на Камчатке рыбалки, в том числе в районе селения Завойко.

Всё это говорилось Березовским в декабре 1922 г. незадолго до показательного процесса над Биричем, когда он уже был под следствием. Х. П. Бирич опроверг заявление рыбопромышленника: «Такого случая никогда не было. Я не имел права отправлять отряд на частном пароходе, да у меня и людей не было». Через шесть месяцев после расстрела бывшего особоуполномоченного власти прекратили дело в отношении А. М. Березовского, который привлекался по ст. 99 УК РСФСР за недозволенную порубку леса.

28 июня 1922 г. подпоручик А. А. Подгорный попросил Х. П. Бирича освободить его от обязанностей вахтенного начальника посыльного судна «Свирь», так как он не может руководить военнополитическим розыском и одновременно нести корабельную службу. Напомним, Подгорный на посту начальника белой контрразведки

168 *Секрет*

Гражданину Начальнику Государственного Политического
Управления.

Рыбпромышленника А. Березовского
1-я Морская № 22.

Заявление.

28-го Июня 1922 года, при проездѣ моемъ на Камчатку въ Петропавловскъ уполномоченный Виричъ пригласилъ меня въ свою канцелярію и предложилъ мнѣ въ категорической формѣ взять на арендованный мною пароходъ "Каисе-мару" вооруженный военный отрядъ для борьбы съ отрядами красныхъ на восточномъ берегу Камчатки. Это предложеніе Вирича я въ категорической формѣ отвергъ указавъ ему, что я їду на Камчатку исключительно по своимъ дѣламъ, и взять къ себѣ на пароходъ военный отрядъ я ни въ коемъ случаѣ не могу. На это Виричъ мнѣ замѣтилъ: "Я СТАРЫЙ САХАЛИНЕЦЪ, МЕНЯ ЗНАЕТЪ ВСЯ КАМЧАТКА И, ЧТО НЕ БУДЬ Я ВИРИЧЪ, ВОЛИ Я ОКОНЧАТЕЛЬНО НЕ ЛИКВИДИРУЮ КРАСНЫХЪ" въ первый день разговоръ на этомъ и закончился. Въ день отхода парохода изъ Петропавловска, Виричъ вторично пригласилъ меня къ себѣ въ канцелярію. Въ канцеляріи т.е. вѣрнѣе въ его кабинетѣ я засталъ много Сусялякъ, если не ошибаюсь ближайшаго сотрудника Вирича, этого Сусяляка прежде предилъ меня, что Виричъ измѣнилъ свое первоначальное рѣшеніе послать на моемъ пароходѣ вооруженный отрядъ, а взамѣстъ его намерѣется послать отрядъ вооруженныхъ милиціонеровъ, тоже самое мнѣ заявилъ вошедшій въ кабинетъ и самъ Виричъ, какъ на первое предложеніе Вирича посадить ко мнѣ на пароходъ вооруженный отрядъ, такъ и на второе относительно вооруженныхъ милиціонеровъ, я въ самой категорической формѣ тутъ-же заявилъ Виричу, что никакимъ образомъ я на своемъ пароходѣ шкуды не повесу.

Видя, что онъ - Виричъ не можетъ силой заставить меня взять на арендованный мною пароходъ вооруженныхъ его людей онъ съ явнымъ и насмѣшливымъ выраженіемъ на его лицѣ злобы, безусловно направленной по моему адресу, стоявшему тутъ-же Сусяляку замѣтилъ, а ВѢДЬ НАМЪ ВОСТАЛИ, ЧТО-ТО ЧУЖАНО ПРЕДПРИЯТЬ" на это Сусялякъ замѣтилъ "ЧУЖАНО ПОРУЧИТЬ ИНСПЕКТОРА РЫБОЛОВСТВА" давались-ли Виричемъ инспекторамъ рыболовства какія-либо полномочія, я этого утверждать не могу.

А. М. Березовский

Г. Владивостокъ
30-го Декабря 1922 года.

Заявление рыбпромышленника А. М. Березовского в ГПУ от 30 декабря 1922 г. (из архива РУ ФСБ по Приморскому краю)

заменял убитого партизанами Пояркова, назначенного, по утверждению Х. П. Бирича, им по прибытию в Петропавловск вместо корнета Томаровского. 30 июня 1922 г. начальник Петропавловского военного района В. В. Кузнецов ходатайствовал перед особоуполномоченным о выделении 90 тыс. руб. на нужды «по секретно-агентурному делу военно-политического розыска», предложив отчитываться о расходовании средств в устной форме без предоставления оправдательных документов.

В тот же день за подписью Бирича и Кузнецова был издан приказ об ужесточении контроля за всеми прибывающими в порт судами и установлении брандвахты из числа экипажа «Свири». Приказ не коснулся парохода «Кано-мару», доставившего 30 июня местным фирмам много товаров, поскольку гласил: «Все прибывающие в порт суда, кроме судов Императорского Японского Флота... предварительно останавливать на внешнем рейде для досмотра, карантинного надзора и документальной проверки. По выполнении этого, подход судов к пристани будет разрешаться Штабом Петропавловского Военного района. Все уходящие из порта суда должны иметь соответствующий пропуск от Штаба...»

Нерегулярность паромных рейсов во Владивосток, а также по восточному и западному побережьям полуострова, беспокоила многих жителей области. Это нашло отражение в рапорте благочинного всех камчатских церквей игумена Николая Владивостокскому епархиальному совету. «В некоторые приходы мне удалось послать почту, но по сие время ответа не имею, а тем более от отдалённых церквей, когда не было никакого с ними сообщения на собаках и теперь за отсутствием правильных рейсов Добровольного флота в навигацию последних годов, мы, жители г. Петропавловска, лишены всякой возможности выехать из города, за редким и случайным исключением...»

Тревожился игумен и по другому поводу, преувеличивая, на наш взгляд, влияние и масштабы деятельности антиправительственных сил. «Но и сидя на месте, не гарантированы, что всякий час могут с нами (пропуск частицы «не». — В. П.) покончить, ибо большевики, имея... преимущество в силе, держат почти всю Камчатку в своих руках. Телеграф и телефоны в их руках, кроме Петропавловского радиотелеграфа. Все селения под их строгим контролем. Намеченные лица большевиками убиваются в самом городе, так, например, недавно был убит в доме через окно поручик Поярков, также стреляли в дом, где находился караул. Многие почтенные люди даже подростки взяты и уведены неизвестно

куда... На кладбище, отстоящем в полверсте от города, не хоронили, боясь быть захваченными большевиками. Хоронили в городе на старом закрытом кладбище. Большевики не дают никому косить сено для скота, не разрешают возить в город дрова, скот многие, за неимением корма, убивают».

Однако благочинный был настроен решительно: «Всё-таки необходимо, чтобы спасти камчадалов, чтобы не иссякла у них вконец православная вера, то надо безотлагательно нынче же зимой объехать всю Камчатку, на что потребуется месяцев пять. Несмотря на большевизм, я с первым снегом в ноябре месяце выеду в том случае, если раздобуду собак и необходимые средства на путевые издержки».

5 июля Петропавловский порт покинул пароход «Взрыватель». Проезд в каюте первого класса стоил 90 руб., второго — 70 и третьего — 50. Этим рейсом во Владивосток (без захода в Японию) выехали жена и дочь Х. П. Бирича. А накануне он издал приказ № 291 о запрещении местным магазинам выполнять заказы и выдавать товары в кредит чинам военного ведомства и служащим правительственных учреждений, не имеющих на это разрешительных свидетельств из канцелярии особоуполномоченного; в противном случае в оплате счетов будет отказано.

«По всему берегу Авачинской губы, — писал 7 июля «Камчатский листок», — появилось огромное количество мальков неизвестной породы, причём мальки разные и очень мелкие. Старожилы утверждают, что явление это очень редкое и предвещает дождливое лето, бурную осень, а ход рыбы будет под самым берегом». 9 числа в Народном доме давал «первую гастроль по небывалой программе» факир Сулейман Бен-Саид, азиатский профессор, как оповещала афиша, совершивший «Мировое Турнэ». Рекламировались его способности угадывать мысли зрителей и усыплять от одного до шести человек.

Во второй половине июля 1922 г. поступила правительственная телеграмма, уведомившая особоуполномоченного, что рейсы японских торговых судов могут совершаться с платой на основании торгового и таможенного уставов, корабельного и попутного сборов, без права заниматься каботажом между русскими портами.

Старший чиновник особых поручений М. С. Миклашевский, вернувшийся (скорее всего, на «Кано-мару») из командировки во Владивосток, заявил: в столице Приморья после ликвидации бунта жизнь вошла в нормальное русло; командующий вооружёнными

силами Временного Приамурского правительства генерал-лейтенант М. К. Дитерихс проявил силу и энергию к водворению порядка и прекращению партийной розни; Народное Собрание распущено, созывается Законодательное. «Правительством сделаны распоряжения о посылке на Камчатку провианта и предметов первой необходимости для населения. К нам снаряжены три парохода: “Магнит”, “Батарей” и “Охотск”; их приход в Петропавловск ожидается на днях».

15 июля во Владивостоке открылся Земский собор. Представителями от Камчатской области на него были избраны инженер Оводенко и бывший начальник Анадырского уезда Сокольников (кандидаты Михельсон и Циунчик), от Петропавловской городской думы — Е. А. Колмаков и Е. Ф. Одынец.

В тот же день в Петропавловск прибыл военный транспорт «Цуругазаки» с продуктами для японских военных судов. Спустя три дня японское командование устроило состязания в военном городке, на которых присутствовали Х. П. Бирич, консул Симада, командир флотских миноносцев Накаяма, начальник Петропавловского военного района Кузнецов и начальник штаба есаул Чешкин. Через четверо суток миноносцы ушли: один на север, другой на западное побережье Камчатки.

16 июля 1922 г. в Петропавловском соборе была «отслужена заупокойная литургия и панихида по в Бозе Почившим Его Императорском Величестве Николае Александровиче и Его Августейшей семье, приявших мученическую кончину в ночь с 16 на 17 июля 1918 г. от руки врагов Родины и Престола».

20 июля в Петропавловск вернулся крейсер «Нийтаки», 22-го в семь утра пришёл японский почтовый пароход «Кобе-Мару»...

В конце июля поступила телеграмма от уполномоченного Охотского уезда И. И. Соболева: «По всему Охотскому побережью и в районе Охотска—Якутска спокойно. Область совершенно очищена от красных партизан. Побережье охраняется правительственными войсками. В Охотск прибыло большое число иностранных коммерсантов».

30 июля 1922 г. Петропавловск узнал о трагической смерти тридцатитрехлетнего П. Я. Сусляка. Педагог по профессии, он поднялся на волне революционных событий после падения монархии. Весной 1917 г. входил в состав Петропавловского городского комитета, а затем возглавил его. Осенью 1918 г. Второй Камчатский областной съезд избирает П. Я. Сусляка товарищем (заместителем) председателя областного комитета А. А. Пурина.

С тех пор их фамилии соседствуют вплоть до роспуска в начале 1919 г. этого органа областной исполнительной власти.

П. Я. Сусляк активно противодействовал совдепу в его стремлении подчинить Камчатку ленинскому совнаркому. В дни острой конфронтации с «советчиками» (март 1918-го) он вместе с А. А. Пуриным призывает местных жителей защитить демократию с оружием в руках, и сам принимает участие в этих «разборках», обошедшихся, правда, без жертв. Позднее Павел Яковлевич отнёс упрёки в жажде власти «через потоки крови». Демократы, говорил он, не имели намерения пролить «родную народную кровь». П. Я. Сусляк напомнил делегатам Второго съезда: «Многое было предпринято для того, чтобы столкнуться с совдепом, не раздирать Камчатки, как разодрана наша Родина». И иллюстрировал позицию Совета митингом, созданным им 1 января 1918 г., где областной комитет обвинялся в буржуазности, и велись речи «о пуле и верёвке для членов Комитета». Уступив власть совдепу, объяснял П. Я. Сусляк, удалось избежать пластовки (от фразы «пластовать рыбу»), что на языке местных жителей означало одно — кровопролитие.

Той же осенью 1918 г. П. Я. Сусляк избирается председателем Петропавловской городской думы. В 1919 г., когда Камчаткой управляют представители Колчака, а затем Дальневосточной республики и Советской России, Павел Яковлевич, отойдя от политики, всецело отдаётся педагогической деятельности, которую, кстати, не оставлял и прежде, работая в облкоме и Думе на общественных началах. Иногда читает лекции, в том числе о «Великой Французской революции». И всё же после январского (просоветского) переворота в Петропавловске против него, как и против колчаковского управляющего областью Н. Н. Червлянского, было возбуждено дело, прекращённое летом 1920 г. по амнистии правительства Дальнего Востока.

В первый период «бочкарёвщины» П. Я. Сусляк негласно оппозиционировал новой власти, что отмечает в воспоминаниях 1964 г. «Второй Чрезвычайный Петропавловский уездный съезд Камчатской области» П. Г. Ивашкин-Ларичев: «Когда мы находились в Островной (красные партизаны в ноябре 1921 г. — *В. П.*), заготавливая лыжи, туда из города зашёл бывший противник советской власти учитель Сусляк, а с ним два охотника из коренных жителей города — фамилии их не знаю. Сусляк проинформировал тов. Ларина, как ведут в городе меркуловские ставленники, охарактеризовал их вооружённые силы как шайку бандитов и заявил,

что при такой власти он не согласится поступать к ним на какую-либо работу, а решил лучше уйти на промысел со знакомыми ему охотниками.

Тов. Ларин и Фролов крепко предупредили гражданина Сусляк и его спутников, чтобы при возвращении их в город они умоляли о нашей с ними встрече и ни в коем случае не передавали белобандитам, какое количество нас находится с Облнарревкомом. Они дали слово, что это выполнят (гр. Сусляк, возвратившись в город, всё же поступил к Биричу правителем канцелярии и нашёл там свою смерть...)»

В 10 утра 28 июля 1922 г. в город от партизан сбежал брат П. Т. Новограбленова подросток Вася, задержанный красными, видимо, в отместку за то, что первый камчадальский учёный и педагог открыто называл их шайкой бандитов и разбойников (всё это в дельнейшем роковым образом скажется на судьбе Василия Трифионовича — расстрелян в 1934 г.).

После его бегства возникла надобность в передислокации партизанского лагеря, о чём Н. П. Фролов поставил в известность И. Е. Ларина, сообщая ему также о городском ЧП — убийстве руководителя канцелярии особоуполномоченного. «У Кузнецова были именины, на которых Сусляк сказал речь, что нужно освободить Рябикова, иначе городу придётся голодовать, после обеда его зазвали на квартиру, и капитан Любвин приставил к виску револьвер и сказал “помирай, если ты голодный”. После убийства Сусляка в городе полная паника, никто не гарантирован за свою жизнь».

Материалов расследования трагического случая 29 июля немного — всего три протокола допроса, и среди них нет показаний человека, стрелявшего в Павла Яковлевича.

Р. Я. Салатко-Петрище: «Я, командир посыльного судна “Свирь”, поручик по Адмиралтейству... тридцать шесть лет, римско-католического исповедания, под арестом и следствием не был. В 11 час. вечера я вернулся с (неразборчиво. — В. П.) начальником Военного района и пошёл к себе на квартиру в 3-й казначейский дом, занимаемую М. П. Бородиной. Провожать нас просил разрешения штабс-капитан Любвин. Прийдя домой, я предложил штабс-капитану Любвину выпить рюмку водки, от коей штабс-капитан Любвин не отказался. В 12 час. 20 мин. ночи я и М. П. Бородина вышли провожать штабс-капитана Любвина домой.

На углу, у конца Казначейских зданий, встретили П. Я. Сусляка, выпившего изрядно, начался мирный разговор. П. Я. Сусляк обратился ко мне с вопросом: «А у капитана, наверно, есть рюмка

водки?», на что я ответил: «Ради Бога». Мы зашли в квартиру М. П. Бородиной и прошли на кухню, дабы не беспокоить мать-старуху и детей. Я налил по рюмке водки. М. П. Бородина вышла за ещё одной рюмкой, которой не хватало за столом. Я вышел: или за папиросами, или за чем-то другим — точно восстановить не могу.

Раздался выстрел, я вбежал в кухню и увидел штабс-капитана Любвина стоящим, а П. Я. Сусляк лежал уже полу и хрипел. Я спросил, что такое. Штабс-капитан Любвин заявил: «Одним товарищем меньше...» (неразборчиво. — *В. П.*). Тот час я послал на пароход «Свирь», вызвал караул и сообщил начальнику Военного района. В (неразборчиво. — *В. П.*) прибыл доктор Рубецкий, оказал первую помощь, отправил раненого в городскую больницу».

М. П. Бородина 29 июля 1922 г: «...не доходя до Казначейства, нас догнал П. Я. Сусляк, шедший из гостей выпимши, я немного отстала от них, как услышала голос командира «Свири» Салатко-Петрице: «А что, не зайдёшь к нам на рюмку водки?» За поздним временем я просила очень долго не сидеть. Войдя в прихожую, я попросила извинения у Павла Яковлевича, что не приму его в столовой, ибо рядом спят дети и бабушка, а пошли на кухню, где всегда едим, даже если бывают и посторонние. Павел Яковлевич сел за стол, третьей рюмки не оказалось. «Я принесла Вам рюмку», — сказала я и вышла в комнату бабушки, как раздался выстрел, и бабушка вскочила и сказала: «Мария Павловна, на кухне выстрел».

Желая её успокоить, я сказала, что, наверно, не у нас. Вышла в кухню, где на пороге стоял капитан Любвин и сказал: «Мария Павловна, не волнуйтесь, я убил Сусляка». На полу навзничь лежал и храпел Павел Яковлевич, из правой стороны головы сочилась кровь. Командир «Свири» встал и сказал капитану Любвину: «Вы, как честный офицер, оставайтесь до прибытия военных властей на месте, а я пойду доложу о случившемся». (Следует заметить, что Бородина являлась подчинённой Сусляка: она служила в канцелярии особоуполномоченного «журналистом»; существовала тогда такая должность чисто технического, по-видимому, свойства никак не связанная с прессой.)

В. Б. Ненсберг: «Приблизительно часов в 11-ть я услышала стук в парадную дверь и пошла из спальни отпереть. Было темно в передней, и я не знаю, сколько и кто вошёл, опять легла и вижу, входит Мария Павловна за посудой, взяла и ушла. Через четверть часа она опять отворила дверь, чтобы войти, но в это время раздался выстрел, я привскочила на кровати и крикнула: «Мария

Павловна, стреляют!” Она же мне в ответ: “Ну вот, глупости, кто стреляет”, потом я услышала, что она плачет на кухне, и голос грубый её уговаривает.

После выстрела стал кто-то сильно хрипеть, и я решила, что это Роман Яковлевич уснул, и было тихо потом, заходили, но я не выходила из спальни, утром, и то от других, я узнала, что застрелили или застрелился господин Сусляк. Более показать ничего не могу. Варвара Ненсберг, имея 70 лет от роду».

Из всего приведённого выше, и наверняка также других сведений, не попавших в архив, Х. П. Бирич сделал вывод: «Салатко-Петрище назвал покойного к себе в гости совместно с капитаном Любвиным, который, придравшись к словам Сусляка (что-то о политических приёмах советской власти), выхватил револьвер и убил наповал».

Данное преступление можно отнести к разряду «пьяных», что, скорее всего, и сделали многие жители Петропавловска, услышав о его застольных обстоятельствах. Ровно за месяц до этого Бирич с Сусляком распустили обязательное постановление № 3315, которым, на основании пункта статьи 105 «Правил о положении усиленной охраны», воспрещалось торговым заведениям продавать спирт и разного рода крепкие напитки всем без исключения военным чинам, не предъявившим соответствующих разрешительных удостоверений за подписью начальника Петропавловского военного района; запрещалось приглашать военных в частные дома «с целью спаивания их»; налагался запрет на покупку от военных чинов каких бы то ни было «предметов обмундирования, продовольствия и оружия». Нарушители перечисленных запретов подвергались штрафу до 500 руб. или аресту до трёх месяцев с высылкой для отбывания наказания во Владивосток.

Свидетель по «Думскому делу» Адольф Антонович Оссе, бывший бочкарёвец, при красных портной войск Охотско-Камчатского края, «раскрыл секрет Бирича»: как тот ограничил своеволие Полякова — будто «начал спаивать спиртом офицеров... чтобы переманить их на свою сторону, и действительно так и было, так что Полякову пришлось уехать отсюда на шхуне Свенсона в Наяхан к Бочкарёву. Теперь поляковцы стали требовать, и Бирич давал, что они хотели». Когда же не давал, «поляковцы берут винтовки и идут его обстреливать. Местная команда стала на заднем плане (не подчиняться никому, исключая комсостава). Бывали и вооружённые столкновения с поляковцами». Соответствовало ли действительности утверждение бочкарёвца Оссе, перешедшего «на платформу Советской власти», теперь проверить вряд ли удастся.

Партизанский осведомитель доносил в штаб сопочников: «Когда выгнанные из Солеварки рыбаки пришли к Биричу с вашим требованием об освобождении Рябикова, он им сказал, что “я им увезу на Солеварку и выброшу его труп” послы когда ушли рыбаки он будто написал Рябикову Смертный приговор и послал розысылным на подписи Сусяку, Щепчинскому и Колмакову, как правителю кацелярии, председателю управы и городскому голове, но Сусяк и остальные двое от подписей отказались и когда Бирич получил обратно приговор без подписей то тот час его разорвал, и за это убит Сусяк, и готовятся ещё убить Бирича, Щепчинского и Калмакова, этот смертный приговор опровергается следующим.

Я имел интервью с Артюхиным, который мне сообщил: после похорон Сусяка Артюхин проходил мимо Бирича дома, через открытую форточку Бирич его поманил пальцем к себе в дом, Бирич был выпивши и сказал Артюхину Садитесь помянем покойника Сусяка, Артюхин сел и при этом поминании они вдвоём обсуждали возмутительную смерть Сусяка, возмутительные выходы поляковцев и критическое положение населения города. Бирич спрашивал где искать выхода и как выйти из этого положения, Артюхин сказал “нада освободить Рябикова”, Бирич сказал Я его давно освободил-бы, но как его освободить, его нада освободить так, чтобы доставить в Завойку или в их стан живым, а этого при данном положении не возможно. Говорит Бирич Я глубоко убеждён и хорошо знаю, Что когда я его освобожу то он и десяти шагов не проследует как тут же на берегу будет убит поляковцами. Я в том глубоко уверен. Артюхин сказал тогда вооружённой своей командой (те есть Биричевской опричниной) Бирич ответил тогда ещё больше будет крови убийства с обеих сторон и будет причина или повод вмешательства Японии и я не гарантирован за свою жизнь, тогда Артюхин сказал, как вы Особоуполномоченный, то обратитесь к Японскому Консулу и попросите, чтобы японцы их разоружили. Бирич говорит, а какое после этого положение или влияние займут японцы в городе и вообще на Камчатке?»

Далее в донесении указывается, что Х. П. Бирич якобы предложил Артюхину вооружить горожан, чтобы совместно с его людьми разоружить поляковцев. Их к этому времени особоуполномоченный будто обещал опить. Артюхин возразил ему: пьяные прольют ещё больше крови, чем трезвые, и опять будет повод для вмешательства Японии, необходимо заранее заручиться её поддержкой. Тогда Х. П. Бирич посоветовал Думе принять постановление с требованием казни убийцы Сусяка и освобождения

Рябикова, он, дескать, подпишет такое постановление. Особоуполномоченный пригласил Артюхина к себе на другой день, но тот стал ждать, пока Бирич пошлёт за ним. Одновременно тогда же, в понедельник, Артюхин поведал о своём разговоре с Биричем Колмакову и Румянцеву. «Гласные должны были собраться на заседание в шесть вечера, но явилось всего девять человек... Бирич по случаю убийства Сусляка подал во Владивосток телеграмму на английском языке, насколько разобрал. Гласит так: “Правителя моей Канцелярии убили без всякой причины если [неразборчиво] скорой помощи из Владивостока то [неразборчиво] худое”.

После убийства Сусляка всё чиновничество пришло в полное уныние видно, что уже от всего сердца против них негодуют и ищут выхода и не находят его, полный глухой тупик, из которого нет выхода. Броситься в ворота там банды садистов, броситься за озеро там красные и везде преграды, бьются как мухи в закрытом сосуде, и ни где нет выхода». Что в этом документе правда, а что — нет, сказать трудно. Да он и не претендует на полную достоверность, о чём говорит заголовок «Последние слухи об убийстве Сусляка».

«Моя личная мысль, — высказывает своё мнение автор донесения, — чтобы всё население города обратилось бы к Японскому командованию, Чтобы их разоружили и взять город под охрану самого населения или же Чтобы они ушли из города или же Чтобы Японцы оставили наш порт, и тогда мы сами с ними справимся...»

В заключение информатор Чечелевский (фамилия явно вымышленная) рекомендует партизанам держаться прежней тактики — «гонять отовсюду рыбаков и косильщиков» в надежде, что «тем вызовется негодование, они один другого будут убивать...»

За убийство П. Я. Сусляка казачий офицер не понёс наказания. Тогдашняя молва указывала ещё на одного виновника преступления. Впрочем, на допросе в Приморском губотделе ГПУ 10 декабря 1922 г. третий механик «Свири» Василий Сутурин отказался подтвердить, что он говорил старшему механику Г. Я. Бойко, будто Сусляка убили вдвоём Любвин и Салатко-Петрище.

На воскресенье 30 июля 1922 г. намечался пикник для учащихся Петропавловских училищ и детей не учащихся. Его устраивал «Торговый дом Сайденберг и Виттенберг». Мотор (катер) с кунгасами должен был отойти от пристани в десять утра. Ребятам надлежало захватить с собой еду и кружки. Руководить экскурсией П. Я. Сусляк поручил инспектору Петропавловского высшего начального училища П. Т. Новограбленову и учителям обоих училищ. Он же заблаговременно дал объявление об этом в местную

газету. Отдых с морской прогулкой организовывался в высшем начальном училище и раньше: 1 октября 1921 г., без малого за месяц до высадки в городе Северного экспедиционного отряда (СЭО), дети ездили на Петропавловский маяк на кунгасе, предоставленном кооперативом совершенно бесплатно. Погода стояла прекрасная. Смотритель маяка Шантин встретил гостей (около семидесяти человек) радушно, накрыл стол для преподавателей, которые отметили, что «все сооружения и помещения в образцовой чистоте».

...Вдова Павла Яковлевича Анастасия Васильевна Сусляк (беспартийная, из крестьян) после окончательного установления на Камчатке советской власти работала учительницей и библиотекарем и даже была избрана в Петропавловский горсовет.

25 сентября 1925 г. инструктор по работе среди женщин Камчатского губбюро РКП(б) М. Мефодьева докладывала т. Мучнику в отдел истпарта Дальбюро ЦК, что за исключением материальной помощи в некоторых селеньях (например, Татьяна Никитина из Козыревска), женщины Камчатки в партизанском движении непосредственного участия не принимали. Однако в архивных документах того и более позднего времени мелькают женские партизанские фамилии. Среди них: жительница Сероглазки Евдокия Ивановна Крупенина-Куро, жена И. В. Рябикова Мария Степановна, тигильская телеграфистка, передававшая партизанам сведения о передвижении белых военных; её увольнение тогда, по словам Е. П. Мильского, добивался начальник почтово-телеграфной конторы И. Д. Козырев, сданный им в ОГПУ. Н. П. Фролов называет ещё одну женщину (помимо уже известной нам Веры Пановой) Анисью Николаевну Селиванову.

В конце 1920-х гг. некоторые коммунисты хотели исключить её из партии, приводя самый веский, на их взгляд, довод: «Тов. Селиванова в прошлом была падшая женщина, злоупотребляла спиртными напитками...» Фролов напомнил: А. Н. Селиванова первой из камчатских женщин вступила в компартию, стала политически грамотной, активисткой — членом агитсекции Российского общества Красного креста, окрсовета, Добровольного общества «Друг детей», окресткома. «Знаю Селиванову с 1920 г. Селиванова оказала громадные услуги партизанским отрядам... через неё и её квартиру мы держали связь с городом».

Селиванову защитил другой ее товарищ по партии Васильев. «В поступках во всей её личной жизни (пьянство, ненормальная семейная жизнь) отразилось всё наследие царского самодержавного

строю и те условия, в которых находились все трудящиеся того времени. Не вина Селивановой в том, что в её личной жизни они проявились наиболее ярко. Сейчас мы видим, что т. Селиванова совершенно не пьёт; она исправилась, как только вступила в ряды партийной организации. Тов. Селиванова работает над собой... Считаю, что многим из нас следует взять пример с Селивановой».

А. Н. Селиванова, 1885 г.р., замужняя вторым браком, имела сына и дочь, работала тогда в детяхлях. В деле 1935 г. об отравлении в Петропавловском порту, заведённом НКВД на несколько лиц, в том числе на заведующую столовой Анисью Николаевну Селиванову, можно прочесть: «в прошлом жена полицейского, которая... имела близкое общение с белогвардейскими офицерами, рядовым составом белогвардейцев, вплоть до интимной связи. С этими белогвардейцами Селиванова в своей квартире устраивала пьяные оргии, также посещала квартиры белогвардейцев, где участвовала в пьянствах». Её обвиняли в посещении начальника военно-политического розыска П. Д. Пояркова, кому она «вымышленно рассказала», будто вместе с жительницами Сероглазки Щукиной и Куро «доставляли продукты красным партизанам, в связи с чем Щукина и Куро были арестованы и содержались под стражей в течение двух месяцев, допрашивались и подвергались издевательствам».

А. Н. Селиванову исключили из ВКП(б) при проверке партдокументов уже в 1930-х. По делу об отравлении «в результате отсутствия должного санитарного надзора» она получила один год исправительно-трудовых работ с вычетом 10 % заработка без лишения свободы.

16 ноября 1957 г., посетив через 27 лет Камчатку, И. Е. Ларин и Н. П. Фролов письменно подтвердили, что Васильев Пётр Иванович, 1906 г. р., сероглазкинский старшина катера, «принимал участие в партизанской борьбе в качестве связного и снабжении партизан продовольствием». В 1938-м, когда расстреляли «врага народа» Васильева, Петропавловский горком ВКП(б) объявил строгий выговор с занесением в учётную карточку ровеснику века Луке Лукичу Слободчикову. Этот человек, будучи слепым, выполнял отдельные поручения партизанского отряда: например, «помогал нам поддерживать телефонную связь с партизанским отрядом» (Б. Г. Ивашкин-Ларичев). Телефон являлся важным источником информации «сопочников». Владимир Иванович Семёнов, входивший некоторое время в спецгруппу из трёх партизан, рассказывал, что они в установленной на восьмой или девятой версте

Завойкинского тракта палатке «имели телефон, подвешенный к проводам, подслушивали разговоры в городе белогвардейцев, их телеграфные передачи; в составе партизан был телеграфист Давыдов, впоследствии погибший в бою под сельхозфермой».

Как уже говорилось, жители Петропавловска подростки Вася Новограбленов и Ваня Игрушечкин, «ушедшие за лошадьё», были взяты партизанами в заложники. Этот факт Интернационал Акимов (новые имя и фамилия Игрушечкина) нашёл своеобразное отражение в его в автобиографии: «...весной 1922 г. *попал* (курсив мой. — В. П.) к партизанам... где пробыл добровольцем четыре месяца». В 1924 г. он состоял в частях особого назначения. По случаю 50-летия Великого Октября Игрушечкин-Акимов получил орден Красного Знамени как «партизанский разведчик в отрядах Чекмарёва и Елизова».

Однако наиболее важные — надо полагать — сведения поступали от Николая Андреевича Федоренко (а не от С. Х. Сидоренко, на кого указывалось в первой части настоящих очерков). После возвращения партизан в Петропавловск И. Е. Ларин не только забыл о его заслугах, но и при случае дал ему негативную политическую характеристику: «Выдержанный, но ярый монархист, где только может, всегда вставит палку в колесо революции». Партизанский шпион фигурирует в письме С. Я. Кима от 3 мая 1990 г. (см. первую часть «Противостояния»), в партархив Камчатского обкома КПСС. «Был ещё... белогвардейский прапорщик Федоренко (или Федорченко), который проживал казарме белых. Через него шли в партизанский отряд данные о белогвардейцах, впоследствии работал в качестве агента Облфинотдела, а через некоторое время покончил с собой, что был в белых (угрызение совести)». А может, наоборот: из-за того, что предавал своих?

Автор письма причисляет к тайным городским помощникам партизан своего однофамильца Михаила Кима, что в начале второй половины 1922 г. бежал от разоблачения к партизанам и вместе с ними потом вошёл в Петропавловск. Умер он в период Отечественной войны в Самарканде. С. Я. Ким, поддерживающий связь с родственниками Михаила, удивлялся их полному неведению в отношении его партизанского прошлого.

С. Я. Ким пишет, что подал рапорт об увольнении из НКВД в 1937 г., тем самым протестуя против выселения корейцев с советского Дальнего Востока. Согласно одним архивным документам, его увольнение последовало на два года раньше — 1 сентября 1935 г. «за передачей в РКСМ», согласно другим — был осуждён

«за фальсификацию материалов и запугивание арестованных». Пётр Николаевич Тен, отсидевший «десятку» по делу «Автономная Камчатка», показал в процессе реабилитации его фигурантов в 1955 г.: «Ким Степан меня допрашивал несколько суток без перерыва, угрожая оружием и расстрелом... И обманывал меня, и оформлял протоколы нужные ему, а я подписывал, не зная их содержания». С. Я. Ким, будучи сам допрошен в 1963 г. о деятельности бывшего начальника Камчатского областного управления НКВД А. П. Льва, заявил буквально следующее: «Я вообще тогда не слышал вообще о каких-либо нарушениях социалистической законности». Кстати, Степан Ким являлся одним из первых комсомольцев Камчатки, но год спустя, в июле 1924 г., окаравливал помещение губфинотдела уже в ином качестве: горрайком РКСМ исключил его «как шкурника». Но затем он снова идёт в рост. В 1928 г. — секретарь окрсовета Осоавиахима, кандидат ВКП(б), а через полгода уже и член.

...Ни супруга главного педагога области Анастасия Васильевна Сусляк, ни, тем более, М. П. Бородина, с партизанами, естественно, связаны не были. В ночь с 28 на 29 июля 1922 г. Марии Павловне шёл тридцать шестой год. Она, как и А. В. Сусляк, являлась «дамой бальзаковского возраста». Имела ли Бородина косвенное отношение к убийству Павла Яковлевича, мы не знаем и, видимо, не узнаем уже никогда. Не узнаем, наверное, и кто такой Сойкин, «разоблачитель» Бородиной, заявивший на неё в НКВД 22 октября 1937 г.: «Гражданка Бородина Мария Павловна проживает по Партизанской улице в 1921 г. вовремя борьбы с белым террором на Камчатки, гр. Бородина была сожительницей одного ярого белобандита СолодкоПетрищев копитан ваенно корательного порохода “Свирь”. Гр. Бородина бывшая мещанка и сожительница врага трудового народа, котораго в 1923 годов г. Владивостоке лично мне пришлось снять с вогона на станцией г. Владивостока. После шести дневного процеса СолодкоПетрище был разстрелян Совмесно сосвоей бандой тrenaдцат бандитами.

Если гр. Бородина являлась женой ярого бандита то и она могла являться его агентом а если она служила агентом сваему супругу то кров трудящихх пролита по её вине. Гр. Бородина имеет сына от Соладко-Петрища его доказовае теснаю связ с врагом народа».

М. П. Бородина приехала на Камчатку с мужем, радистом по профессии, А. А. Ненсбергом в 1910 г. Через два года развелась, вышла за другого, с ним прожила семь лет. Первый муж в 1919 г.,

при Колчаке, управлял Петропавловским уездом, в 1921 г., при революционерах, заведовал областным метеобюро, потом эмигрировал в Америку. Их переписка с Марией Павловной не прерывалась до 1937 г., но была под постоянным контролем «компетентных органов».

Окончательно Советская власть на Камчатке установилась с возвращением в Петропавловск партизанившего облнарревкома в ноябре 1922 г., а уже 13 января 1923 г. к Бородиной на улицу Большую нагрянули с обыском. Производил его уполномоченный по разработке губернского ГПУ Кунцевич, в качестве понятых выступали член Следственной Комиссии при ревтрибунале Григорий Трухин и Василий Зенков, который спустя пять дней отправится во главе красной разведгруппы на разгром бочкарёвцев и погибнет в бою с ними 13 апреля в Наяхане. При обыске у М. П. Бородиной изъяли четыре письма и одну фотографию. В 1920-е гг. она работала машинисткой губревкома. Второй обыск был у неё в 1927 г. Вновь забрали, однако потом вернули, переписку. 1938 г. Третий обыск. Последний. Самый большой «улов» — переписка на 21 листе, четыре фотокарточки и три открытки. Они послужили дополнением к обвинению в шпионаже в пользу Японии. Один из членов военного трибунала поинтересовался отношением Бородиной к приходу советской власти в 1922 г. Ответила, что занималась не политикой, а детьми. Она имела троих ребят — двоих сыновей и дочку...

21 октября 1921 г., когда «Свирь» с бочкарёвцами была на подходе к Петропавловску, первый муж М. П. Бородиной находился уже в Хакодате. Эта дата стоит в его письме оттуда. «Здравствуйте, дорогая мама и Маруся... В России ужасный голод, мрут миллионы, но это не изменяет политику террора, и к голоду присоединяются тысячи смертей при помощи массовых казней... Благодарите Бога, что Вы живёте на Камчатке и что в Петропавловске стоят японцы...» В следующем письме А. А. Ненсберг хвалит Японию, но замечает: «Как ни хорошо здесь, но всё же мы считаем Петропавловск своим “домом”, а Камчатку своей страной, так что закон о том, что, кто прожил на Камчатке более двух лет, тот непременно на неё вернётся, оправдывается вполне, тем более что я прожил на ней почти двенадцать лет, а не два года. Итак, береги себя, пиши и жди нас весной». Алексей Александрович собирался на Камчатку, узнав о её переходе под юрисдикцию Приамурского правительства. Но — «не сложилось». У Марии Павловны появился Р. Я. Салатко-Петрище — гражданин Польши,

у которого во Владивостоке, кстати, имелась законная жена Нина Дмитриевна, сорока лет, домохозяйка.

Салатко-Петрище, мёртвый, и Ненсберг, живой, сыграли роковую роль в судьбе М. П. Бородиной. 9 мая 1939 г. её расстреляли.

...Летом 1922 г. на Камчатке произошло ещё одно трагическое событие, которое до сих пор во многом загадка. Это смерть Г. М. Елизова от раны, полученной во время перестрелки с белыми.

В Паратунке, где погиб красный командир, в середине 1920-х гг. было 21 хозяйство. Все — бедняцкие и середняцкие, «нет ярко выраженных кулацких групп». Позднее «выявились местные богатеи»: Андрей Ведерников, Георгий Гуляев, Иннокентий, Николай и Павел Подпругины, Афанасий Яковлев. Жители Паратунки занимались рыболовством, охотой и огородничеством.

Житель г. Елизова научный сотрудник А. П. Никаноров приложил немало усилий, чтобы отделить «зерна от плевел» — снять позднейшие наслоения с картины Паратунской вооружённой стычки или — если желаете — боя, хотя таковым назвать её можно лишь с большой натяжкой.

Официальная версия события содержится в книге «За власть Советов на Камчатке (1917—1923 гг.)», а точнее в помещённой там работе И. Махоркина и Ф. Слободчикова «Годы борьбы и побед». Цитируем: «Среди героев... Елизов, командир одного из партизанских отрядов, действовавших в окрестностях Петропавловска. Елизов был убит 29 июля 1922 г. во время налёта белогвардейцев на село Паратунку. Это была тяжёлая утрата для партизан. Они потеряли опытного командира, боевого и чуткого товарища».

Есть два варианта воспоминаний С. Селиванова об этом событии. Вариант первый, от 1946 г., в публикации 1983-го: «Была глубокая ночь. Хотелось спать. Командир уже было принял решение снять караул с наблюдательного пункта у церкви, как вдруг раздался неистовый лай собак. Дверь избушки открылась, и мы услышали крик часового:

— Нас окружают белые!

Мы немедленно бросились на улицу и услышали властный голос своего командира: «Товарищи, к бою готовьтесь!» Одновременно незнакомый голос подал где-то в темноте команду «пли!». И ночную тьму прорезали огненные языки из нескольких десятков винчестеров (во втором варианте от 1957 г. нет никакого «пли!» и вместо винчестеров *винтовки* без указания количества. — В. П.). Не успев даже выстрелить, упал, смертельно (второй вариант — *тяжело*) раненный командир, наш товарищ Елизов.

Укрываясь за линией огня, мы яростно сопротивлялись. Расстояние между нами — горсточкой партизан и во много раз превосходящим отрядом беляков — составляло не более пятнадцати метров. Враг напирал. Отстреливаясь, мы шаг за шагом отступали, унося на плечах раненого командира. В это время пошёл проливной дождь. (Лето 1922 г. вообще выдалось дождливое. — В. П.) За нами ещё слышался треск винчестеров, белые, видимо, не ожидавшие такого яростного отпора, побоялись преследовать нас в темноте. Постреляв ещё немного, белобандиты оставили село. И когда на другой день в него прибыл весь наш партизанский отряд, от белых не осталось и следа».

«...В комнате тесно. Привалившись друг к другу, партизаны сидели с угрюмыми лицами. Их взоры то и дело обращались к двери, за которой умирал командир... Дверь открылась. Вышел наш партизанский доктор т. Пересвет-Солтан. По его опущенной голове, лицу, полному глубокой печали, мы поняли, что товарища Елизова с нами не стало».

Справка. Валентин Цезаревич Пересвет-Солтан, из крестьян, образование среднее. До 1917 г. — судебный секретарь, в 1918 г. служил во Владивостоке в комиссариате юстиции, после антисоветского переворота 29 июня того же года был арестован, в 1919 г. освобождён, уехал на Чукотку. В отряд ОНРК вступил вместе с Г. М. Елизовым.

П. Г. Ивашкин-Ларичев уточняет: «...Елизова тяжело ранило разрывной пулей. На второй день он умер от заражения крови».

Теперь та же версия в самом сжатом, но более привлекательном виде: «В начале августа каратели предприняли наступление в районе Паратунки. В бою был смертельно ранен командир местного партизанского отряда Георгий Елизов. Но меркуловцы понесли большие потери, не решились продвигаться дальше в ночное время и отступили».

В книге «Борцы за власть Советов на Камчатке» доктор исторических наук Б. И. Мухачёв приводит свидетельство П. Г. Ивашкина-Ларичева: «В начале августа белые сделали налёт на деревню Паратунка, рассчитывая захватить там жён партизан Ларина и Фролова. К деревне ночью подошло около тридцати человек. В это время в Паратунке был отряд Елизова, которому поручили отправить Ларину и Фролову в Налычево». Этот факт подтверждает Дарья Ларина в краткой автобиографии 1923 г. Весной, оказавшись на свободе, она «не долго думая из города поехала в Паратунку, где и жила до появления белых в июле месяце 1922 г.

После этого мы с тов. Фроловой ушли в отряд, где и находились до вступления отряда в город».

Исходным документом, на который опирались советские исследователи и краеведы, было донесение Н. П. Фролова в штаб революционного отряда от 4 августа 1922 г. Приводим этот документ, выделяя пропущенное в сборнике «За власть Советов 1920—1922. Документы и материалы» и восстановленное А. П. Никаноровым при архивной сверке. «Доношу, что в ночь на 1 августа бандиты прибыли в село Тарью и высадили десант 20 человек в Тарье захватив Афанасия Яковлева и под силой оружия заставили вести в Паратунку одного из жителей Паратунки. Увидя то, что прибыли на Свири бандиты предупредил всех в Паратунке. Все жители мужчины женщины и дети были вывезены в тайгу. В Паратунке остался только наш отряд и Паратунский с молодёжью всего 13 человек.

Противник в час ночи подошёл к Паратунке пользуясь темнотою обошёл наши посты, подкравшись на расстояние 10 шагов. Тов. Елизов стал окликать кто идёт в это время со стороны раздалась команда стрелять и первыми выстрелами командир 1-го отряда тов. Елизов тяжело ранен разрывной пулей в правое плечо, его тогда Герасим Тюменцев с большим трудом утащил в лес, и по лесу его носили очень много, так что много ему повредили. Мы прибыли в Паратунку утром, но неприятель уже ушёл. Нам пришлось всех жителей собирать по лесу, а также и свой отряд, В настоящее время все жители Паратунки, Микижи и Тихая все под ружьём. Тов. Елизов находится в Паратунке и его везти сейчас невозможно очень слаб надежда на выздоровление плохая. Прошу командировать в Тихую на Захарова катере 5 человек с которыми мы все возвращаемся и привезём раненого и женщин.

Противник, наверное, знает, что у нас ранен тов. Елизов может нам воспрепятствовать его вывезти по бухте в Авачу. Вам необходимо в Аваче поставить секретный пост, в случае мы поедем, чтобы не попасть в лапы противнику.

Тов. Елизова предполагаем везти на катере до Хутора, каюром до Завойко, батлами а в Начиках его лечить, а в тайге будет очень трудно. Командировку 5 человек и выставить в Аваче пост прошу поскорее, а то нам здесь очень опасно не зная, что делается в городе... Если поедете, то в устьях Тихой может сидеть наша, то есть Тихинская засада пропуск будет (Курок). Остальное, что не сообщил, передал тов. Игрушечке».

А. П. Никаноров подметил много несуразностей и неточностей в текстах ряда авторов на данную тему. Это и разные даты происшедшего (мы к этому ещё вернёмся), и неодинаковая, в сторону преувеличения, численность десанта, и детали стычки, и т. д. и т. п. Но даже такой скрупулёзный анализ источников не позволяет в полной мере восстановить событие почти девяностолетней давности. Недостаёт (в который раз!) свидетельств противоположной стороны. Однако существует ряд других, не введённых пока что в научный оборот, документов, благодаря которым в реставрируемой нами картине проступают новые штрихи.

Среди таких документов материалы архивного уголовного дела 1933—1934 гг. на Подпругина Николая Степановича, Яковлева Афанасия Павловича... Бедняк, член правления колхоза «Красная звезда» Н. Н. Корнилов рассказывал: «В 22-м году 20 июня Подпругин и Яковлев привели из Петропавловска белых 13 человек. До этого Подпругин и Яковлев находились в штабе белых в Петропавловске. В ночь на 21 июля (то июнь, то июль. — В. П.) Подпругин с Яковлевым повели белых из Паратунки к месту расположения партизанского отряда, который ожидался из Николаевки и человек шесть партизан скрывались в Паратунке».

Прервём рассказ Корнилова, чтобы дополнить его. По воспоминаниям партизана В. Семёнова, николаевский отряд состоял из Трофима Ивановича Шехерёва, Калистрата Николаевича Поротова, К. А. и А. И. Брекаловских, П. И. Черноногова и Михаила Чудина. В мае 1967 г. (дата воспоминаний) в живых были только двое: Шехерёв и Поротов.

Н. Корнилов: «Скрывавшиеся по квартирам, услышав шум и выйдя на улицу, увидели белых, по которым открыли огонь. Несколькими выстрелами со стороны белых был убит командир партизанского отряда Елизов. В то время началась перестрелка, Подпругин и Яковлев убежали и прятались по квартирам. Кроме командира Елизова, убит или ранен никто не был».

Н. С. Подпругин (1895 г. р., середняк, образование низшее) внёс существенные поправки в показания свидетеля. Возвращаясь из города с продуктами, они с Афанасием были задержаны в бухте Авача сошедшими со «Свири» белыми, так как не имели пропуска. Белые пошли в Тарью, держа их шлюпку на буксире. В Тарье был высажен десант в количестве 19 человек во главе с офицером (некоторые источники называют его: вахмистр Фёдор Яковлевич Водопьянов, не офицер, а унтер-офицер), он приказал Подпругину и Яковлеву вести их в Паратунку.

«Несмотря на наши протесты и отказы, нас заставили вести их, указывая дорогу в Паратунку под силой оружия. Команду белых я с Яковлевым Афанасием привели в 1—2 ночи в Паратунку. По приезде нами команды белых в село у них произошёл бой с партизанским отрядом, стоящим в то время в Паратунке...»

Но любопытнее этих документов оказалось заявление в районную партизанскую комиссию красных партизан Прокопия Ильича Черноногова, братьев Никиты и Дмитрия Константиновичей Ивайловских, датированное 2 декабря 1932 г.: «Партизанский отряд в с. Паратунка организовался 21 марта 1922 г., когда красные отступили из Петропавловска, ввиду прибытия белых, на Жупаново и с Жупаново на 16 км. Когда красные остановились на 16-м километре, Ивайловский Никита и Тюменцев Степан отправились туда для связи. Начальник главного штаба тов. Фролов послал с ними воззвание гражданам с. Паратунки о вступлении в ряды партизан для защиты советской власти. Выдал нам винтовки и патроны. Когда мы прибыли в с. Паратунку и на это воззвание откликнулись всего пять человек: Иловайский Д., Черноногов П., Тюменцев С. и Бахтин Илья, который вскоре выбыл, и на место его к нам в отряд примкнул т. Русин Фёдор.

Командиром отряда у нас был Черноногов Прокопий. Тюменцев Герасим командиром у нас не был. Партизанский штаб нашего отряда предлагали Тюменцеву вступить в отряд, но он не вступил, он выселился из деревни за речку и жил один, поддерживая связь с кулаками Яковлевым Афанасием и Павлом, Подпругиным Николаем, Коршуновым Н. Н. и Ивановым Яковом, которые его снабжали провизией». (На заявлении бывших партизан явная печать «текущего момента» — раскулачивания).

«В то время как мы держали посты, они ездили в море и занимались хищничеством заповедника. Тюменцев Герасим сам ездил на охоту хищничать с заповедника, а дома держал работника Корнилова, который управлял его хозяйством, за работу Корнилов получал иногда баранью кожу, пуд муки. Дочь Корнилова всё стирала на него бельё и до сих пор ничего не получила.

Главный штаб назначил командиром 5-го революционного отряда Паратунки Черноногова. Назначение своё он получил через Ивайловского Никиту и Тюменцева Степана, потом был переведён общим собранием партизан на начальника отряда, что также было утверждено штабом. Тюменцеву Герасиму предлагали вступить в отряд, но он отказался.

В Паратунку белых привели Яковлев Афанасий и Подпругин Николай. К вечеру 19 июля мы получили извещение, что белые высадили десант человек 20 в Тарье и идут на Паратунку. Тов. Елизов находился у нас дня три. При получении извещения об устройстве засады предложение Черноногова было устроить позицию за мостом, в кустах по обе стороны дороги, но Тюменцев Герасим, который в это время примкнул к отряду, предложил устроить позицию на увале и в огородных ямах.

Весь отряд, как не знающий военной тактики, согласился с Тюменцевым, и предложение Черноногова было отклонено. Когда мы расставили посты и заняли позицию, то было дано распоряжение из села ни к кому к нам не ходить, а часовым никого не окликать и первого попавшегося стрелять без окрика, но Тюменцев Герасим почему-то не выполнил этого приказа, который взял Елизова и пошли вместе с ним. Тюменцев кричал, кто идёт. Белые в это время успели войти в тыл и открыть огонь и ранили тов. Елизова, тогда мы открыли огонь с увала, чем отвлекли внимание белых и таким образом сумели увести тов. Елизова из поля боя».

Согласно В. Семёнову, в паратунский отряд входили: Василий Васильевич Подпругин, Иван Михайлович Яковлев, Герасим Иванович и Николай Дмитриевич Тюменцевы, Дмитрий Дмитриевич Ивайловский. Опять же, к 1967 г., все они — кроме В. В. Подпругина и И. М. Яковлева, участвовавших в бою, где был ранен Г. М. Елизов — поумирали.

«После этого боя, — говорится в заявлении 1932 г., — пришёл с отрядом т. Фролов, похоронили Елизова. Отряд Фролова ушёл и белые также ушли. В Паратунке после ухода белых и отряда т. Фролова выгнали из села (видимо, пропущено «нас». — В. П.), наш отряд ушёл в сопки. Через некоторое время мы получили записку из села на собрание с отрядом. На собрание был назначен тов. Черноногов. На собрании мне предложил Яковлев Афанасий, угрожая, чтобы мы сдали оружие, но я категорически отказался, заявив — оружие сдадим тогда, когда Вы нас перебьёте или мы Вас перебьём».

С отрядом Фролова ушли его и ларинская жёны. Поручение вывезти их в Начики (ставку облнарревкома) имел, как мы знаем, Елизов со своими отрядниками. Кстати, ни состав, ни точная численность его отряда не установлены. В течение десятилетий выработан стереотип: «Г. М. Елизов — командир Паратунского партизанского отряда». Но из вышеприведённых документов следует, что это не так. В историко-географическом очерке В. Шевцова

«Елизово» отряд Георгия Матвеевича не привязывается к какому-то одному месту, а действует «на территории между сёлами Авача, Завойко, Николаевка».

Чекистские сведения о проводнике белоказаков Афанасии Яковлеве: сын крупного торговца, до 1931 г. имел кулацкое хозяйство, постоянно обслуживавшееся наёмной силой, к мероприятиям советского Правительства и бедноте относился враждебно. Сам он говорил о себе: середняк, неграмотен, участвовал в партиотрядах в июле-августе 1922 г. Н. Попругин и А. Яковлев получили по пять лет и отбывали наказание в Дальлаге.

В 1934 г. взяли под стражу Николая Николаевича Корнилова. Он, оказывается, в год убийства Елизова являлся старостой Паратунской волости, а значит, вряд ли батрачил на Г. Тюменцева. Колхозник «Красной звезды» Прокопий Ерофеев обвинил его в том, что за двенадцать кулей муки продал белым партизан Якова Ивайловского, Николая и Герасима Тюменцевых.

Н. Н. Корнилов признался лишь в вызове в штаб Н. А. Полякова, когда приезжал в марте 1922 г. в Петропавловск. За чаем генерал расспрашивал, «где находятся отряды красных партизан, сколько их, чем вооружены и какие есть дороги, по которым можно было бы попасть в сёла Паратунку, Николаевку и др.». «На все эти вопросы я давал ответы не полностью: например, о количестве партизанских отрядов и их составе я ответил: “Очень много”. О дороге на с. Паратунку я ему рассказал всё — какими путями можно попасть туда. Кроме этого случая, я у Полякова и Бирича не был». 21 декабря 1935 г. Особое совещание НКВД СССР определило наказание Н. Н. Корнилову: «один год под гласный контроль».

В 1925 г. при приёме в кандидаты большевистской партии житель Паратунки Тимон Никифорович Шевцов предоставил характеристики от Фролова и Ларина. Последний, в частности, писал: «Во время меркуловщины на Камчатке тов. Шевцов активно участвовал и работал в Паратунском нарреволюционном отряде». Его односельчанка Игрушечкина на заседании Военного Трибунала 101-й горно-стрелковой дивизии утверждала: «Шевцов скрывал у себя партизан, а я приносила им пищу и бельё». Однако ни в одном из списков партизанских отрядов Камчатки Тимоны Никифоровича нет. А вот в антирелигиозных его заслугах сомневаться не приходится. Основную из них он назвал на том же заседании военного трибунала в 1940 г.: «Будучи на посту председателя (Паратунского. — В. П.) сельревкома, я первый в области добился закрытия церкви».

В середине мая 1927 г., являясь секретарём кандидатской парт-группы, Шевцов приглашал к себе ответственного секретаря Камчатского окрбюро ВКП(б) Н. И. Кузнецова. «Приезжайте на Паратунку по охотиться внастоящее время самое хороша охота как то на медведя и уток последних пролетело много, а медведя я уже убил одного, хотя стрелять непришлось товарищ был ближе, а я дальше, а увидел медведя в зрительную трубу. Медведи есть я ещё одного видел прям из селения. Приезжайте жалеть не будете». И приписка на обороте: «Комячейки работа идёт только силы слабы, тобы вся Паратунка сделалась коммунарами».

Партийную чистку 1929 г. Т. Н. Шевцов прошёл, а 1933-го нет. Был исключён «как балласт, не занимающий авангардной роли на производстве», политически безграмотный, разваливший работу кандидатской группы и ещё «за связь с кулаками».

Судил его трибунал дважды. Первый раз в 1939 г. по «делу Петропавловской группы». Тогда ему зачлось участие в знаменитом Завойкинском волостном съезде.

Шевцов: «На Завойкинском съезде делегатом от с. Паратунка я был. На этом съезде стояли вопросы чисто хозяйственного порядка (разбивка рыбных участков и т. д.)».

Председательствующий зачитывает протокол Завойкинского съезда от 5 июля 1918 г. — раздел по борьбе с коммунистами и советской властью.

Шевцов: «Не помню, чтобы стоял такой вопрос на Завойкинском съезде».

В 1939 г. ему по ст. 58 п. 1-а дали 25 лет лишения свободы, сославшись на его признание во вражеской деятельности. Не помог Т. Н. Шевцову и рассказ, при каких обстоятельствах получено признание. «На следствии меня допрашивали непрерывно около десяти суток, угрожали мне, говорили: подписывай, всё равно тебя выбросят, как мешок с костями, за пределы нашей жизни. После этого я безоговорочно подписал все сочинённые протоколы следователями». Год спустя военный трибунал оправдал Шевцова.

...Крупный елизовский коммерсант первой четверти XX в. Георгий Александрович Машихин утверждал: белые через Паратунку хотели напасть на селение Завойко, где одно время в школе располагался штаб партизан. Подслушав разговор об этом пьяных офицеров в городе, Машихин, по его словам, «сообщил красным, после чего штаб красных из школы ушёл... Ларин И. Е. под секретом ночевал у Заочного Клеоника Павловича».

С годами паратунская стычка и смерть Елизова обросли легендами. Одну из них поведал в августе 1967 г. на встрече четырёх поколений в пионерском лагере «Лесное озеро» елизовский связной Василий Васильевич Подпругин. Как славно Елизов прожил оставленные ему смертью три дня. Смертельно раненый командир, думая о людях, которых он защищал, дал связному последнее поручение оповестить Николаевку о возможном продвижении белых. Своему заместителю посоветовал увеличить и усилить отряд, а население Паратунки временно эвакуировать в лес... «Из пятнадцати человек, участвовавших в августовском бою, паратунский отряд вырос до ста человек. Был выполнен и второй приказ. Целый месяц жители Паратунки жили в лесах под охраной партизан».

...История этого события 1922 г. крайне запутана. Свидетельства участников противоречивы. По сей день нет ответа на многие вопросы. И, пожалуй, на самый главный из них: кто всё же убил Елизова? На рубеже 1970—1980-х гг., задолго до споров елизовских краеведов о разрывной пуле (жакан — не жакан, винчестер — не винчестер), известный этнограф В. Н. Малюкович предложил свою версию. В партизанского командира, скорее всего, попал кто-то из местных, притом не случайно. Георгий был симпатичным парнем, имел успех у молодых камчадалок и пользовался этим. Излагая свою версию, учёный ссылаясь на здравствовавших ещё тогда «паратунских бабушек», кои привечали Елизова, и добавил в ответ на скептические улыбки слушателей: «Сами посудите, какой им резон врать? Не такая ж он большая величина...» В очерке «Елизово» цитируются слова Агрипины Николаевны Машихиной (1980 г.): «Выше среднего роста, кареглазый, красивый... ещё совсем молодой. Жизни, считай, не видел, семью завести не успел... Однако, я его невестой была».

Очень хорошо запомнился Г. Елизов Н. Шамбарово-Косыгиной, уроженке Сероглазки, работавшей в середине XX в. педагогом. В 1922 г. она была девчушкой. «Он любил играть с ребятами, особенно много возился с мальчишками. Мы его называли «дядя Мазай». Наверное, за высокий, как нам казалось, рост. Был он широкоплечим, красивым, с большими тёмными глазами. И всегда улыбался».

Справка. Георгий Матвеевич Елизов (настоящая фамилия Непогребный) родился в 1895 г. в Иркутске в семье служащего речного пароходства. Работал в частных конторах, на прииске. До 1917 г. служил в Николаевске-на-Амуре в крепостной артиллерии.

В период «колчаковищины» скрывался в тайге, уехал во Владивосток, оттуда на Чукотку. С 1922 г. — на Камчатке.

Уточним дату появления на карте Камчатки населённого пункта «Елизово». Порой в литературе указывается 1924 г. «Топонимический словарь Камчатской области» В. Кускова называет март 1923 г. Между тем соответствующее постановление Камчатский губревком принял 10 февраля 1923 г. Елизово и Елизовская волость упоминаются на страницах губернской газеты «Полярная Звезда» во второй половине того же 1923 г.

Но почему именно Завойко получило новое название, а не Паратунка — место гибели партизана, где ему, кстати, в канун полувекового юбилея Великого Октября в торжественной обстановке был открыт памятник, и первый секретарь Елизовского райкома КПСС Котов выразил твёрдую уверенность в том, что народ никогда не забудет героев революции, завоевавших советскую власть?

Хотя зажиточные хозяйства в Завойко в начале 1920-х гг. отнюдь не преобладали, начальник Камчатского губотдела ГПУ И. Ломбак почти всех жителей этого селения причислял к кулакам, памятуя их отрицательное на протяжении всех революционных лет отношение к советской власти. Можно предположить, что по сей причине — в пику им — селение и получило персонифицированное «красное название».

БУНТ

Иностранные подданные в начале XX в. составляли четверть населения Петропавловска. По данным Камчатского губотдела РКИ на 1 января 1924 г. в городе проживало 243 китайца, 48 корейцев, 34 японца, семь американцев, пятеро поляков, два эстонца и по одному персу и германцу.

В июле 1922 г. консул Страны восходящего солнца получил от председателя японской колонии (диаспоры) С. Сакегучу и её членов Т. Кикучи, Такахаси, С. Сабата и Такемацу жалобу на чересчур грубое обращение с их соотечественником со стороны русских военных. Особенно негодовали подписанты по поводу случая 17 июля, когда, по их словам, офицер Сушилиин около семи вечера избил и попинал Сигежи Абе, пившего пиво в японской лавке, затем, толкая и оскорбляя его перед окружающими, повёл по улице Большой (ныне Ленинская) на «Свирь», где Сигежи Абе связали верёвками и «качая его несколько раз над трюмом, сильно бросили в трюм... через два часа он, ни слова не допрошен на

пароходе “Свирь”, освобождён». Сильно оскорбившиеся колонисты просили наказать виновных.

Консул препроводил жалобу особоуполномоченному Временного Приамурского правительства в Охотско-Камчатском крае Х. П. Биричу, тот, для принятия мер, — начальнику Петропавловского военного района подполковнику В. В. Кузнецову. Последний в секретном рапорте от 3 августа подтвердил, что в середине июня произошла ссора между Абе Сигехары и казаком местной команды Гаученовым, завершившаяся дракой, «носившей личный характер». Русская трактовка июльского инцидента существенно отличалась от японской. Во-первых, «в отношении его никаких насильственных действий проявлено не было». Во-вторых, японец задержан пьяным «в обществе лиц, давших подозрение на участие в совершении уголовного преступления». В-третьих, вёл себя вызывающе.

«Виновность кого-либо из военных чинов мною не усматривается, — писал В. В. Кузнецов. — Неоднократное участие гражданина Абе Сигаже в предосудительных поступках, как-то: спаивание военных чинов, учинение с ними ссор и драк, после чего следуют его жалобы, носят характер заведомой провокации, близость его и дружба с сомнительно по политическо-уголовной репутации лицами, а равно сведения агентурно-политического розыска, заставляют меня вторично ходатайствовать перед Вашим Превосходительством о необходимости высылки упомянутого японского гражданина Абе как лица неблагонадёжного и предосудительного по своим поступкам».

В середине 1923 г., уже при красных, Абе Синехара (несмотря на разночтения в фамилии, речь идёт об одном и том же человеке) постановлением заведомо Управления губревкома подвергся наказанию в административном порядке: три месяца принудительных работ с заменой на штраф 300 руб. золотом за продажу спиртных напитков. Портной-кустарь Абе Сигехару 1890 г. р., уроженец г. Кобе, со средним японским образованием, женатый, проживающий на Камчатке с 1919 г., судимый в 1926 г. (один месяц принудработ «за присвоение пошивматериала»), привлекался по делу «контрреволюционной повстанческо-террористической и шпионско-диверсионной организации «Автономная Камчатка».

Ему вменялись такие преступления, как поджог Петропавловской типографии (1931 г.), уничтожение этим же способом второго этажа здания гарнизона в Култуке, тракторного гаража в областном центре (лето 1932 г.) и даже арестного помещения погранотряда

и облотдела ОГПУ (1933 г.), а также отравление пищи в столовых АКО и Севторгфлота.

1 января 1934 г. судебная тройка полномочного представительства ОГПУ по Дальневосточному краю приговорила Абе Сигехару к высшей мере наказания. Затем «по указанию вышестоящих органов» материалы на него и других японцев были выделены в особое производство. В ходе разбирательства в августе того же года в судебном заседании военного трибунала Отдельной Краснознаменной Дальневосточной армии выяснилось, что следствие велось на русском языке, без переводчика, «под давлением»... Все проходившие по делу «Автономная Камчатка» реабилитированы в апреле 1957 г. ввиду отсутствия состава преступления.

...4 августа 1922 г. Х. П. Бирич ознакомился со списком военных, чье пребывание на Камчатке, по убеждению начальника военно-политического розыска подпоручика А. А. Подгорного, становится нетерпимым. Вахмистр Агафонов и подхорунжий Швецов ограбили китайского подданного на 110 руб. Сотник Болотов устроил стрельбу в доме Особоуполномоченного в присутствии командира с/с «Канто» Сигзины, занимается травлей офицеров. Казак Брагин хулиганил на улицах и на службе. Есаул местной команды военной милиции Алексей Александрович Васильев бросил бомбу в частный дом, где проживали китайцы, подстрекал к грабежам китайских подданных и участвовал в таковых, хулиганил на улицах. Прапорщики Леонидов, Калугин, Петлинский и Прудников подозреваются в ограблении продовольственного склада, участвовали во всех хулиганствах служивых...

Резюме Александра Александровича Подгорного: «В 1-й сотне Северного Экспедиционного отряда, начиная от сотника Болотова, все означенные лица организовались в одну компанию (в одном из документов указывается её название «21», видимо, по числу членов. — В. П.), которая не хочет считаться ни с чем — ни со старшинством в чинах, ни с политическим положением, ни с честью офицера и солдата Русской армии.

Все означенные лица подлежат, на мой взгляд, в лучшем случае, высылке в г. Владивосток безвозвратно, так как их поведение привело к расколу в частях зимой. Все эти люди прибыли сюда на Камчатку для наживы и своими проступками восстановили против Правительства население г. Петропавловска, которое смотрело на них как на бандитов, для которых все средства хороши для достижения своих целей».

Несмотря на вышеупомянутые эксцессы, в городе появлялись объявления с концовкой типа: «Русский сапожный мастер принимает в починку мужскую и дамскую обувь, а также шьёт новую. Цены ниже китайских сапожников. *Военным скидка* (курсив мой. — В. П.)».

...Из личного послания А. Г. Демби Х. П. Биричу от 5 августа 1922 г. следует, что особоуполномоченный просил его отправить на Камчатку некоторые грузы, и тот приступил к выполнению заказа. «Этим пароходом посылаю Вам немного зелени и фрукты. Этот пароход везёт также строительный материал для города. Не зная платёжеспособности населения города Петропавловска, посылаю пока половину потребного количества. Если понадобится ещё, то могу добавить позже. Очень жаль, что мне не удастся поехать на Камчатку в этом году... Всё очень неустойчиво и при уходе японских войск вероятно будет опять перемена власти. Берегите Ваше здоровье и, если Вам лично что-либо нужно, напишите».

11 августа 1922 г. вышла на связь по телеграфу Гижига. Человек, отрекомендовавшийся начальником стражи Гижигинского военного района штабс-капитаном Пирей Фокасом, и подпоручик Ерохин сообщили подполковнику В. В. Кузнецову, что «начальник СЭО полковник Бочкарёв арестован обществом офицеров», ему предъявлены обвинения в закрепощении жителей, полном произволе, порках, угрозах расстрелов, реквизициях, введении незаконных налогов, издевательствах над религией, пропаганде против Приамурского правительства, подготовке к борьбе с каппелевцами, убийстве полковника Рудакова в квартире Бочкарёва, бесчеловечном отношении к чинам отряда, избииении солдат и офицеров, полуголодном существовании чинов отряда («в то время как продукты продавались на сторону»), заковывании офицеров в кандалы, производстве в статские советники бывшего официанта, в поручики не знающего русского языка китайца.

«Слова генерала Корнилова “Честь Родины — закон” являются девизом чинов Гижигинского военного округа. Полковник Бочкарёв отправлен с конвоем во Владивосток. Жду ваших директив. Отряд жалования не получал, средств нет, вся пушнина бесконтрольно отдана Свенсону. Снабдите табаком, керосином для радио, необходимы запасные части к мотору “Тарднер”».

В ответ В. В. Кузнецов телеграфировал: «Ваши действия преждевременны. В русской армии нет ареста начальников. Прибыл “Магнит”, ожидается на днях “Сишан”. Спешно уйдут в Наяхан,

чтобы удержать край. Приамурское Правительство возглавляет генерал Дитерихс».

О событиях в Гижиге известно, в основном, от И. П. Буткевича. «Я служил в фирме Вергезова. 16 июня 1922 г. шхуна, зафрахтованная этой фирмой, остановилась у Гижиги... 18 июня я был в селении Пушка. У меня обширное и хорошее знакомство с инородцами, несмотря на это, они с опаской и боязливостью говорили мне, что их очень притесняет Бочкарёв, наложил на них большой ясак (дань), порет и т. д. Там доверенный фирмы “Соловей” Фокас по секрету сказал мне, что Бочкарёв ещё долго не процарствует. А надо заметить, что Фокас (он теперь покойник) пользовался исключительным уважением и доверием у инородцев. И действительно... Фокас устроил переворот, к нему присоединились многие из отряда Бочкарёва, которые и перешли на мирное занятие — стали ловить рыбу. Инородцы поддерживали мысли Фокаса — на Севере не нужен военный элемент».

Василий Ильич Фокас подбивал местных жителей не платить установленные Бочкарёвым налоги. Его арестовали. И быть ему расстрелянным, если б не заступничество полковника Меньшова, который вскоре после этого покончил с собой. Его самоубийство подействовало на Бочкарёва. Он освободил Фокаса, однако оставил под надзором. Имелась у Буткевича также разгадка смерти полковника Рудакова: убить его зимой 1921 г. приказала денщику своего мужа жена Бочкарёва, а начальник СЭО передал по радио во Владивосток, что тот погиб в стычке с красными.

В январе 1925 г. из рядов компартии был исключён житель Гижиги Александр Пчёлкин. Он при Бочкарёве прятал в своём амбаре стрихнин, переданный ему Фокасом через односельчанина Домникова. Бочкарёв отраву отобрал, держателя выпорол.

Кавторанг Г. А. Ивлев и коммерсант Иван Парфенович Буткевич вспоминали о пасхальной порке 1922 г. Полковник Шевчунас выпорол то ли пять, то ли двадцать жителей Гижиги («чтобы лучше работали летом и не пьянствовали»), большей частью за воровство, начальника почты Васильева за растрату, и ещё за что-то камчадала Колмыкова. В то же время по политическим мотивам, то есть «за большевизм, как будто, никого не пороли». В порке на Пасху участвовал есаул Зазулевский.

И. П. Буткевич и супруга подполковника Полищука Клавдия Алексеевна существенно расходятся во мнениях о коренных жителях Охотского побережья. «Дело в том, что по ленности — я вообще

заметила, что они ленивы, и летом наловят рыбы и не делают запасов, и поэтому их снабжали провиантом из запасов отряда, взамен чего они были обязаны на своих нартах исполнять работы отряда».

Основную причину бунта против В. И. Бочкарёва Ивлев видит в плохом отношении к подчинённым. «Ещё с середины зимы многие чины отряда, видя полнейшую разруху, заявляли о своём уходе, но Бочкарёв и слушать не хотел, вследствие чего в отряде росло недовольство... Недовольство ещё более стало, когда он отлупил стеклом троих офицеров по физиономии...»

По сведениям штаба красной экспедиции М. П. Вольского, 7 июля 1922 г. полковник Бочкарёв выехал на катере в Олу вместе с одиннадцатью офицерами (Фиалковский, Шевчунас, Батько, Григорьев, Яркин, Беренц, Зазулевский, Викс и др.). Увёз с собой 10 тыс. руб. золотом. Краевед Р. Юшин считает, что в Оле он встречался со Свенсоном, который снабжал его оружием.

Согласно чекистским документам, акции американского акционерного общества «Олаф Свенсон и К^о» распределялись следующим образом: московский купец Швецов 25 %, директор-распорядитель общества О. Свенсон — 10 %, якутский купец П. А. Кушнарёв — одну треть, столько же А. Г. и Г. Г. Демби. В 1922 г. Свенсон продал Бочкарёву в Гижиге и Наяхане от 80 до 100 винтовок и 25 000 патронов, в Аяне якутам, соответственно, 600 и 250 000 и обмундирование, в Охотске бочкарёвскому гарнизону около 120 винтовок, 30 000 патронов.

24 января 1923 г. начальник Приморского ГПУ Каруцкий привлёк гражданина Северо-Американских Соединённых Штатов города Сматля (правильно «Сиэтла». — В. П.) Олафа Свенсона в качестве обвиняемого по делу «камчатской экспедиции» и наложил арест на его движимое и недвижимое имущество на территории РСФСР. Тем не менее, на процессе Бирича американец не проходил даже свидетелем. Давая показания по данному делу, доверенный фирмы «Холмс и К^о» А. И. Геске привёл слова Полякова, что их компании «здесь делать нечего, так как монополии, как-то по горному делу, так и торговые предоставлены фирме Свенсона». В обзоре Камчатской губернии к 1 января 1923 г. (составитель губревком) упоминается о разрешении меркуловской властью Свенсону завезти в Охотско-Камчатский край в навигацию 1922 г. золотопромывочные машины с правом допущения иностранных подданных в качестве инструкторов по их установке и для руководства работами.

21 июля 1923 г. «на шхуне “Руби” начальником экспедиционного отряда в распоряжение командующего войсками Охотско-Камчатского края тов. Вольского представлена канцелярия Бочкарёва, взятая в боях, в делах которой находятся документы по операции фирмы “Свенсон” с Бочкарёвым: подлинный договор Свенсона с Бочкарёвым, счета по снабжению оружием отряда Бочкарёва, документы по снаряжению пароходов для бочкарёвской экспедиции и другое», — писал заведующий камчатской губернской рабоче-крестьянской инспекцией Б. И. Турилов своему читинскому начальству. «РКИ санкционировало наложение ареста на фирму. Губревком к этому отнёсся слишком осторожно... Всё содержимое бочкарёвской канцелярии юридически для Камчатского ГРК является секретом, а вместе с тем и документы, компрометирующие фирму Свенсон... фирма начала ликвидацию своих предприятий. Сумма имущества не менее 500 тыс. руб. золотом (товары и пушнина)».

Содержание договора Свенсон-Бочкарёв раскрывается в докладной уполномоченного Дальневосточного управления Наркомвнешторга по Камчатскому и Чукотскому полуостровам т. Миндалевича, датированной августом 1923 г.: американцу «за оказание услуг бочкарёвским отрядам, а также за доставку партий оружия была предоставлена пятилетняя беспошлинная пушная монополия на всю Камчатку», в виду чего уже 24 июля вся пушнина, магазины и запасы товаров Свенсона реквизированы впредь до общих инструкций из Центра. «Торговый дом Свенсон, Демби и К^о» скомпрометирован своей деятельностью с бочкарёвской и пепеляевской группой. Документально установлено присутствие в настоящем году двух контрабандных шхун Свенсона на Чукотском побережье вблизи Северного мыса в районах пушной монополии. В июле арестована губревкомом хищническая шхуна Демби у берегов Кроноцкого соболиного заповедника, скупавшая контрабандных соболей в лице руководителя Орлянского, в настоящее время тоже арестованного. Во время землетрясения в Усть-Камчатске на складах Демби обнаружены громадные запасы спиртных напитков, обслуживающие, вопреки обязательных постановлений, почти всю долину Камчатки. Савченко (председатель Камчатского губревкома. — В. П.) оценивал деятельность Свенсона как положительную».

Месяц спустя Миндалевич направил заявление на имя начальника Камчатского ГПУ. В Петропавловске «никакого оккультного общества я не организовывал и не собираюсь организовывать».

Легкомыслие же, проявленное некоторыми агентами Г.П.У. в мусировании подобных фантастических слухов, дискредитирует моё служебное положение, а потому прошу Вашего распоряжения сделать таковым соответствующие указания». 10 декабря 1923 г., когда М. И. Савченко-Славского на посту руководителя советской власти сменил М. П. Вольский, Камчатский губревком аннулировал числящуюся за торговым домом «Свенсон и К^о» задолженность в сумме 20 647 руб. 50 коп. «во время пребывания в Петропавловске белых».

Полковник В. И. Бочкарёв, как уже говорилось, ввёл на Охотском побережье законы Российской Империи, собирал с местного населения ясак за несколько лет, начиная с 1917 г. В его руках, по утверждению Буткевича, оказалась вся коммерция, в том числе развозной торг, от которого за полугодие он имел дохода около 1 000 руб. плюс 20 % с оборота. В то же время за пределами Охотского побережья репутация Бочкарёва, как коммерсанта, была весьма и весьма неважной. 20 июня 1922 г. председатель правления товарищества «Кольцов и Фогельман» П. Кольцов известил всех заинтересованных лиц: в связи с уничтожением в январе 1922 г. выданных коммерсанту Г. Беку в августе предыдущего года доверенности и дальнейших передоверенностей, уничтожено и передоверение на имя Бочкарёва (Озерова), и все его сделки считаются недействительными.

16 ноября 1922 г. на допросе у чекистов Х. П. Бирич заявил: перед отплытием на Камчатку командующий войсками Приамурского правительства генерал Вержбицкий лично дал инструкции Бочкарёву строго руководствоваться воинским уставом как в пути, так и в местах расположения отряда, не допускать никак самовольных реквизиций у торговцев и у населения; «вести точную отчётность имущества и расходов отряда и без согласия гражданских властей не предпринимать никаких мер по обложению в доход казны и нужд отряда, как торговцев, так и населения». В инструкции Вержбицкого указывалось, что «во всё время экспедиции все воинские части подчиняются особополномоченному». На процессе «камчатской экспедиции» много смеха вызвала шутка, приписываемая Бочкареву: «Я завоевал Камчатку, а Правительство вместо Анны (имеется ввиду орден Российской Империи. — В. П.) повесило мне на шею Бирича».

Хрисанф Платонович приводил факты нарушения В. И. Бочкарёвым инструкции командующего. По пути в Наяхан «в Армании-5 произведена, по-видимому, значительная реквизиция у двух

еврейских торговцев. Что взято, и кто такие торговцы, мне не известно, так как во весь путь был лишён возможности самому лично съезжать на берег, кроме одного раза в самом начале по занятии Охотска».

21 ноября 1922 г. владивостокская газета «Голос Родины» опубликовала статью с подзаголовком «Охотские ужасы бочкарёвщины». Бочкарёв обвинялся в том, что «дочиста ограбил в Охотске завезённые туда осенью товары американской фирмы “А. Холмс и К°” (свыше двухсот тысяч золотых рублей), таким же путём забрал в Охотске товары фирмы “Кунст и Альберс” (несколько сот тысяч золотых рублей), затем, следуя от Охотска на север в Гижигу, отобрал пушнину у всех казённых продовольственных складов (десятки тысяч золотых рублей), реквизиовал в пользу отряда склад кооперативного объединения “Холбос” (несколько сот тысяч золотых рублей)». Упоминается в статье и ограбленный на сумму более чем 200 тыс. руб. золотом купец И. Ф. Соловей, и бочкарёвский ясак с населения (по шесть белок). «Проделав всё это, Бочкарёв открыл свои лавки, из которых заставлял население брать товары в обмен на пушнину по назначенным им невероятно высоким ценам на товары и по низким на пушнину. Так как частная торговля была им убита, то, естественно, почти вся пушнина с побережья потекла всеми правдами и неправдами в бочкарёвскую казну».

В одном из информационных отчётов ответственного секретаря Камчатского губбюро РКП(б) В. М. Кручины за 1923 г. есть такой абзац: «Русское население Бочкарёв отчасти воздерживался терроризировать. Например, платил им за каюры (собачьи подводы), но вместе с тем, ведя торговлю, драл за товары немилосердным образом и таким образом разделялся с населением в этом отношении как бы косвенно».

...22 июля 1922 г. девятнадцать бунтовщиков-отрядников обстреляли из засады Бочкарёва и тех, кто плыл с ним на катере по реке Гижиге. Начальник СЭО получил серьёзное ранение в руку, а подъяесаул Славинский и ординарец Голиков погибли в завязавшейся перестрелке. Примерно через двадцать дней после переворота Бочкарёв с женой и около двух десятков верных ему людей были вывезены на шхуне «Михаил» в порт Олу. Там ожидался пароход «Кишинёв». На нём бунтовщики собирались отправить арестованных во Владивосток. А. И. Геске слышал от Петрова, что при обыске у Бочкарёва была найдена квитанция, из которой следует, что Бочкарёв-Озеров состоял пайщиком фирмы Свенсона,

и, как стало Адольфу Ивановичу известно позднее, «пай его равнялся 30—35 (тысячам? — В. П.) американских долларов».

В архивах имеются также сведения о сотрудничестве с белыми других фирм. В отчёте губотдела РКИ за июнь 1923 г. говорится: «Ревизией установлено финансирование фирмой “Фукуда-Гуми” банд генерала Полякова, полковника Кузнецова и документально установлены преступные сделки фирмы “Фукуда-Гуми” с гражданскими и военными (белыми) по приобретению у них товаров. По сему РКИ дало заключение о привлечении фирмы в целом и доверенного фирмы Кардыш к уголовной ответственности...»

15 августа 1922 г. на пароходе «Сишан» к месту службы прибыл начальник Петропавловского гарнизона 42-летний капитан 1-го ранга Б. П. Ильин. Выпускник Морского корпуса 1900 г., он в гражданскую войну воевал на Восточном фронте в составе Сибирской флотилии. Десантную роту, которую Ильин привез на Камчатку, красные вскоре окрестили «батальоном смерти». В Петропавловске он присоединил к ней 1-ю казачью сотню, а местную команду отправил на сельхозферму «в качестве рабочей или караульной команды». Ферма с 1 сентября была передана военно-морскому ведомству, и начальником её вместо гражданского Ф. Т. Шатинского стал местной команды хорунжий Бодров.

С приездом Ильина, вспоминал Х. П. Бирич, дисциплина среди военных немного улучшилась, «но всё-таки часто были случаи безобразных пьяных разгулов в казарме чинов...» Это трудно совместить с крайне отрицательным отношением самого Бориса Павловича к пьянству как к таковому, о чём речь впереди. Но, если Бирич не преувеличивает, повторилась история с 1-й сотней.

Бухгалтер фирмы «Суинтун» В. А. Огородников вспоминал: «На первое время по прибытии отряда Полякова, его солдаты вели себя, соблюдая некоторую дисциплину, но в скором времени эта дисциплина совершенно пала в городе. Мне как секретарю председателя китайской колонии пришлось расследовать несколько случаев грабежа мирных жителей китайских подданных солдатами отряда Полякова. Результатом этих расследований виновники обнаружены не были, т. к. за отсутствием дисциплины ближайшие начальники виновных солдат обнаруживать боялись». В 1923 г. ревтрибунал спросил Х. П. Бирича: «Отряд Бочкарёва не насиловал женщин в Петропавловске?» — Нет, — отвечал тот.

Н. П. Фролов в той же книге, где напечатана пространная статья И. Махоркина и Ф. Слободчикова, вспоминал о героическом сражении партизан с белыми у с. Авача: «Мы начали готовиться

к бою: все мелкие партизанские отряды собрали вместе, усилили разведку, а в ночь на 15 августа, когда из города должны были выйти белогвардейцы, мы заняли самые важные укрытия на подступах к Аваче, а один отряд послали контратаковать дорогу на Завойко.

Рано утром показались белогвардейцы. Впереди шла разведка. Её мы пропустили. А как только основная часть белогвардейцев вышла на открытое место, открыли огонь. Часть партизан зашла в тыл врага и отрезала путь отступления. Белые бросились с дороги по направлению к Авачинской бухте и стали отстреливаться. Крутой берег на время скрыл их. Но партизаны обошли берег и с двух сторон снова открыли огонь. Белогвардейцам пришлось спуститься по крутому обрыву к Авачинской бухте и по берегу уйти в город. В этом бою мы не потеряли ни одного человека, за исключением четверых легко раненых. А белогвардейцы, как помнится, недосчитались семи человек. В этом бою героически сражались все партизаны, а особенно отличились Метальников, Глухарёв, Мандебуро, Старцев, Пересвет-Солтан, Чекмарёв, Ивашкин, Селиванов и другие».

23 января 1974 г. в письме на имя директора Хабаровского крайгосархива Пономаренко П. Г. Ивашкин-Ларичев коснулся описанного выше события: «...в книге “За власть Советов на Камчатке” бывший начальник штаба нашего партизанского штаба Н. П. Фролов поместил в своих воспоминаниях “Заре навстречу” на стр. 105 и 106 неправильность, ложь о том, что партизаны в 1922 г. вели бой под селом Авачей, и тогда мы убили семь белобандитов, а белые только легко ранили четверых наших партизан... Этого боя в действительности не было». Копия письма П. Г. Ивашкина-Ларина хранится в ГАКК.

Что же касается самого с. Авача, то здесь у красных было немного сторонников. Весной 1918 г. сюда приезжал П. Я. Суляк, после речей которого, почти все авачинцы, вооружившись, отправились в Сероглазку защищать областную демократическую власть от узурпаторов-большевиков. Авача также фигурирует в воспоминаниях П. Г. Ивашкина в связи с приказом командующего отрядами облнарревкома Н. П. Фролова от 1 апреля 1922 г. Данным приказом «устанавливался боевой пост на Завойкинском тракте вблизи к селению Авача. Этому боевому посту вменялось в обязанность не пропускать банды Бирича и Полякова вглубь области, а у всех приезжающих из города жителей и торговцев отбирать народное оружие, черносотенную

литературу, спиртные напитки, а с торговцев взимать налог с провозимой ими в город пушнины...»

16 августа 1922 г. особоуполномоченный подписал постановление № 4292. Речь шла об известном на Камчатке человеке, основателе местной организации РКП, бывшем (в 1920 г.) городском голове Петропавловска. «Высланный осенью 1921 г. в порядке военно-политического сыска в г. Владивосток коммунист А. И. Бабкин-Байкалов в настоящее время возвратился на японском пароходе “Инабасан-Мару”, зафрахтованном господином Демби, следуя в Алюторку.

Принимая во внимание, что Бабкин-Байкалов всегда являлся видным деятелем революционных выступлений на Камчатке, организатором и пропагандистом коммунистической партии, членом большевистских учреждений и Председателем революционного трибунала и, имея крупные связи с политическими преступниками-сопочниками, своим появлением в Крае может способствовать расширению революционного движения в качестве “концессионера” на деньги, полученные от большевиков, с весьма вероятным намерением создать временную базу коммунистов территории концессий, постановляю: на основании донесений начальника Петропавловского военного района от 15-го сего августа за № 4 и начальника военно-политического розыска Петропавловского военного района от 15-го сего августа за № 118, задержать А. И. Бабкина-Байкалова в городе Петропавловске впредь до окончания производства о нём надлежащего расследования и получения дополнительных исчерпывающих сведений от Временного Приамурского Правительства о личности и характере деятельности Бабкина-Байкалова, избрав мерой пресечения преступной его деятельности содержание под арестом на к/л. “Свирь”. Компаньону Бабкина-Байкалова Инженеру Н. П. Казанцеву, добровольно оставшемуся в г. Петропавловске, не чинить каких бы то ни было препятствий при выезде из города к месту следования его в с. Алюторку».

Чтобы уяснить, о каких концессиях речь, приведём несколько строк из «Очерков истории Камчатской областной партийной организации», относящихся к концу 1920— началу 1921 г.: «В связи с переговорами Советского правительства с представителем американского синдиката В. Вандерлипом о предоставлении ему концессий на Камчатке правительства РСФСР и ДВР договорились о возвращении Камчатской области в состав Российской Федерации».

17 августа 1922 г. генерал-лейтенант М. К. Дитерихс обратился к гражданам Приамурского края и Советской России. «8 авгу-

ста сего года Земский Собор, собравшийся во Владивостоке, избрал меня Правителем Земского Приамурского Края. Я глубоко верю, что только чудо Господне может спасти Русскую землю и вернуть её во власть народа Русского и его хозяина Помазаника Божия... Моя задача в том, чтобы всех, кто верует в Бога, от простого мужика землепашца до родовитого князя, объединить в одно, поставить править своей землёй и общими усилиями восстановить совершенно разорённую и разграбленную нашу Святую Матушку Россию. Я не поставлен Богом судить христианский народ, а объединить всех в Христовой вере. Поэтому, кто верит в Бога, не должен меня бояться за прошлые грехи. Все мы грешны, что забыли Бога и дали изуверам погубить нашу Родину, истерзать её и восстановить нас друг на друга в братоубийственной войне. Судить нас всех будет Единый Бог на небе. Я зову вас не на вражду к друг другу, а только на свержение всем осатаневшей Советской власти и на работу со мной по восстановлению наших пашен, заводов, фабрик, сёл и городов. Только дружное служение и управление землёй всем народом может привести к великому Божьему чуду — воскресению России и к ея прежнему богатству и миру...»

17 августа на Петропавловской радиостанции задержали телеграмму особоуполномоченного жене во Владивосток. За разъяснениями Х. П. Бирич вынужден был обратиться к начальнику гарнизона капитану 1-го ранга Б. П. Ильину. «Хотя... Приамурского Правительства уже не существует, — отвечал Борис Павлович, — но я счёл бы... неприличным не оказать любезность бывшему его Представителю». Телеграмма ушла. 19 августа 1922 г. Б. П. Ильин провёл на Соборной площади парад войск Петропавловского гарнизона, состоящего из десантной роты (по одним данным, 100, по другим, 150 моряков) и 1-й сотни СЭО. А на следующий день, если верить красным партизанам, подписал обращение к ним: «Почти уверен, что не все же вы люди пропащие, утерявшие окончательно стыд и нравственные устои. А потому даю вам недельный срок, чтобы одуматься и осознать всю подлость вашей деятельности. Кто... сложит оружие, мы простим, он будет нашим братом и ни один волос не упадёт с его головы. Вернитесь к мирному труду, к вашим семьям, займитесь охотой и рыбной ловлей и тем положите начало нашей совместной, дружной и весёлой жизни. Есть, конечно, среди вас убицы и грабители, которые давно потеряли всякий человеческий облик. Позорный столб их ожидает. Пусть они уходят в глубь страны, не хочу их видеть ни живыми, ни мёртвыми. Наконец, согласитесь сами, что как вам

ни привольно, может быть, сейчас живётся, но бесцельность ваших скитаний из деревни в деревню очевидна каждому, а конец их настанет с первыми же морозами...»

21 августа 1922 г. телеграфистка А. Суслык приняла телеграмму из Наяхана на имя подполковника Кузнецова: «Только что я, генерал-майор Поляков, вернулся в Наяхан после освобождения нас следующей в Гижигу частью Охотского гарнизона. Военный бунт под руководством выгнанного мною зимой поручика Петрова, приказчика фирмы “Соловей” Фокасо, именуемого штабс-капитаном Пирей, протоиерея Кох, мною ликвидирован. Подкладка бунта — желание Соловья захватить всю торговлю Охотского побережья, а помогавшие Фокасу бараны казаки и офицеры (ударение на) грабёж интендантства. Возведённые на меня обвинения — сплошная ложь, что видно, что ни один штаб-офицер и настоящие офицеры не примкнули к этому воинскому преступлению. Жду по-прежнему 1-ю сотню к себе в Гижигу во главе с её командиром, проникнутую истинным воинским духом. Шлю привет лихим отрядам. Полковник Бочкарёв. Генерал-майор Поляков».

По сведениям из различных источников, участие в бунте приняла треть бочкарёвского отряда. Председатель в 1924—1926 гг. Ольского ревкома А. А. Кочеров вспоминал: «Летом 1922 г. к рейду бухты Ола подошла шхуна “Михаил”. На ней находился Бочкарёв, арестованный в Гижиге восставшими с Петровым белогвардейцами. Со шхуны в течение дня никто не выходил. Ночью на берег сошла группа людей из отряда Петрова. Они арестовали в Оле бочкарёвцев, прибывших из Охотска. Для охраны их оставили небольшое число конвоиров. После этого часть солдат вернулась на шхуну, чтобы сообщить о ликвидации бочкарёвцев в Оле. Арестованные бочкарёвцы в одной из изб в Оле сумели обезоружить своих конвоиров и направились к Петрову, который утром следующего дня высадился со шхуны, не подозревая о случившемся. Они арестовали Петрова и освободили Бочкарёва».

Г. А. Ивлев приводит количество охотских приверженцев Бочкарёва и конвоиров из бунтовщиков: соответственно, двадцать пять и двенадцать. Но у него нет ни слова об аресте бойцов Охотского гарнизона в Оле, а под конвойными он имеет в виду стороживших Бочкарёва на шхуне.

Военно-полевой суд, учреждённый в Оле под председательством полковника Фиалковского вынес смертный приговор семерым военным: поручику Петрову, прапорщику Красовскому, старшему уряднику Батарову, младшим урядникам Былкову, Харитонову,

Латыпову, вахмистру Саламонову. (А. А. Кочеров увеличивает количество казнённых до тридцати.)

Затем «Михаил» отправился в Гижигу. Там врасплох без боя были захвачены остальные бунтовщики. По суду расстреляно пятеро — штабс-капитан Фокас, капитан Непомилов, лётчик лейтенант Вронский, корнеты Нурк и Кораблёв. «Суд был при открытых дверях...» — говорил, со ссылкой на очевидцев, Буткевич. «Семь человек, предназначенные к расстрелу, в тот же день удрали в тундру и скрылись... Бочкарёв с пятнадцатью человеками солдат... двинулся на катере снова в Олу, так как там оставалась его жена. В Гижиге Бочкарёв оставил за себя генерала Полякова».

Освободителями арестованного бунтовщиками Бочкарёва, стала, как известно, часть Охотского гарнизона, идущая на соединение с ним. С. Г. Стрепетиллов, подсудимый на процессе Бирича и др., рассказывал: «В общем бочкарёвский отряд расстрелял своих же... 48 человек, а в боях с красными один убит и один ранен. Расстрелы в Охотском гарнизоне были, но расстреливались свои же отрядники за уголовные дела. Последние три расстрела следующие: солдат Падерин за кражу риса, Малышев за кражу свиньи, капитан Колосов за кражу двух десятков папирос».

«Я пробыл в Охотске год, — продолжал младший офицер инженерной команды Степан Стрепетиллов, — и ежедневно наблюдал кругом поголовное пьянство. Пили все самогонку, для покупки которой продавали обмундирование... В течение года всем отрядникам выдавались каждый месяц товары вместо жалования, и всё это было пропито и попало в руки самогонщиков-корейцев... Охотские золотые прииска военные власти передали за два пуда золота японцу Танака. Допустили на прииска массу хищников и, обложив их, собрали в свою пользу».

Охотск Стрепетиллов покинул в октябре 1922 г. вместе с другими военными. Среди них был чиновник Савушкин, который потом вспоминал: «Во Владивосток приехало восемь человек, в том числе два офицера: поручик Губенко, хорунжий Стрепетиллов, я... На Сахалин уехало мужчин 31 человек, из них два офицера (капитан Смирнов 2-й и поручик Алексеев), и в Хакодате поехало 21 мужчина, из них 19 офицеров под командой полковника Шульц. Из Хакодате приехали, кроме нас, во Владивосток человек семь офицеров, из них знаю: подполковник Полищук, подпоручик Тищенко, подпоручик Филиппов, капитан Самсонов».

...22 августа 1922 г. на стол Х. П. Бирича легла бумага следующего содержания: «Милостливый Государь, Хрисанф Платонович,

Милостивый Государь,

Хрисанфъ Платоновичъ,

87

въ дополнение и полное опроверженіе ранѣ полученныхъ изъ Наякана телеграммъ отъ имени " Пирей Фокова ", препровождаю при семъ для Вашего свѣдѣнія. ввиду сдѣланнаго Вами доклада Правительству о событіяхъ гижигинской революціи, телеграмму за № 6, подписанную Полковникомъ БОЧКАРЕВЫМЪ и Генеральнаго Штаба Генералъ-маіоромъ ПОЛЯКОВЫМЪ.

Къ сожалѣнію, совершилась очередная ошибка - военный бунтъ, отъ котораго пахнетъ " пиреемъ и чеснокомъ ", поднятый такъ называемымъ " штабомъ - капитаномъ Пиреемъ ", въ дѣйствительности оказавшимся несостоящимъ въ Экспедиціонномъ Отрядѣ одееситомъ Фокасо, уже 2 года живущемъ въ Гижигѣ и состоящимъ приказчикомъ у Соловья, этотъ военный бунтъ былъ довърчиво принятъ Вами за " національный переворотъ " и какъ должно возмездіе Вашему врагу.

Я счастливъ въ данную минуту торжествомъ принципа воинской дисциплины, восстановленной въ Гижигинскомъ гарнизонѣ, счастливъ за тѣхъ людей, что вѣрять и идти за любимымъ нами Валеріаномъ Ивановичемъ БОЧКАРЕВЫМЪ.

Надѣюсь, что послѣ такой развязки и конца - " камчатской меркуліады " намъ съ Вами встрѣчаться болѣе не придется. -

Глубоко уважая только Ваши преклонные годы,

22 Августа 1922
Искренне Вашъ
В. В. Кузнецовъ

Письмо подполковника В. В. Кузнецова Х. П. Биричу от 22 августа 1922 г.
(из архива РУ ФСБ по Приморскому краю)

в дополнении и полное опровержение ранее полученных из Наяхана телеграмм от имени “Пирей Фокова”, препровождая при сём для Вашего сведения, ввиду сделанного Вами доклада Правительству о событиях гижигинской революции, телеграмму № 5, подписанную Полковником Бочкарёвым и Генерального Штаба Генерал-майором Поляковым.

К сожалению, совершилась очередная ошибка — военный бунт, от которого пахнет “пыреем и чесноком”, поднятый так называемым “штабс-капитаном Пиреем”, в действительности оказавшимся не состоящим в Экспедиционном Отряде одесситом Фокасо, уже два года живущем в Гижиге и состоящим приказчиком у Соловья, этот военный бунт был доверчиво принят Вами за “национальный переворот” и как должное возмездие Вашему врагу.

Я счастлив в данную минуту торжеством принципа воинской дисциплины, восстановленной в Гижигинском гарнизоне, счастлив за людей, что верят и идут за любимым нами Валерианом Ивановичем Бочкарёвым. Надеюсь, что после такой развязки и конца “камчатской меркулиады” нам с Вами встречаться более не придётся. Глубоко уважая только Ваши преклонные годы, остаюсь готовый к услугам Подполковник Кузнецов».

Вплоть до своего отъезда с Камчатки Х. П. Бирич издавал приказы, формально являясь руководителем области, хотя на его место уже был назначен другой человек. 22 августа, например, «ввиду предстоящей служебной поездки... для доклада Приамурскому Правительству (несуществующего, как минимум, две недели. — В. П.), временно, до получения распоряжений из г. Владивостока» Хрисанф Платонович учредил должность начальника Петропавловского уезда, коим, опять-таки временно, поставил временно исполняющего должность заведующего областной канцелярии Ф. Д. Стецюка. 29 августа по соглашению с начальником гарнизона утвердил с 1 сентября штат чинов петропавловской городской и уездной милиции с сохранением присвоенных ранее классов должностей и окладов содержания в количестве 17 чел.: начальник, помощник (он же секретарь), конторщик и 14 милиционеров, из них два старших. Штат, однако, укомплектован не был, и «Камчатский листок» в рубрике «Требуется» просил об условиях приёма справляться «в Штабе Офицера по Комендантской Части при Штабе Начальника Гарнизона в здании Городской Милиции» ежедневно с 9 до 12 часов. Руководил городской и уездной милицией с 1 августа 1922 г. бывший бухгалтер канцелярии Бирича М. Ф. Орлов.

31 августа 1922 г., согласно распоряжению Временного Приамурского правительства и предписанию командующего Сибирской флотилией (место базирования — Владивосток) на имя командира канонерской лодки «Магнит» от 22 июля, Х. П. Бирич подписал приказ об исключении из личного состава экипажа посылного судна «Свирь» поручиков по Адмиралтейству Салатко-Петрище (командир), Маслова, Тезейкина, прапорщиков Виноградова и Кулия, кондуктора Сутурина, писаря Мальцева и кочегара Болотова. Они считались списанными с 9 августа с откомандированием в распоряжение правительства на отходящем во Владивосток пароходе «Сишан».

Последним своим приказом № 334 от 1 сентября особоуполномоченный объявил о выезде во Владивосток по делам службы исполняющего должность контролёра М. Я. Марамзина, вместе с которым он и отбыл на следующий день в 10 утра на пароходе «Томск». Тем же рейсом в столицу Приморья следовали инспектор рыболовства Дымский, редактор «Камчатского листка» Ю. М. Дельсаль и другие известные лица. «По случаю экстренного отъезда и за неимением времени проститься, — дали объявление в местную газету Х. П. Бирич, старший чиновник особых поручений М. С. Миклашевский и есаул А. И. Чешкин, — просим принять наши наилучшие пожелания всем нашим землякам».

2 сентября 1922 г. в должность начальника Петропавловского уезда вступил сорокадвухлетний профессиональный бухгалтер Фома Данилович Стецюк. Происходил он из крестьян Киевской губернии. Образование четыре класса гимназии. Почётный гражданин. Неимущий. Жил с семьёй (жена Казимира Адольфовна и трое детей) на той же Казначеевской улице, где убили П. Я. Сусляка.

Накануне начала службы в новом качестве Ф. Д. Стецюк, будучи председателем Камчатского участкового присутствия по подоходному налогу, оповестил всех налогоплательщиков о рассылке окладных листов на 1921—1922 гг. «с указанием в них обложенных доходов и окладов налога». И два года спустя, уже при Советах, он работал по этой части: заведовал налоговым управлением. Правда, заведующий губернским финотделом, «сотрудник резерва ГПУ» В. И. Картакай, был не очень доволен им. «Флегматик, хитрый субъект, положиться нельзя. Отношение к своим обязанностям пассивное, инициативы по должности не проявляет. Отношение к существующей власти неопределённое. Терпим из-за отсутствия соответствующего сотрудника». При желании,

добавлял Картакай, был бы образцовым работником, кабы изжил старую закалку «романовщины».

Новый начальник Петропавловского уезда (с 1920 г., после А. А. Ненсберга, этой должности не существовало) поручил временно заведовать типографией сыну Х. П. Бирича Арсению. Местная газета перестаёт указывать, кто её подписывает к печати, помещая лишь в правом нижнем углу: «Тип. Областного Управления».

«Камчатский листок» публикует материал под заголовком «Памяти героев-защитников». В нём говорится: «6 сентября, в день годовщины славной защиты г. Петропавловска от нападения вражеских эскадр в 1854 г., город с утра принял праздничный и торжественный вид.

Стоящие на рейде суда разцвелились флагами, украсились также и дома. На богослужение в местном Соборе прибыли: Начальник гарнизона капитан 1-го ранга Ильин, Командиры судов и начальники частей, представители городского самоуправления и гражданского Управления. У Собора фронтом стали морские команды и воинские части. По окончании литургии крестный ход проследовал на Братскую могилу и здесь, при большом стечении горожан, у подножья исторической Никольской сопки, у места вечно-го упокоения героев-защитников города, была совершена панихида. Командиром военного транспорта “Кошу” капитаном 1-го ранга Найто и командиром миноносца “Кияке” был возложен на Братскую могилу венок с надписью “Японский Флот”.

Затем на площади Братской могилы состоялся парад местного гарнизона, которым командовал Подполковник Кузнецов. Парад принял Начальник гарнизона капитан 1-го ранга Ильин, сказавший перед фронтом о доблести наших предков-героев, отдавших свои жизни за Родину под стягом Дома Романовых и провозгласивший здравицу за Возрождение России, армии и флота. Высокопатриотические слова эти были покрыты мощным и долго не смолкающим криком “ура”, торжественными звуками гимна “Боже, Царя Храни” и орудийным салютом нации (21 выстрелом). Войска прошли церемониальным маршем.

У Начальника гарнизона в два часа дня состоялся банкет, на котором присутствовали: Японский консул г. Симада, Командиры военных судов, как японских, так и русских, начальники воинских частей, Городской Голова, Начальник уезда и др.».

В тот же праздничный день с Командорских островов в Петропавловск ожидалась шхуна «Командор Беринг», конфискованная в 1922 г. «у японских хищников» около острова Медного. Но пришла

она только ночью 8-го числа, продрейфовав несколько суток у Петропавловского маяка «за отсутствием материалов для машины». На шхуне прибыл капитан Зайцев из комендантского управления. Помимо него и ротмистра Муратовского, в штате управления числились: штабс-капитан Лукоянов, поручик Топорков, старший урядник Феофанов, делопроизводитель Пригоровский, писарь Козленко, машинист Григорьев, посыльный Попов и сторож Вен-юн-хай.

7 сентября 1922 г. комендант г. Петропавловска ротмистр Муратовский объявил населению о регистрации в духнедельный срок огнестрельного оружия с выдачей разрешения на право хранения и ношения. У кого уже такое разрешение имеется, его надлежит предъявить на предмет отметки, причём, действительными являются лишь те разрешения, которые выданы начиная с 29 октября 1921 г. — со дня занятия Петропавловска отрядом В. И. Бочкарёва.

Торгово-промышленное товарищество на паях «Преемники И. Я. Чурин и К^о А. В. Касьянов и К^о» приступило к продаже в большом выборе по пониженным ценам мануфактуры, галантереи, парфюмерии, готовых платьев, мужской, женской и детской обуви, русских охотничьих сапог фабрик Смагина, скобяных товаров, посуды, бакалеи, колбасных изделий собственных фабрик, разных сортов вин, табаков и папирос из лучших турецких табаков также собственных фабрик.

Петропавловской сельхозферме, которой теперь заведовал ротмистр Файвишевич, требовались доильщицы коров. Она принимала рогатый скот от населения в обмен на племенных бычков. 15 сентября на ферме состоялась распродажа скота с аукционного торга по нижеследующим расценкам: Ласка и Добрая по 600 руб., Гутя 1916 г. — 800; телочки 1922 г. Касатка, Казачка, Киричка, Казарка — 200 каждая; бычки Ицек, Илюша 1921 г. по 300, Казак, Казбек, Копчик, Красавец 1922 г. — 150 каждый. Ночью 16 сентября на сельхозферме при сильном ветре сгорела дотла баня...

15 сентября «Камчатский листок» сообщал: «11 сентября после Литургии в Высшем Начальном Училище состоялся молебен перед открытием классных занятий. На молебне присутствовали: Начальник гарнизона капитан 1-го ранга Ильин, начальник Петропавловского уезда Ф. Д. Стецюк, комендант города ротмистр Муратовский, Городской голова Колмаков, члены родительского комитета, учащие, родители и учащиеся. Перед на-

чалом молебна Законоучитель о. Игумен Николай сказал слово о значении религиозного воспитания.

После молебна Начальник гарнизона капитан 1-го ранга Ильин обратился с речью к присутствующим. “700 лет тому назад, — говорил начальник гарнизона, — Россия подпала под иго татарское; она страшно страдала под ним, как ныне Россия стонет под большевистским игом. Россия тогда стряхнула с себя татар, придёт скоро время, она стряхнёт с себя и коммунистов. Здесь, на Дальнем Востоке, небольшая группа людей, любящих Родину, сбросила большевиков, и ныне евреи не получают этот уголок России от русских офицеров и солдат под свою власть. Молодое поколение, обучающееся в школе, идёт за нами, верующими в Бога, в правду, имеющими честь, совесть. У нас, — продолжал капитан, — нет сейчас ничего, мы бедны, но Бог за нами и за наше дело и с Его помощью у нас будет всё. Надо немного потерпеть, обождать”.

Инспектор Новограбленов, объявив о приёме учащихся, о результатах экзаменов, в своей речи отметил, что школе предстоят большие испытания в наступающую зиму в виду недостатка топлива и невыплаты жалования учителям, но надо надеяться, что Петропавловское общество и власть не дадут погаснуть школе, которая уже прошла через массу испытаний. От имени Училища он благодарил присутствующих за посещение Училища.

После всего Начальник Гарнизона, Начальник уезда, комендант города в сопровождении Инспектора осматривали классы, кабинеты, библиотеку Училища, причём Представители Правительства остались очень довольны состоянием училища».

Аналогичное торжество прошло спустя неделю и в Петропавловском начальном училище. Выступали те же лица, только начальник гарнизона, прежде чем держать речь, приложился к кресту, по окончании торжества ему были представлены учительницы. Отмечалось, что в первое отделение училища записалось более тридцати мальчиков и девочек. П. Т. Новограбленов на сей раз именовался заведующим училищами области, занять эту должность предложил ему ещё особоуполномоченный, когда погиб П. Я. Сусляк. А до этого, 6 июля 1922 г., объявил Новограбленову благодарность «за усердие и труды». Прокопий Трифонович открыл в высшем начальном училище летний класс английского языка с бесплатным преподаванием (в первые дни нового учебного года фельдшер горбольницы Простокшин дал такое объявление: «Студент готовит и репетирует малоуспешных. Можно с английским и французскими языками»).

Выступление капитана 1-го ранга Б. П. Ильина в обоих городских училищах перед началом учебного года не случайно; он был убеждён, что главная причина «беспросветной и тяжёлой жизни» местного населения — неграмотность. «Мой долг, — подчёркивал он позднее, уже исполняя обязанности начальника Камчатской области, — указать вам тот путь, который давно избрали себе все культурные народы и который ведёт к расцвету нации и является единственным в достижении счастья и благоденствия на земле.

Поэтому приказываю: 1) Ввести сейчас же обязательное обучение грамотностью для детей обоего пола, а равным образом и для юношей, не достигших 17-летнего возраста. В тех посёлках, которые отстоят далеко от сельских школ, отвести для обучения один из домов и обязанность учителя вменить одному из односельчан. Ежели в деревне не окажется ни одного грамотного, то войти с просьбой в соседнюю деревню об откомандировании подходящего человека на всё время зимнего учебного сезона. Харчи и постой учителя должны взять на себя все родители учащихся.

В течение Рождественских каникул учителям собраться по волостям для обсуждения нужд и выработки однообразного плана обучения. Протоколы этих учительских совещаний представить мне, указав в них число учащихся по возрастам и пункты, в коих желательно учредить правительственные школы. Одной зимы вполне достаточно, чтобы научиться читать. А потому весной 1923 г. все юноши лет 16—17, не одолевшие сей премудрости, будут взяты на военную службу, где одновременно с военным искусством их обучат и грамоте. За неисполнение этого 1-го пункта будут ответственны старшины деревень.

2) Научившись грамоте, вы сможете читать Святое Евангелие и постигните учение Христа Спасителя. Это учение будит в нас лучшие чувства любви к ближнему, научает всепрощению и является тем связующим звеном, без которого не возможна совместная жизнь людей.

Вы все на Камчатке православные и это даёт мне полную уверенность в том, что Божественное учение нашего Спасителя послужит основой нашего объединения в одну дружную и крепкую семью. Так как храмов Господних и священнослужителей очень мало, то по праздникам надо собираться в одну из просторных хат, где один из присутствующих должен читать вслух молитвы. Такие общественные молитвы поучают незнающих славословия и имеют большое воспитательное значение для детей».

...12 сентября начальник Петропавловского уезда Ф. Д. Стецюк отдал распоряжение в целях ограждения интересов казны обратить в её пользу всё имущество Петропавловского кооператива. 13 сентября, на основании Положения о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия (приложение 1 к ст. 1-й Свода установлений о предупреждении и пресечении преступлений, издания 1890 г.), Б. П. Ильин, временно, до особых распоряжений, запретил продажу «распивочно и на вынос» спиртного, также пива, браги и прочего в Петропавловске и его окрестностях. Наказание стандартное: либо пятисотрублёвый штраф, либо трёхмесячный арест.

Во Владивостоке получена телеграмма за подписью Гижигинского старшины П. Брагина, адресованная Правителю Приамурского Земского края генералу М. К. Дитерихсу: «Население, казачество и войска Гижигинского округа, собравшись на общий молебен о здравии и благоденствии Его Императорского Высочества Князя Николая Николаевича, шлют Вашему Высокопревосходительству горячий привет и возносят молитвы Всевышнему о даровании Вам мощи и энергии довести начатое дело возрождения нашей Родины до конца».

Имея под свои началом около двухсот военных, капитан 1-го ранга Б. П. Ильин был весьма решительно настроен в отношении красных, тем более, что явившиеся к нему делегации от селений Завойко, Тихая, Паратунка и Микижа вручили постановления сельских сходов о полном протесте против их действий и готовности оказать всяческую поддержку «в деле ликвидации бродячих партизанских шаяк».

«Ввиду того, что эти шайки занимаются грабежом и насилием мирного населения, отнимая моторы, кунгасы, рыбу и пушнину, — значилось в приказе начальника гарнизона № 65 от 13 сентября 1922 г., — я рассматриваю их не как политических противников, а как разбойников, для которых может быть только одно возмездие — расстрел на месте преступления.

Учитывая однако, что среди партизан есть некоторые лица, увлечённые из своих селений под угрозой оружия, а другие подпали под влияние преступной агитации таких проходимцев, как Ларин, Савченко-Славский, Чекмарёв и Фролов, благодаря своему умственному неразвитию, я в последний раз призываю всех партизан вернуться к мирному труду и заявляю, что только те из них будут помилованы, кто добровольно явится до 1 октября». Б. П. Ильин приказал всем сельским старостам оповестить об этом односельчан,

находящихся в партизанских отрядах, и по истечении указанного срока представить списки невозвращенцев.

13-го числа были повышены ставки гербового сбора. Затем вышел ещё один приказ Б. П. Ильина, скреплённый также двумя другими подписями — адъютанта штаба есаула Пичуева и исполняющего должность начальника Петропавловского уезда Стецюка. Со всех спиртных напитков, как ввозимых, так и уже ввезённых на Камчатку, отныне взимался акцизный сбор: с ведра 95-процентного спирта — 38, водки, саке и рижского бальзама — 20, пива — 4 руб.; с бутылки виски, коньяка, рома и водочной настойки тоже 4, шампанского — 3, разных наливок — 2, виноградного вина — 1; с литра ликёра — 5 руб.

В случае оплаты акцизного сбора за ввоз на Камчатку во Владивостоке соответствующая сумма зачитывалась при окончательном взносе в местное казначейство платежей по петропавловским ставкам. Выпускаемые в продажу вышепоименованные напитки надлежало оклеить бандеролями установленного образца. Неоклеенные считались контрабандой со всеми вытекающими последствиями.

Приказ этот датирован 15 сентября, а 14-го Ф. Д. Стецюк предложил окружному надзирателю Петропавловского уезда совместно с секретарём акцизного управления Е. В. Хабаровым и представителем от местной милиции в кратчайший срок выяснить в магазинах города «наличность», облагаемую акцизом, учинив документальную проверку, что уже оплачено, а что — нет. Начальник уезда потребовал предоставить ему ведомость с обозначением точного количества спиртных напитков в каждом торговом заведении, а равно у частных лиц, которые занимаются продажей спирта и других крепких напитков. В тот же день окружной акцизный надзиратель Константин Ильич Кодылев добровольно уступил свою должность бухгалтеру областного продовольственного отдела И. Н. Григорьеву.

В воскресенье 17 сентября 1922 г. в Народном доме при полном зале прошёл спектакль по пьесе Найдёнова «Авдотьяина жизнь». Среди зрителей, как и прежде, попадались «зайцы». Они, по выражению современника, пользуясь своим физическим преимуществом «над телесно слабым контролем и ловкостью ног», пробили себе путь в театральный зал. В спектакле были заняты любители Мельпомены супруги Кодылевы, Борейша, Ленская, Немова, Лоскутков, Миронов, Василько и режиссёр Гарсов, адвокат по профессии.

На следующий день в четырнадцать часов в том же здании состоялось собрание граждан Петропавловска, воинских частей и правительственных служащих. Гражданские сразу прошли в помещение. Военные стояли у подъезда и присоединились к ним только по прибытию в сопровождении адъютанта Б. П. Ильина, когда он, поздоровавшись, пригласил их в зал. Разместив воинские части в стройном порядке и подождав, пока все успокоятся, начальник гарнизона прочёл с эстрады первый указ Правителя Земского Приамурского края. Затем были прочитаны телеграммы от вдовствующей императрицы Марии Фёдоровны и генерала Дитерихса.

После чего «Начальник Гарнизона обратился ко всем присутствующим, в глубоком молчании слушавшим знаменательные и строго поучительные слова первого Указа... с небольшой речью, прося всех, как частных жителей г. Петропавловска, так и служащих правительственных учреждений, верить ему, что всё, что будет здесь на Дальней Камчатке сделано Правительством, — будет сделано во имя справедливости и порядка и что правительственные войска до тех пор не уйдут с Камчатки, прока не убедят всех жителей в стремлении Правительства проводить здесь в жизнь те основы, на которых Россия создавалась и была могущественна».

Под конец речи Б. П. Ильин предложил прокричать «ура» во имя возрождения прежней могущественной России и при долго не смолкающих криках сошёл с эстрады, объявив, что у камчатцев новый губернатор — генерал Иванов-Мумжиев.

21 сентября 1922 г. Б. П. Ильин опубликовал приказ управляющего ведомством внутренних дел Бабушкина от 24 августа за № 297. «Назначаются: Генерал-Майор Иванов-Мумжиев Начальником Камчатской Области и Войсковой Старшина Лесников Начальником Охотского уезда. Впредь до прибытия Генерал-Майора Иванова-Мумжиева исполнение обязанностей Начальника Камчатской Области временно возлагаю на капитана 1-го ранга Ильина, которому поручаю принять дела и отчёт бывшего Особополномоченного Камчатской Областью Бирича».

ТИГИЛЬСКИЙ КРЕСТ

20 июня 1922 г. «Камчатский листок» напечатал заметку под заголовком «Подробности гибели шхуны “Bender Brothers”»: «2-го сего июня шхуна Торгового Дома “Сайденберг и Виттенберг” в 25 милях от Тигиля наскочила на подводную льдину и, получив пробоину, стала наполняться водой. Капитан шхуны повернул было

к берегу, но, так как она быстро начала погружаться в воду, пришлось спустить катер и спастись. На шхуне погиб почти весь груз, вещи команды и С. Виттенберга. Вся команда спасена. 15-го вечером прибыли в Петропавловск на катере из Тигиля С. Виттенберг, капитан, старший механик шхуны и служащий Виттенберга Деулин. Приезжие рассказывают, что в Тигиле находится отряд под командой полковника Алексеева».

В одной из статей сборника «За власть Советов на Камчатке. (1917—1923 гг.)» утверждается, что после неудачного прорыва партизанской блокады из областного центра, белые попытались соединиться с Петропавловским гарнизоном, чем и объяснялось их появление на западном побережье Камчатки. Упоминание об алексеевском отряде встречалось в других краеведческих публикациях, но восстановить картину пребывания белых в Тигиле по ним невозможно. Поиск новых материалов, проливающих свет на обстоятельства и мотивы гибели отряда, занял многие годы. Большую помощь нам оказал уроженец Тигиля, член президиума камчатского отделения «Мемориала» Ю. Г. Попов.

Весной 1922 г. в разных районах полуострова начали формироваться так называемые дружины самообороны. Начальник тигильских казаков П. И. Юшин телеграфировал в партизанский штаб облнарревкома, которым руководил И. Е. Ларин: «В ночь на 13 апреля в Тигиль приехал из отряда Бочкарёва подъесаул Савич с двумя ординарцами для установления административного передвижного пункта, как видно из его слов, надеялся на помощь тигильского боевого казачества... жестоко ошибся в своих расчётах».

Прибытие военных в Тигиль подтверждается телеграммой начальника штаба СЭО капитана 2-го ранга Г. А. Ивлева Х. П. Биричу: «В Тигиле оборудован АПП и стоит там наша стража под командой есаула Савича». Административно-пропускной пункт в Тигиле был открыт по приказу В. И. Бочкарёва. Работа пункта регламентировалась специальной инструкцией (см. очерки автора в 1 вып. «Вопросов истории Камчатки»).

23 апреля 1922 г. полковник Алексеев, как «комендант пос. Тигиль», телеграфировал коменданту бухты барона Корфа: «По пути к месту своего назначения я проезжал пос. Дранка, в котором до сих пор существует областной комитет и руководствуется указаниями комиссара Ларина. Между оных нашёл Ваше предписание за № 18 от 11 марта и приказ генерала Полякова за № 1 от 29 ноября, которые в жизнь проведены не были. Отобрав дела комитета, я приказал вступить в свои обязанности волостному

старшине Слобачуку (Слободчикову. — В. П.), выбранному властью до приказаний и воззваний Ларина, дав ему приказание и инструкции, какие прилагаю при сём. Не имея возможности проехать в пос. Уку и Хайлюлю, где тоже комитеты, я пишу приказание через волостного старосту от своего имени. О вышеизложенном Вам доношу и ставлю в известность».

Волостной старшина Евгений Иннокентьевич Слободчиков, получивший в 1938 г. десять лет лагерей, сообщал о себе на следствии: окончил городское училище в Петропавловске, в 1911—1918 гг. служил псаломщиком в с. Дранка Карагинского района, затем в Камчатской местной воинской команде заведующим по снабжению, откуда уволился по собственному желанию и вновь уехал в селение Дранку. «В 1922 году, — продолжал он, — к нам в Ивашку приехали с материка люди с промышленником Фокиным, часть этих людей связалась с камчадалами и организовала подпольную организацию для борьбы с белыми, руководил этим делом Гаврилин Иван Петрович. В группу революционеров-партизан, по моим подозрениям и выводам, входили следующие лица: из села Ука Сомкин Павел Фёдорович, Хайлюли — Крамар Василий Андреевич, Ивашки — Ландик Иван Николаевич, Гаврилин, Дранки — Примак Трифон Нестерович, Коекарский Георгий Акакиевич, Черемпей Пётр Кузьмич. Вся эта группа подпольщиков была на меня злая, ненавидела меня как *попа* (так они меня именovali, хотя я был только псаломщиком) по роду своих убеждений камчадала-националиста.

Я за ними наблюдал, и когда в 1922 г. к нам приехал полковник Алексеев-Крамник с Корфских копей, я ему секретно дал сведения о наличии подпольной организации партизан, которой руководил Гаврилин И. П., сведения я подписал своей фамилией... но этого полковника партизаны застрелили в одной из квартир, и сведения, данные мной полковнику — точно не знаю — кажется, попали в руки партизан, каковые меня постановили расстрелять. Для исполнения приговора надо мной был послан коряк Панкарин Сергей Сидорович, каковой, приехав ко мне, немного побыл и уехал обратно в с. Ивашку, не убив меня, видимо, потому, что его отец раньше служил старостой, и мы были с ним в большой дружбе... Кроме того, в 1922 г. с приходом белых я был назначен старшиной над всеми сёлами, то есть почти над всем Карагинским районом».

Один из бывших партизан, давая показания против Слободчикова, называет убитого в Ивашке старшего офицера генерал-майором

Фёдоровым. То же звание и фамилия значатся в очерке Р. Юшина «Как уничтожили генерала», но действие там происходит не в сентябре 1922 г., когда погиб отряд Алексеева и сам командир, а месяц спустя на квартире Панкарина. Приятель Гаврилина П. К. Черемпей называл его убийцей генерала, статского советника, лейб-медика Императорского двора. Из допроса П. Н. Примака, охотника-рыбака с. Дранка, 4 апреля 1934 г.: «Генерал-майор Фёдоров вызвал к себе на квартиру Гаврилина И. П. и спрашивал его, кто он такой, где учился, где служил и как попал на Камчатку. Гаврилин говорил ему, что он якобы учился в юнкерском училище в г. Чите, генерал Фёдоров ему задал вопрос, а кто был начальником училища, на что Гаврилин И. Н. назвал какую-то фамилию, поле чего у генерала с Гаврилиным произошла ссора, и Гаврилин генерала в доме Панкарина Сидора убил из револьвера, после убийства, боясь репрессий со стороны белых, Гаврилин организовал отряд из жителей с. Ивашки, Дранки, частично из Караги. Отряд был организован человек двадцать. Начальником был выбран Гаврилин, помощником был Панкаринов Павел и Панкаринов Сергей, отряд никаких действий не принимал, а стоял в Дранке на охране...»

В середине 1930-х гг. Гаврилин утверждал, будто ссора с Фёдоровым произошла из-за того, что тот угрозами заставлял его вступить в отряд Бочкарёва. По словам ивашкинского охотника Н. Я. Загороднего, труп застреленного генерала бросили в озеро близ села. (Долгое время, пишет Р. Юшин, местные жители называли это озеро Генеральским.) А «Гаврилин И. П. боялся белых и находился всё время в лесу на охоте». Слободчиков, по всей видимости, путает полковника Алексеева, погибшего совсем в другом месте — в Усть-Тигиле, с Фёдоровым, у которого после убийства были найдены документы на имя Крамника. Как попал врач Охотского гарнизона Северного экспедиционного отряда в Ивашку, неизвестно.

Ещё один факт, связанный с полковником Алексеевым. По службе он подчинялся коменданту бухты барона Корфа. Туда заходила канонерская лодка «Магнит», отправленная в августе 1922 г. на Чукотку. Корабельный механик Г. Ф. Сергиенко рассказывал: «В бухте Корфа встретили гарнизон в пять человек бочкарёвцев (штабс-капитан Востротин, вахмистр Пандридин и другие. — В. П.) во главе с полковником Даниным, там был казённый склад: чай, сахар, пушнина. На складе взяли 50 пудов муки, солонины, оленины, 60 пудов пушнины, около 17 красных лисиц

и рухлядь: меха разные, торбаса и т. д. Вышли через два дня, взявши на борт Данина и двух коммерсантов, Орехова и Доликова, пришли в бухту Глубокую... ушли в Анадырь, там гарнизона не было, вышли в бухту Провидения, ушли... попали в шторм и через неделю опять вернулись в б. Провидения... и пошли в бухту Корфа, где высадили полковника Данина. Погрузили 500 пудов муки и 1 000 пудов солянины для Петропавловского гарнизона».

...Перед Тигилём алексеевский отряд останавливался в Палане. Красноармеец, проезжавший через Палану с разведпартией Чубарова в феврале 1923 г., сделал следующую запись: «...75 человек, каждый имеет нарту ездовых собак. Население преимущественно камчадалы, народ энергичный и нетребовательный, сохранивший ещё свои первобытные нравы, обычаи и язык. Главный источник дохода зимой пушной промысел, а летом — рыба. С открытием промысла по первому снегу охотятся на лисицу. Ловят их капканами и переногой, то есть, как выпал свежий глубокий снег, гонят их на лыжах по следу до тех пор, пока не зайдут в норы, откуда потом выкапывают. С 20 октября охотники бросают лисиц промыслять и выезжают в лес за соболями до самого Рождества. На праздники приезжают, выбирают необходимый корм для собак и себя и опять уезжают до конца промысла — 15 марта.

...Главными скупщиками пушнины в Палане являются отделение Торгового Дома “Свенсон и Компания” (доверенный П. П. Флетчер), кооператив, а летом японцы, приезжающие на рыбалку. В прошлом году (1922. — *В. П.*) иностранных коммерческих судов сюда заходили два: весною — Виттенберг, но население, благодаря белогвардейцам, не могло продавать пушнину, так как всё в кооперативе было взято на учёт и приказано “никому не продавать”. Осенью пришёл пароход Свенсона, но простоял несколько часов из-за недостатка угля, скоро ушёл в Тигиль. Успели только выгрузить около восьмисот кульков (один пуд 15 фунтов) муки, несколько десятков мест чаю, табаку, мануфактуры, немного мелочи, в общем на незначительную сумму. Продуктов поэтому не хватило даже до Рождества. Многие из жителей Паланы, Тигиля, Седанки переваливали через хребты на восточный берег в с. Ключи за мукой. Ввиду недостатка товаров у торгующих большая половина населения имеет ещё на руках пушнину, которая с приездом японцев на рыбалку перейдёт в их руки за спирт. Денег в Палане никаких нет в обращении, поэтому главным продуктом обмена служит пушнина».

Местный житель Африкан Лонгинов называл время пребывания отряда Алексеева в Палане — два дня. Далее, уже в 1930-е гг., он говорил: «Мой отец и его братья особенно были в близких отношениях с есаулом Савичем и полковником Алексеевым. Эти белогвардейские офицера находили в моём отце и его братьях одних из лучших и надёжных защитников за дело “святой Руси”. Недаром они, приподнося бокал со спиртом ко рту, произносили, что братья Лонгиновы самые верные им люди, на других не на кого в Палане надеяться...»

По словам отца Африкана, бывшего торговца Пётра Васильевича Лонгинова, в Палане по приезду Алексеева, Савича и ещё одного офицера (Востройла?) «для встречи была устроена вечеринка», на которой он не присутствовал, не в пример псаломщику Нестору, своему двоюродному брату. Нестор, как запомнил его односельчанин А. А. Копылов, на этой самой вечеринке «в клубе» воскликнул: «Наши прибыли, будут у власти. За веру, царя и отечество Ура!» У Нестора и квартировали белые. Тот же Копылов, ссылаясь на Пантелея Лонгинова, утверждал, что псаломщик Нестор информировал коменданта бухты барона Корфа полковника Данина «обо всём, что делается у красных». Сам Пантелей Васильевич на допросе в ОГПУ пояснил: Нестор, работая в волостном ревкоме, сообщал содержание воззваний партизанского вожака Ларина. При разгроме остатков бочкарёвцев в Гижиге, добавил Пантелей Лонгинов, был найден дневник Данина, который не оставлял сомнений в информаторстве Нестора. Этот дневник был якобы привезён в Палану, и взял его начальник раймилиции Букаемский. Между прочим, Нестор Лонгинов не отрицал факта передачи информации (но не Данину, а полковнику Алексееву) «под угрозой смерти». Документы о пребывании белых в Палане находятся в архивном уголовном деле братьев Петра и Нестора Лонгиновых, приговорённых в 1932 г. к десяти годам концлагерей.

Артимон Александрович Копылов попал в паланскую дружину, когда стало известно, что из Гижигинской долины в район должны прийти бочкарёвцы. «В апреле месяце того года у нас под руководством Сарафанникова была организована боевая дружина для борьбы с белыми»: Алексей, Пантелей, Иннокентий и Пётр Васильевичи Лонгиновы, Нестор и Вячеслав Николаевичи Лонгиновы, Африкан Петрович Лонгинов, Косыгины Василий Васильевич и Иннокентий Иннокентьевич, Фёдор Ефимович и Михаил Андрианович Мохнаткины, Захар и Фотий Антоновичи Бре-

чаловы, Фирс Антонович Никифоров, Иван Фёдорович Шмагин, Василий Иванович Сновидов. Африкан Лонгинов причисляет к дружинникам Николая Васильевича Лонгинова, Алексея и Пантелея Николаевичей Флетчеров. Пантелей Лонгинов включает в этот список Василия Матвеевича Жаворонкова, Николая Константиновича Косыгина, Ивана М. Плотникова и с иным отчеством Шмагина — Михаила Демьяновича. Василий Сновидов добавляет ещё двоих — Болбата и Ловыгина, без инициалов.

Но, как командир, у всех фигурирует один и тот же человек — Александр Афанасьевич Сарафанников, уроженец Забайкалья, до революции неимущий. Немного воевал в Первую мировую войну (однако в октябре 17-го дезертировал). На Камчатке с 1918 г. В Палане первое время трудился на рыболовном участке Эккермана, несколько месяцев рыбачил и охотился в Иче. Вернувшись в Палану, жил первое время у В. И. Сновидова, потом перешёл в дом Эккермана. «В июле 1919-го, — вспоминал А. А. Сарафанников, — в адрес купца Флетчера Пантелеймона Николаевича из Владивостока от компаньона Эккермана Либерга поступили разные продукты питания и промтовары, предназначенные для обмена с местным населением на рыбу. Флетчер П. Н. предложил мне взять на себя роль по обмену... до приезда в Палану Эккермана или его компаньона Либерга». Работал весь сезон 1919 г. Всю рыбу отправлял во Владивосток Эккерману. В сентябре того же года поступил в лавочку П. Н. Флетчера в Тигиле на конторскую работу, затем женился на дочери коммерсанта Косыгина и переехал в Палану. Своё избрание «начальником военной дружины» относит не к апрелю, а к октябрю 1922 г. Приказ об её организации Сарафанников получил от П. И. Юшина и ему подчинялся.

А. А. Копылов: «Борьбы дружина против белых никакой не вела. Так, например, когда в том же году прибыла банда бочкарёвцев в количестве семи человек к нам в село для проследования в Тигиль, то вместо уничтожения их им была устроена вечеринка, на каковой присутствовал сам Сарафанников. Об этом мне рассказывала моя жена Мария Николаевна, которая на этой вечеринке также была... На вечере были Толстихины Екатерина, жена Сушпанова, выехавшие в 1932 г. на материк, Косыгин Василий, Сновидов Василий, остальных не помню...» В. И. Сновидов, Африкан, Алексей и Николай Лонгиновы, Никанор, Дмитрий и Михаил Шмагины, Жаворонков, Копылов и «шаманка» Евдокия Киржановна, по агентурным данным НКВД, в 1936 г. пытались сорвать первомайские торжества в Палане. «Эта группа во время праздника

говорила, что мы празднуем по-старому, нас кровью старинной должны знать и крепко помнить, также бога не будем забывать... — это наша жизнь».

...Площадь Тигильской волости в первой половине 1920-х гг. составляла 100 вёрст. Расстояние от волостного центра до самого отдалённого селения 325 вёрст. Населения во всех девяти селениях 1 784 человека. Природные эксплуатируемые богатства: рыба, морской и пушной зверь. Не эксплуатируемые, обнаруженные самим населением: аметист, квасцы, нефть, железные и свинцовые руды, белая глина. Климат в этих местах умеренный. Лето короткое, туманное, солнечных дней очень мало. Зима продолжительная, без резких холодов, но с обильными осадками. Поверхность гористая, перемежающаяся тундровыми низменностями.

На западе территорию волости омывает Охотское море. В нём водилась нерпа, лахтак, белуга, лососёвые... Рыбу в море население ловило в ничтожном количестве, по сравнению с речным промыслом. В годы «недохода лососёвых» почти единственным кормом собак и отчасти местных жителей (селения Кинкиль, Кахтана, Воямполка) служила мелкая рыбёшка уёк и вахня, то есть навага.

Река Тигиль изобиловала рыбой. Её ловили запорами, ставными и неводными сетями и заготавливали впрок для себя и собак. Часть улова сдавалась рыбопромышленникам в обмен на товаропродукты. «Селение Тигиль расположено на реке того же названия, в шестидесяти верстах от устья», — записывал тот же красноармеец из разведгруппы, шедшей западным берегом полуострова с заданием разгромить остатки Северного экспедиционного отряда В. И. Бочкарёва. «В селе сто домов, имеется церковь, школа и телеграф. Взрослых общественников около двухсот человек, почти все исключительно потомки казаков, первых завоевателей Камчатки. Живут гораздо чище и зажиточнее, чем камчадалы остальных селений-деревень. Каждый, кроме нарты ездовых собак, имеет ещё лошадь и корову, но они скорее составляют роскошь жизни, чем необходимость. Ещё практическое значение имеет корова, с её мясом и молоком, но лошади мало пригодны при летних топях, среди которых малочисленное население не в силах проложить дороги и при глубоких рыхлых снегах, в которых грузное животное проваливается и вязнет».

А вот какими предстают тигильчане в документах губревкома 1924—1925 гг.: «Селение Тигиль состоит из... ввезённых казаков для покорения Камчатки. Казаки для поддержания своего поколения хищническим путём захватили себе жён от дикарей и в настоя-

щее время от камчадала отличаются лишь тем, что нет шаманства и говорят на русском языке. Казаки до 1917 г. получали паёк». Относительно верований в Тигильской волости: «Камчадалами и оседлыми коряками исповедуются православные религии, но в то же время тайком занимаются шаманством... Проезжая по камчадальским селениям, встретишь в каждом доме верующего, все стены оклеены церковным писанием. Двойственность религии, то есть православия и шаманства, указывает на то, что религия не так крепка, так как православие введено не так давно... Особенно крепка православная религия в селениях Тигиль и Палана...»

Реакция Тигиля на июльский антисоветский переворот 1918 г. в Петропавловске была весьма своеобразной: местный Совет был преобразован в Комитет с выражением доверия прежним членам, «от ареста Совета голосованием воздержались». По слухам, белых в Тигиле — то ли в первый раз во главе с есаулом Савичем, то ли во второй под командой полковника Алексеева — встречал хлебом-солью 21-летний сын торговца Пантелей Юшин.

Почти за месяц до прибытия белоказаков полковника Алексеева в волостной центр обларревком принял телеграмму из Тигиля: «10-го сего апреля поступило отношение подъясаула Савича именует себя начальником Тигильского административного пункта. Едет Тигиль с десятью казаками. Хайрюзово, Облуковино требуют полсотни казаков. Собравшийся сход постановили: власть его не признавать, предложить ему ехать дальше или же вернуться обратно. Председатель собрания Логинов. За секретаря Мионов». В декабре 1922 г. после того, как в Петропавловске вновь воцарился нарревком во главе с Лариным, им была получена телеграмма, подписанная Притчиным, командиром Ковранского отряда, И. Суздалевым — Утхолокского и Остапчуком, за секретаря. В ней излагаются события в Тигильской волости с мая по сентябрь 1922 г. Именно с мая, так как приезд белых отправители телеграммы относят не к апрелю, а к середине мая, а точнее к 18-му числу. (Видимо, первое появление здесь Савича с двумя военными носило разведывательный характер.) И сообщают далее, что командира Тигильского отряда П. И. Юшина белые арестовали и «начали давать страшные приказы об аресте некоторых лиц...» Оные называются в другой телеграмме, якобы отправленной полковником Алексеевым в середине мая в Хайрюзово: «Приказываю срочно упразднить Комитеты, выбрать старшин и старост, руководствоваться законами 1915—1916 гг. Если

Копия телеграммы из Утхолока от 11 Декабря 1922 года № 4.

Магаврана сентября месяце через хребет Кованевск была отправлена информация уничтожения банд Тигиль, и твердо не уверены достигла ли она своего назначения, поэтому вынуждены будем довести до сведения покоее положение дела. Мае месяце 18 числа с.г. бандиты заняли Тигиль Командующий отрядом Юрия арестован бандиты захватив телеграф напали давать отчаяние призывы аресте некоторых лиц и упразднения Кованевск замана старшину отаростами. Вот в такое тяжелое время ког трудно было вырваться из чужих враги, народовластия в Хайрзове а имея иппон Бучинский, Капельцев, Ломиворотов, Краснояров, Трапезников открыты собрания, провели агитацию за установление власти бандитов, насечение, прислужного бандитов провокаторов, и отряд оказались идти командующий отрядом Юрия пр. которым угрожали бандиты ушли Камчатка и остались тогда только два маленьких селения Ковран и Утхолок которые редела встали вести борьбу бандитами. Все лето мы поджидали их награница своего востости но бандиты сидели Тигиль и грозили нас полтиками судами. Бучинский Капельцев, Ломиворотов, Краснояров видя нашу твердость борьбе бандитам сговорили хайрзовцев выключить нас из своей волости как разбойников и даже пустили слухи что если придет Меркуловский отряд то они ему помогут нас истребить но мы тоже ретились умереть или уничтожить банды. Наконец августа выступили Тигиль паны присоединились нам Тигиль послали воззвание призывом присоединиться и уничтожить банду. Тигиль присоединился и банды 8 сентября была уничтожена убито было шесть человек и один Савич бежал на пароме Швекоша и Советская власть распростерлась до Лесной. Хайрзове волкома не существует вся власть находится руках Начпартизан селения о банде вынуждены мы требуем от вас как центральной власти принять такие строгие меры провокаторам меркуловцам Бучинскому, Капельцев, Ломиворотову, Красноярову и Трапезникову, также вели агитацию на пароме Винокуров, Заковецкий и Косыгин, которых мы требуем также брать от нас Липаков Сновидов Хайрзове бросили дом и пришли отряд а что тоже провокаторы оторвали от них дом. Получением всего просим возмещения о применении мер наказания провокаторам а также вышлите протокол протокола Завойкинского с'езда с мере наказания, сообщите арестован ли развозный торг по кочующим какие применять меры против арестованных сообщайте какие имеете сведения какая участь постигла этого делегата Рябикова. От нас на наш счет отправлена партия по ремонту линии из отряда под командой гр. Липакова с телеграфным работником Дипиным.

Командир Ковранского отряда ПРИТЧИН

Командир Утхоловского отряда И. СУЗДАЛЕВ

За Секретаря ОСТАПЧУК

В е р н о:

Заведывающий отделом Истории
Камчатского Губернского Народно-
Революционного Комитета

*Н. С. Дудом Р. П. Ч.
Заведывающий отделом Истории
и 4 из 1 ноября 1922 года
Заведывающий отделом Истории
и 4 из 1 ноября 1922 года
и 4 из 1 ноября 1922 года
и 4 из 1 ноября 1922 года*

Копия телеграммы командиров ковранского и утхоловского партизанских отрядов в штаб отрядов облнарревкома (из фондов ГАРК)

Комитеты не будут упразднены, срочно вышлю казаков с пулемётом в непродолжительном времени придут бронированные катера с г. Гижиги... Писню и Остапчука, как врагов местных жителей, объявляю вне закона. Предлагаю выслать их в распоряжение Ларина или арестовать и под конвоем препроводить в Тигильский военный район».

Телеграмма эта цитируется в докладной записке Писни и Остапчука на имя контролёра политохраны в с. Козыревск Чуркина П. Я. Командир Хайрюзовского отряда М. К. Писня вспоминал: «Узнав о продвижении белых, жители Хайрюзова, Коврана и Утхолока объединились в один отряд, в котором насчитывалось 62 чел. На общем собрании меня избрали командиром, помощником был избран местный житель с. Коврана Александр Притчин. Наш отряд выступил навстречу белым и остановился в с. Утхолке, чтобы здесь дать бой. Но начальник Утхолокского почтово-телеграфного отделения Закорецкий сообщил об этом белым, и Савич возвратился обратно на север. Вскоре в Тигиле появился *большой* (курсив мой. — В. П.) белогвардейский отряд полковника Алексеева и есаула Савича. В это время спекулянты и тот же Закорецкий распускали всевозможные провокационные слухи, а Алексеев стал посылать телеграммы с требованием распустить революционные комитеты...»

Далее приводится его телеграмма, посланная в Хайрюзово, однако в ней нет никаких «врагов местных жителей», то бишь Остапчука с Писней. Матвей Константинович Писня вспоминает, что сии грозные алексеевские телеграммы «посеяли смуту среди партизан. Часть неустойчивых ушла из отряда. Положение сложилось напряжённое. Тогда основное ядро отряда — тт. Сутягин, П. А. Золовкин, П. Д. Божко, В. А. Толстихин, Е. К. Белых, Ф. М. Остапчук и я решили идти в Усть-Камчатск просить подкрепления... Распутица. Тундра. Преодолевать приходилось огромные трудности. В пути многие из нас переболели. На 31-е сутки мы пришли в Козыревск, измученные и больные».

В декабрьском сообщении Притчина и Суздалева обларревкому тоже есть слово «враги»: «...в такое тяжёлое время, когда нужно было сплотиться, злые враги народовластия в Хайрюзове, а именно поп Бучинский, Капельцев, Лемиворотов, Краснояров, Трапезников открыто на собраниях повели агитацию за установление власти бандитов...»

Через два года после восстановления советской власти троих последних пытались привлечь по 61-й ст. УК РСФСР. 28 ноября 1924 г. уполномоченный губотдела ОГПУ Б. П. Могутин принял

следующее решение: «Дело носит слишком запутанный характер, и чтобы выявить все дела означенных лиц в период Бочкарёвщины, необходим выезд на место для производства следствия, но, принимая во внимание, что указанные выше граждане, а также лицо, связанное с этим делом, не известно где проживает, руководствуясь ст. 222 п. 2 УПК постановляю: дело по обвинению граждан Трапезникова, Лимиворотова, Красноярова и других следствием прекратить и сдать в архив ГО ОГПУ».

В 1931 г. священник с. Ича Усть-Большерецкого района Тимофей Иванович Бучинский и рыбак-охотник, ительмен по национальности, Илья Ионович Краснояров проходили по так называемому «Тигильскому делу», целиком сфабрикованному чекистами. Первый получил пять лет лишения свободы, второго выпустили, однако в 37-м арестовали вновь; в 1940 г., в результате доследования, десятилетний срок снижен более чем наполовину.

В Тигиле с полковником Алексеевым, если верить показаниям местного жителя В. К. Пенезина, было связано несколько человек: завпочтой С. А. Дюпин, торговец Сычёв, П. И. Толстихин (дед Ю. Г. Попова по материнской линии), Н. А. Мирошкин, М. Попова, Ксения Толман и С. С. Ерошкин. В обвинительном заключении по делу Дюпина Степана Афанасьевича (три года ссылки в Западную Сибирь) говорилось, что он предоставил отряду Алексева и Савича свою квартиру, оказывал активную помощь им в борьбе с красными партизанами, обучая их телеграфному делу, этим «давая полную возможность в скорейшем продвижении распоряжений» белогвардейцев по населённым пунктам. Савич и Алексеев «могли работать на телеграфе и иметь связь с генералом Поляковым в г. Петропавловске». В личном деле 1926 г. по приёму в кандидаты партии И. А. Толстихина есть его автобиография. Иннокентий Афанасьевич подчёркивает: «В 1922 г. в январе был избран сельским волостным старостой, где служил до занятия Тигиля белыми бандами Бочкарёва. После ликвидации белых в Тигиле в сентябре 1922 г., состоя в партизанском отряде, занял должность временно исполняющего обязанности телеграфиста на месте признанного нашим партизанским отрядом политически неблагонадёжным бывшего заведывающего тогда отделением».

Василий Толстихин — из казаков, как и его брат Иннокентий — учитель, при красных одновременно секретарил в волревкоме. «В 1921 г. с появлением на Камчатке биричевских банд я оставил школу, — писал он в «Моей биографии», — и около двух лет, не имея определённых занятий, жил то в Тигиле, то Ковране, то

Хайрюзово, то опять в Тигиле. С появлением в Тигиле белых я поступил в хайрюзовский партизанский отряд. В силу весенней распутицы и занятия белыми в Тигиле телеграфа, отряду не удалось узнать численность банды. Телеграммы из Тигиля в Хайрюзово об аресте главарей партизанского отряда, а также отказ хайрюзовцев от борьбы с белыми заставили несколько товарищей, в том числе и меня, оставить Хайрюзово и скрыться сначала в горах, а затем перевалить через хребет в Козыревск, оттуда в Усть-Камчатск...»

...Обратимся вновь к телеграмме Притчина, Суздалева и Остапчука. Они заявляли, что агитация злых врагов народовластия повлияла не только на мирных жителей. Против белых «отряд отказался идти». А «командующий отрядом Писня и другие, которым угрожали бандиты, ушли в Усть-Камчатск, и остались тогда только два маленьких селения Ковран и Утхолок, которые решили всё-таки вести борьбу с бандами». Всё лето дружинники из Утхолока и Коврана, по словам авторов телеграммы, поджидали белоказаков на границе своей волости, но те сидели в Тигиле и грозили им «полевыми судами». Правда, 12 июля 1922 г. «Камчатский листок» поместил следующую заметку: «Нам сообщают, что вышедший из Тигиля отряд под командой есаула Савича находится сейчас в районе между Облуковино и Большерецком. Красные вынесли постановление от имени населения, в котором распорядились, чтобы на почтово-телеграфных отделениях не принимались телеграммы, следующие из Большерецка и других районов, занятых отрядом есаула Савича. Напротив, население выразило протест против такого распоряжения, так как не желает вмешиваться в политические дела».

Дальнейшие события нашли отражение всё в той же декабрьской телеграмме Притчина, Суздалева и Остапчука нарревкому. «Бучинский, Капельцев, Ломиворотов, Краснояр, видя нашу твёрдость в борьбе с бандитами, сговорили хайрюзовцев исключить нас из своей волости как разбойников и даже пускали слухи, что, если придёт меркуловский отряд (Бочкарёв и его подчинённые. — В. П.), то они ему помогут нас истребить. Но тоже решили или умереть, или уничтожить банды. Наконец в августе выступили Тигиль, паланцы присоединились к нам...»

Основную роль в противоалексеевской акции, уверен Ю. Г. Попов, сыграл тигильский отряд Павла Иосифовича Юшина. На допросе в ОГПУ весной 1934 г. он рассказывал о себе: «Был отдан на воспитание к Михаилу Ивановичу Юшину — командир Тигильской

казахьей жандармской команды и одновременно полицейский пристав по Тигилю и ряду сёл, расположенных к северу до Лесного и на южную часть распространялось влияние до с. Хайрюзово. Со дня рождения и до... ухода в казахьей команду я воспитывался в семье этого офицера. Воспитание я получил чисто монархическое и был верным слугой царю и отечеству. В 1898 г. я пошёл служить в Камчатскую казахьей жандармскую команду, в которой прослужил до 1908 г.

За период службы имею награды: Георгиевский крест 4-й степени; простой крест с надписью «За Веру, Царя и Отечество»; серебряную медаль с надписью «За усердие», медаль тёмно-бронзовую «В память русско-японской войны»; знак-медаль в память 300-летия Дома Романовых». (Необходимое уточнение: «География» он получил за операцию 1905 г. по захвату японской «шпионской шхуны», а серебряную медаль ему вручили в 1910 г. во время приезда на Камчатку Приамурского генерал-губернатора П. Ф. Унтербергера.)

«Исполнял следующие должности: в 1905 г. начальником западного побережья обороны... был командирован на север для организации северной национальной боевой дружины из туземного населения и был назначен командиром таковой. Дружина мной была организована из сорока человек по сёлам Воямполка, Кохтана, Палана, Кинкиль и Лесная. В этой должности я пробыл до 1905 г. августа, после чего был переведён в должность помощника командира Тигильской казахьей команды Крижановского, служил до 1908 г. подпоручиком казахьей команды. В 1908 г. я был командирован в г. Петропавловск, где немного служил вестовым у губернатора, и в 1908 г. ушёл в отставку, работал писарем в Тигиле, был назначен старостой с. Тигиль, а в 1915 г. в связи с реорганизацией в Тигиле было создано Тигильское волостное управление и старшиной волости был назначен торговец Юшин Иван Николаевич, а я был назначен его помощником...

Когда в 1917 г. произошла февральская революция, которую мы встретили с большой радостью, и сразу же был создан комитет общественной безопасности, одновременно командирован по сёлам Воямполка, Кохтана, Палана для организации комитетов безопасности, каковые и организовал... В 1917 г. в марте от Тигильской волости был командирован на камчатский съезд (Первый Камчатский областной съезд проходил в июле-августе. — В. П.) в Петропавловск...» П. И. Юшин до 1917 г. служил в Тигильской казахьей команде, в 1917—1918 гг. командовал всеми казаками

волости, оставался помощником волостного старшины до 1921 г. Его не родной — согласно данным следственного дела — сын Роберт отмечал, что Павел Иосифович являлся делегатом «Первого Чрезвычайного съезда Советов» от Тигиля и обладал неплохими деловыми качествами: «инициативный, со смекалкой, умелый партизанский вожак. Авторитетен. В общем человек наш, надёжный». В период камчатского противостояния «белые-красные» П. И. Юшину было сорок четыре года.

По списку, составленному не так давно коренным тигильцем Ю. Г. Поповым, отряд Юшина вместе с командиром насчитывал 12 чел.: братья Николай и Сократ Юшины, Сергей Баженов, Андриан Брагин, Фока Григорьев, братья Алексей и Давид Косыгины, Артамон Пенезин, Лазарь Попов, Никита Черных, брат командира Аркадий Юшин. Список в деле П. И. Юшина на одного дружинника больше (Леонид Фёдорович Попов), а у Пенезина иное имя-отчество (Лавр Петрович).

Р. Юшин пишет, что белые вместе с его отчимом взяли под стражу С. С. Ерошкина. Последний, согласно другим источникам, помогал алексеевцам и, как установлено мною, именно по этой причине в 1938 г. расстрелян с конфискацией имущества. П. И. Юшин, также арестованный в 1930-е гг., был отпущен с возвратом изъятых при обыске бумаг: письма с призывом взяться за оружие и начать войну на Камчатке в тундре; записи на листе расстановки белогвардейских военных сил; отношения полковника Алексеева за № 2 с назначением Е. И. Слободчикова старшиной волости; воззвания жителей Паланы к войне и назначения А. А. Сарафанникова начальником дружины; отношения Сарафанникова начальнику военного района с просьбой помочь оружием и патронами; записки на имя П. Н. Флетчера от генерал-майора Фёдорова; расписки Ларькова на получение пакета в адрес полковника Данина в бухте барона Корфа; расписки полковника Алексеева на получение винтовки.

Между прочим, И. П. Гаврилин, убийца генерала Фёдорова, тоже получил обратно всё изъятое, в том числе под № 12 «Фотокарточки банды Бочкарёва». Дело в его отношении, как и П. И. Юшина, прекратили, однако всё же наказали, правда, пустяково (запрет на проживание в 39 режимных местностях), учитывая целый набор пунктов ст. 58: 2, 6, 10, 11, который ему вменялся вначале.

В 1901—1905 гг. Иван Петрович Гаврилин учился в церковно-приходской школе, затем в течение девяти лет занимался крестьянским хозяйством и отхожим промыслом. В Первую

мировую попал в плен в январе 1915 г. и пробыл там аж до 1918-го. (Голландия, Бельгия, Франция.) Несколько раз бежал из-за плохого содержания пленных и отношения к ним. Возвратившись домой, вступил в отряд по борьбе с контрреволюцией и дезертирством, где находился до декабря 1919 г. Был взводным пулемётного батальона, сопровождающий эшелона на польский фронт. В 1920 г. окончил военно-пехотные курсы в Симбирске, после чего — комвзвода и начальник пулемётной команды при запасном полку в Казани. До августа 1921 г. учился в высшей военной школе. Встретил знакомых по плену и поехал на Дальний Восток.

В столице Приморья оказался безработным. Добровольно поступил в формирующуюся на Первой речке конвойную команду — водил арестованных на допросы. Уволился в мае 1922 г. А на Камчатку попал, нанявшись к торговцу Фокину. С 1923 г. работал в Охотско-Камчатском акционерном рыбопромышленном обществе.

Перечисленное не было известно Р. Юшину, он рисует его портрет, видимо, по рассказам отца. «Этот высокий, стройный, с офицерской выправкой, человек вёл большую агитационно-пропагандистскую работу среди местного населения, проводил беседы о Советской власти, разъяснял брошюру «Азбука коммунизма» (написана Н. Бухариным и Н. Преображенским. — *В. П.*) и т. п. Старожилы припоминают, что И. П. Гаврилин был... членом большевистской партии».

Р. Юшин приводит выдержки из письма П. В. Лонгинова от 23 октября 1967 г., в котором говорится, что Гаврилин показывал ему и другим браунинг убитого им в Ивашке бочкарёвца и что он, Лонгинов, ехал вместе с ним в Хабаровск в сентябре 1934 г. (Гаврилина арестовали в декабре 1933 г. — *В. П.*), и тот был с женой. «В 30-х гг. работал в торговле в системе АКО в Каменском... советовал выехать на жительство в Минусинск Красноярского края, видимо, сам он был родом из тех мест». Р. Юшин продолжает: «В с. Ивашка он убил в декабре 1922 г... бочкарёвского посланца *Дмитриева* (а участники событий называют его генералом Фёдоровым. — *В. П.*), по документам действительный статский советник, лейб-медик императорского двора Крамник, который был уполномочен собирать ясак с местных жителей, налоги с торговцев, мобилизовать в белогвардейские банды население, составлять списки «неблагонадёжных». Гаврилин... явился и организатором боевых дружин в сёлах Дранка и Ивашка, состоявших из 35 чел.».

Эти сведения о И. П. Гаврилине, добавляет Р. Юшин, сообщил ему известный камчатский партизан Владимир Иванович Семёнов, с которым он переписывался.

Что же касается ареста С. Ерошкина и П. Юшина в 1922 г., то, по Р. Юшину, их белые не пустили «в расход» ввиду непрочности своего положения, да и «местный поп» Мирошкин якобы отговаривал полковника Алексеева не делать этого. Брат П. И. Юшина, Аркадий, проходивший с ним по одному делу и тоже отпущенный в 1935-м, но расстрелянный спустя три года, на допросе в НКВД назвал мотивы операции против белых: «Немного прожив, они начали заниматься грабежами, приставать к женщинам и даже пороть без вины людей, ведя разбой, и также слышали, что идёт отряд Красной армии. У нас в селе... был организован отряд...»

Изображая события сорокалетней давности, Р. Юшин, по его словам, преследовал цель «показать подрастающему поколению величие легендарных подвигов героев гражданской войны». «Осенью 1922-го, — писал он, — в Усть-Тигиль подошла американская шхуна Олафа Свенсона, который снабжал белогвардейцев оружием и деньгами. Белогвардейцы выехали навстречу американскому купцу. Воспользовавшись их отъездом, партизаны приняли срочные меры: стянули в Тигиль силы, установили вокруг села посты, а на берегу и на островке, в пяти километрах от села была устроена засада. Ночи проходили в тревожном ожидании. Наконец, разведчики донесли, что на рассвете белогвардейцы будут возвращаться с устья. В эту ночь в селе не спали. На рассвете над рекой навис густой туман, поэтому первый бат был засадой пропущен. Но партизаны исправили ошибку. Между тем, туман рассеялся. Начинался погожий день, какие выдаются иногда у нас на Камчатке. Один за другим подходят баты. Их встречает огонь. Белобандиты не прошли...»

Версия Ю. Г. Попова, основанная на архивных документах и рассказах тигильчан-старожилов, иная. Прибыв в Тигиль 3 мая 1922 г. и заняв телеграф, Алексеев и Савич обратились к населению волости с воззванием не верить агитации большевицких главарей Ларина и Фролова, разоружать и арестовывать предателей. «...Мы призываем суд Божий над врагами России. Да здравствует Россия, Святая Церковь и православный русский великий царь Михаил Александрович!»

— Во время нахождения отряда белых в Тигиле никаких репрессивных, карательных мер в отношении местного населения принято не было, — говорит Ю. Г. Попов и продолжает:

— Однако известен один казусный случай. На постой белые расположились в усадьбе тигильского казака Попова Анания Гавриловича. Во дворе у него соорудили что-то наподобие пулемёта для устрашения местных жителей. А чтоб посторонний глаз не мог узреть, что же там в действительности, «оружие» зачехлили и пустили по селу слух, что у военных есть пулемёт. Тигильчанин Прокопий Брагин проявил чрезмерное любопытство: пролез во двор, заглянул внутрь зачехлённого «пулемёта», а там — обыкновенные брёвнышки. Был пойман и выпорот в назидание другим.

По воспоминаниям стариков, вахмистр Долбачкин сказал как-то в беседе с одним из местных жителей: у нашего начальника Бочкарёва имеется как казённое золото, так и его личное. А поручик Родионов проговорился, мол, мы служим за чистое золото.

Ю. Г. Попов располагает данными о наличии у белых информации о работе в северо-восточной части Охотского моря экспедиции В. К. Арсеньева, ведущей статистико-экономические и промысловые исследования. В конце июля 1922 г. экспедиция на пароходе «Кишинёв» дошла до Ямской бухты, затем пересела на шхуну «Пенжину». Видимо, расчёт белого командования был таков: на западном побережье в районе Гижигинского залива шхуну захватит сам Бочкарёв, а на востоке, в случае её появления, эту задачу выполнит отряд полковника Алексеева. Бочкарёвцы намеревались уйти на захваченной шхуне в Америку.

С этим, полагает Ю. Г. Попов, и связана поездка полковника Алексеева в Усть-Тигиль, где он остановился на квартире Афанасия Юшина. Вместе с полковником в Усть-Тигиле какое-то время были поручик Родионов, младший урядник Бржанский, старший урядник Фролов, казак Латыпов. Под осень, скорее всего в конце августа, они по команде Алексеева отправились в Тигиль. Четыре бата, четверо военных. Один бат ведёт Алексей Логинов, другой — Тимон Косыгин, кто — остальные, выяснить не удалось. Житель Тигиля В. Л. Лысак запомнил слова А. Логинова: между батами соблюдался определённый интервал.

По реке расстояние между Усть-Тигилём и Тигилём сорок километров. Юшинцы, считает Ю. Г. Попов, сидели в засаде на берегу не в пяти, а в трёх километрах ниже своего села, в районе перехода линии связи через реку Тигиль. А. Логинов говорил: «Началась стрельба. Я от неожиданности чуть не упал за борт». Все четверо белых были застрелены и зарыты в кислые ямы не-вдалеке. Поставлен небольшой деревянный крест, который со временем сгнил, и точное место захоронения утеряно.

В акции против отряда Алексеева, по сведениям Ю. Г. Попова, было задействовано до тридцати дружинников. На подмогу тигильчанам явился ковранский отряд, в котором состояли Иван, Андрей Максимович, Василий и Александр Макарович Притчины, Степан Заев, Никита Слободчиков. Руководил ковранскими дружинниками Александр Никитич Притчин. Неграмотный. Роста ниже среднего, брюнет, небольшая бродка, усы с проседью. Эти его приметы — из архивного уголовного дела, заведённого ОГПУ спустя девять лет после расстрела белых. Обвиняли бывшего ковранского командира сразу по трём пунктам известной 58-й политической статьи УК РСФСР. Он умер под следствием 18 апреля 1932 г.

Участие в убийстве белых, по Ю. Г. Попову, принимал также отряд из Утхолока в количестве двенадцати человек. Общее руководство осуществлял П. И. Юшин.

Вахмистра Долбочкина застрелили возле тигильской церкви на берегу реки. С Алексеевым расправился Ковранский отряд. Африкан Лонгинов (из Паланской дружины) говорил, что он с Пантелеем Флетчером (коммерсантом) «присутствовал на Усть-Тигиле, когда там уничтожили полковника Алексеева». А навёл на полковника уже знакомый нам С. С. Ерошкин, по его собственному признанию: «Участие моё в партизанском движении было незначительное — выполнял роль в поисках белобандита полковника Алексеева, который проживал временно в Усть-Тигиле, о месте его нахождения я информировал местных партизанскую дружину...»

Ликвидацией коменданта Тигиля гордился Евгений Сычёв, 1902 г. р. В 1914—1917 гг. учился в Петропавловском высшем начальном училище, был исключён за непочитание старших. В 1919-м жил у родных в Тигиле. 27 апреля 1922 г. он, по его словам, вступил в дружину. Но в её списках таковой не значится. «Убив полковника Алексеева, уехал домой (то есть в Тигиль. — В. П.)», — заявлял Сычёв. Работая с 1923 г. на Петропавловской радиостанции, уверял окружающих, что кроме пива и браги, ничего не пьёт и что он — самый ярый враг религии. «Отношение у меня к ВКП(б) самое лучшее», — неизменно подчёркивал Е. Сычёв. В апреле того же года на него, как на члена РКСМ, возложено наблюдение за выполнением распоряжения «всем дежурным радистам перехватывать все телеграммы на английском языке из Японии, Америки и других стран... и доставлять их в губбюро РКП(б)». По документам Камчатского окрбюро ВКП(б), 16 марта 1928 г. Евгений Петрович Сычёв был переведён из кандидатов в члены партии.

5 января 1934 г. Камчатское облуправление НКВД получило донесение: в Усть-Тигиле при полковнике Алексееве, что оставался на квартире Афанасия Юшина, находилась шкатулка с деньгами, «и эта шкатулка, вероятно, осталась у Юшина или у начальника партизанского отряда Юшина Павла, так как всё имущество белых было сдано ему после убийства белых... с полковником весьма дружна жена Мирошкина Анна Владимировна». Примечательно, что Афанасий Юшин сразу же после убийства Алексеева перебрался в Петропавловск. «Всё забранное оружие у белых в 1922 г. поступило действительно ко мне, — подтвердил на допросе П. И. Юшин, — автомат американский, карабин японский, три нагана, две гранаты Милосса мной были сданы разным лицам в партизанский отряд...»

Как известно, из семи белых отрядников Тигильского административно-пропускного поста в живых остался лишь один — Савич. Роберт Юшин объясняет это хитростью есаула. Но тигильский рыбак-охотник А. П. Монаков изложил в НКВД в 1934-м свою версию: «Когда не было красных отрядов на Камчатке до 1923 г., Юшин П. И. имел связи с белыми, стоявшими в Тигиле, полковником Алексеевым, а казачьему есаулу Савичу даже помог сесть на шхуну Свенсона и уехать. Когда прошёл слух в 1922 г... что на Камчатку в Петропавловск пришли красные отряды, тогда Юшин П. И. решает стоявших уже полгода в Тигиле белых расстрелять своей боевой дружиной, и семь человек белых были расстреляны. Этим фактом Юшин П. И. пытался присвоить звание партизана всей своей дружине, это ему и удалось». Примерно то же самое говорил и другой тигильчанин Ананий Гаврилович Попов, касаясь спасения есаула Савича: «...ему дали возможность уехать свободно на шхуне Свенсона, в этом способствовал Юшин П. И.». В следственном деле П. И. Юшина имеется упоминание о его племяннике Василии Ивановиче Юшине, который живёт в Америке, а уехал туда с пароходом Свенсона. Связь с ним П. И. Юшин поддерживал посредством писем до 1936 г. Переписывались со своим братом также Николай и Сократ Ивановичи Юшины.

Осенью 1922 г. «Камчатский листок» сообщал, что 20 сентября с западного побережья в Петропавловск пришёл пароход Свенсона «Мазатлан» с начальником тигильского гарнизона есаулом Савичем и американским консулом г. Томасом.

А что же случилось с хайрюзовской дружиной, что сбежала от белых аж в Усть-Камчатск, перевалив Срединный хребет? «Здесь

пришлось пробыть до августа, пока нам не удалось узнать численность белых в Тигиле, — вспоминал В. А. Толстихин. — Когда же выяснилось, что их было не больше семи человек, мы тем же путём отправились назад. Белых уже не застали, с ними тигильцы уже расправились». Правда, командир хайрюзовского отряда М. К. Писня впоследствии говорил, будто они успели к уничтожению белых. «На 16-й день мы уже были в Хайрюзово. К счастью, по сёлам Хайрюзовской волости распространилась версия, что Писня идёт с большим подкреплением. Это подняло боевой дух жителей. Освобождённый из-под ареста т. Юшин собрал отряд и выступил в Тигиль. К этому времени подошли и мы. Общими силами белобандиты были уничтожены».

Через два года в этих местах побывал начальник губернской милиции Н. П. Фролов. В акте обследования Хайрюзовской волости он отметил: «В книге переходных сумм имеется запись и расход на содержание Хайрюзовского партотряда, существовавшего в 1922 г. Отряд содержался на счёт населения, для чего население себя облагало. Отрядных денег числится по кассе 101 руб. 99 коп. и оружие имеется на сумму 1 780 руб. 99 коп. Задолженность партотряда разным фирмам выражается в 1 631 руб. 50 коп. Мною сделано распоряжение впредь до особого распоряжения губернского отдела управления расчётов с фирмами не производить. Список оружия прилагается».

...Летом 2003 г. на месте предполагаемого захоронения четырёх белых казаков тигильчане Юрий Герасимович Попов и Виктор Леонидович Лысак с помощью местного охотника А. А. Попова установили памятный металлический крест с поимённой табличкой. Фамилии убитых выявил Ю. Г. Попов в камчатских архивах. К сожалению, в надпись на табличке вкралась неточность. Отрядники полковника Алексеева погибли не в августе, а позднее: 8 сентября 1922 г.

ПРОПАЛА КАМЧАТКА ВДАЛИ

*Уплывают твои берега.
Как же я их не сберегла?
В. Коркина, 1965 г.*

8 августа 1922 г. пароход «Магнит» привёз новый командный состав для «Свири». Ввиду отсутствия сведений, мы не можем пока перечислить членов экипажа с учётом происшедших изменений.

В нашем распоряжении список господ офицеров и команды посыльного судна «Свирь» на 5 декабря 1921 г., «состоявших на пайковом довольствии из интендантства гарнизона». 1. Командир Салатко-Петрище. 2. Старший офицер поручик Маслов. 3. Старший механик поручик Бойко. 4. Старший артиллерийский поручик Бойко. 5. Ревизорный прапорщик Кулий. 6. Вахтенный начальник прапорщик Виноградов. 7. Вахтенный начальник подпоручик Подгорный. 8. Второй механик Селиванов. 9. Третий механик Сутурин. 10. Рябушко Александр. 11. Ковтун Николай. 12. Васильев Алексей. 13. Круглов Сергей. 14. Пыстынь Михаил. 15. Белошеин Иван. 16. Васильев Александр. 17. Мишин Иван. 18. Колмагоров Михаил. 19. Пастухов Иван. 20. Сидоров Александр. 21. Гостев Иван. 22. Перовский Владимир. 23. Любинецкий Владимир. 24. Ячменёв Степан. 25. Галинов Яков. 26. Сысоев Константин. 27. Брагин. 28. Бой-китаец. 29. Симончук Павел. 30. Тушканов Леонид. 31. Козырин Александр. 32. Меднес. 33. Прец Николай. 34. Паненко Пётр. 35. Горенко Константин. 36. Болотов Михаил. 37. Антонов Василий. 38. Корнилов Борис. 39. Лиман Степан. 40. Тушканов Михаил. 41. Губанов Михаил. 42. Тезейкин Михаил. 43. Громов Александр.

Бывший член экипажа этого судна Н. М. Федорин рассказывал, что Б. П. Ильин сместил А. А. Подгорного и назначил начальником военно-политического розыска другого офицера, чьим помощником стал Сушили́н, «который при допросе арестованных Константинова, Кравченко сильно порол их». Вахтенным начальником до смены офицеров на «Свири» был капитан Казимир Маковецкий. Арестованный впоследствии красными, он признался, что участвовал в качестве секретаря на заседаниях военно-полевого суда («Суд Особой Комиссии»), созданного Ильиным. Судили уголовников Зарецкого и Ломова, обвиняемых в подделке японских монет и проживании по чужим паспортам, а также Косыгина с Сахаровым за принадлежность к партизанам и убийство из засады двух казаков 4 апреля 1922 г. Первых суд освободил, признав их дела неподсудными, а вторых оправдал. В архивах сохранился другой взгляд на это событие, он приводится ниже. Маковецкий же, по его словам, был вскоре после суда уволен Ильиным «благодаря польскому подданству».

На первом заседании членов суда и свидетелей приводил к присяге священник о. Михаил. 25 августа 1922 г. он писал инокамчатскому адресату: «Теперь вместо уполномоченного Бирича приехал к нам капитан 1-го ранга Ильин. Бирич духовенству

ничего не помогал, а вновь прибывший неизвестно как с нами поступит. Приехало войско для борьбы с разбойниками-коммунистами. Коммунисты до этого сильно безобразничали, стреляли с гор по городу, убивали из-за угла военных людей, уводили стада коров и лошадей и с рыбалок угоняли катера и вместе с ними людей, которых до сего времени не возвратили, а с появлением военного отряда коммунисты ушли по рыбалкам к селению Нальчево и т. д.

Теперь военные собираются ехать туда и сокрушать их козни. Шемлячик и Жупаново коммунисты ограбили рыбалки, отобрали у рыбопромышленников всё достояние и еле выпустили самих живыми. Пароход «Томск» заходил туда забрать рыбу, и у него отобрали катер и потом гнались за пароходом, что-то хотели с ним учинить. От Усть-Камчатска и по долине реки Камчатки они также грабят всех, кто только не сочувствует им, сельчане под давлением их работают с ними.

Из Петропавловска воспрещён вывоз всех продуктов включительно до мануфактуры, этим хотят заставить жителей встать против большевиков. На ферме был бой, убито военных трое и двое раненых, а у большевиков убито четверо и пятеро умерло от ран. Халактырские камчадалы участвовали в бою, на днях из них поймано два человека Иван Николаевич Косыгин и Сахаров. Военно-полевой суд приговорил их к смертной казни, но гарнизонный начальник капитан 1-го ранга Ильин, принимая их заблуждения, помиловал и отпустил домой. Есть и ещё пойманные такие же разбойники, которые содержатся пока в тюрьме...»

В ГПУ в 1923 г. М. Ерохин по поводу приведения к присяге не отказывался, однако упоминал только об одном случае (с офицером, членом суда) и добавлял, что за ним для этого специально приходил военный со «Свири». И вообще с белыми особо не якшался, просил, правда, материальную помощь у особоуполномоченного, но тот мало считался с духовенством. К делу о. Михаила подшита выписка из приказа № 30 без даты по войскам Петропавловского военного района, параграф 3 по части хозяйственной. «Семью священника о. Михаила Ерохина зачислить на все виды довольствия при 1-й сотне СЭО с 1 июля на шесть семейных пайков». (Жену Людмилу Ивановну, сыновей Серафима — 16, Михаила — 15, Анатолия — 13, дочерей Нину — 10 и Лидию 8 лет.) Подписи подполковника Кузнецова и есаула Чешкина заверил старший адъютант есаул Пичуев.

На сотрудничество священника с «белобандитами» указывали свидетели, проходящие по делу, в том числе бывший начальник милиции Д. И. Пригоровский, 1880 г. р., дворянин Гродненской губернии, образование незаконченное высшее. По его словам, в гости к Ерохину заходили подполковник Кузнецов, ротмистры Муратовский и Файвишевич. Свидетель Деулин: «Был разговор, что белая банда сбрасывала мужчин и женщин за борт, на что о. Михаил рассердился, говоря, что это неправда, что это не могло быть... После этих именин меня призвал ротмистр Муратовский и предлагал мне воздержаться от всяких разговоров о власти; Пригоровский приходил ко мне и говорил, что вчерашний день тебя *застояли*, ты поменьше говори о власти. Мнение моё: что я думаю передано было священником Ерохиным. Спрашивал Пригоровского, кто на меня донёс. Он сказал, что припомни, с кем ты был на именинах. Я спросил: “Неужели о. Михаил?” Он ответил: “Не знаю”».

Пригоровский на допросе косвенно подтвердил догадку Деулина: «Я действительно предупреждал Деулина, чтобы воздерживался от излишних разговоров при Ерохиных, так как на него сердит Паша Ерохин за какие-то старые счёты».

Участником военно-полевого суда над партизаном И. Рябиковым ОГПУ считало бывшего мирового судью Николая Михайловича Успенского (расстрелян по делу «Автономная Камчатка»). «Успенский, как местный житель, хорошо знающий население, знал всех партизан, каковых шпионски выдавал белым. На заседаниях Думы Успенский говорил: “Всех красных бандитов надо вылавливать и уничтожать!”» С 1924 по 1927 г. вёл все дела Трухина, Фёдорова и других, которые под видом разработки нефти, открытой ими в Кроноках, связались с иностранными капиталистами и шпионили в пользу последних. Организация Трухина в 1927 г. была ликвидирована органами ОГПУ.

За всё время своего пребывания в Петропавловске Успенский держал самую тесную связь с японскими офицерами, интервьюируемыми Камчатку, бывал у них на военных судах, они, в свою очередь, бывали у него. А также был хорошо знаком с местным японским консулом, у какового Успенский неоднократно бывал на вечерах и банкетах, примерно в 1925 г. на организованном консуле банкете в честь японского кронпринца, на котором присутствовал весь контрреволюционный элемент г. Петропавловска, в том числе был и Успенский, где последний произносил антисоветские речи.

По день ареста (март 1932 г. — *В. П.*) Успенский занимался подпольной адвокатской деятельностью среди местного кулачества и церковников, что свидетельствуют факты его участия в борьбе совместно с церковниками за Петропавловскую церковь, когда последняя передавалась под Дом обороны».

Кроме этого, Николай Михайлович обвинялся в том, что, «находясь в тесной связи с белыми и японцами, пользуясь среди них авторитетом, занимался скупкой и сбытом контрабандным путём золотых изделий за границу». В качестве вещественных доказательств перечислялось изъятые в марте 1932 г. при обыске на его квартире «три золотых кольца, две золотые цепки, один золотой крест, одна золотая брошка — всё неопробировано». В постановлении по данному поводу говорилось: «Материал вместе с золотыми неопробированными изделиями направить в Петропавловск-на-Камчатке таможенно для оформления... изъятые при обыске золотые часы за № 43264, один золотой медальон (опробированы) и один серебряный портсигар обратить в погашение причитающегося с Успенского штрафа». Н. М. Успенский родился в Иркутске в 1881 г. в семье священника, получил высшее образование, имел семью...

Отпущенные Ильиным партизаны Косыгин и Сахаров являлись жителями Халактырки, на которую, как считают И. Махоркин и Ф. Слободчиков, белые совершили налёт. Н. С. Томский, ссылаясь на односельчан (ему самому в 1922 г. было одиннадцать лет), причисляет к партизанам Алексея и Василия Сахаровых, всех троих братьев Львовых, Василия и Степана Марко. Неточны сведения Кирилла Григорьевича Стрия, полагавшего, что милиционер А. И. Дьячков с офицерами ходил по Халактырке — вылавливал красных партизан. Из двоих Сахаровых предстал перед военно-полевым судом, наверное, всё же Алексей Александрович. Во всяком случае, в 1930 г. он попал в десятку партизан, заслуживших, по мнению Камчатского окрбюро ВКП(б), революционных наград. А. А. Сахаров и Марк Львов — единственные халактырцы, кто занесён в партизанский список 1928 г. Но в ознаменовании полувекового юбилея Великой Октябрьской социалистической революции медали «За отвагу» получил Василий Александрович Сахаров, а «За боевые заслуги» Сахаровы Константин Григорьевич и Вера Михайловна. Ещё один красный партизан Сахаров из Халактырки — Алексей Григорьевич, 1902 г. р. — осуждён на десять лет по делу «Автономная Камчатка».

Военные могли появиться в Халактырке между 15 и 25 августа. На Обращении Б. П. Ильина к партизанам, опубликованном ими только 3 декабря 1922 г., то есть через месяц после ухода Русской армии, стоит дата «20 августа». Приводя его, мы оборвали цитату на уверенности Ильина, что конец партизанам наступит с первыми же морозами. Продолжим её: «так как я сожгу все деревни, жители которых оказывают вам приют. Военный корабль сметёт их в пять минут до основания. И в первую очередь пойдут деревни Халактырка и Жупаново. Жалеть женщин и детей мне не приходится, коль скоро они явятся отродьями такого преступного племени».

Если допустить, что такое обращение существовало на самом деле (ни подлинника, ни копии в камчатских архивах не обнаружено), как и налёты белых на Халактырку и Налычево, тогда не понятно, зачем понадобилось Б. П. Ильину спустя месяц сочинять новый приказ, причём, весьма либерального, в сравнении с августовским обращением, характера: «Ввиду концентрации партизанских отрядов на восточном берегу полуострова Камчатка в районе: Налочево, Жупаново, Островного и Колыгирь, объявляю блокаду побережья от с. Халактырка до устья реки Шемлячик. Все обнаруженные суда в этом районе будут конфискованы в пользу казны вместе с находящимся на них грузом. Настоящий приказ входит в силу со дня его опубликования». То есть с 1 октября 1922 г. После данного приказа, видимо, и «ходил к офицеру Ильину по вопросу взятия... нашей лодки» Т. Н. Шевцов, о чём он вспомнил в 1933 г. на партийной чистке, поспешив добавить, что «связи с белыми не имел, сам участвовал в партизанах в Паратунке».

Тем не менее, подтверждение налёта на один из населённых пунктов восточного побережья есть. А. И. Кобцев рассказывал: «7 августа штабом партизанского отряда я был командирован в с. Налычево для получения снабжения — товаропродуктов от японцев... После обстрела селения Халактырка белой бандой жители Халактырки перекочевали в с. Налычево». Согласно заявления 1925 г. жителей Халактырки Анны Тюменцевой, А. С. Львова (семья семь человек), А. Ш. Сахарова (девять), А. Г. Сахарова (восемь), К. Г. Курилова, Ивана Косыгина (восемь) и А. А. Конева, «у них в 1922 г. белогвардейским отрядом Бочкарёва было сожжено и разграблено на сумму 11 780 руб.».

Другое «налётное селение» (по И. Махоркину и Ф. Слободчикову) — Налычево. Появлялись ли там подчинённые Ильина,

документально не подтверждено. Зато задокументированы более поздние налычевские происшествия, напоминающие действия по устрашению населения. 24 ноября 1945 г. жители названного селения поручили депутату сельсовета Сахарову довести до сведения вышестоящих органов власти факты стрельбы военнослужащих Красной армии по крышам их домов. Не исключено, что данное поручение получил один из бывших партизан Сахаровых.

Проблема оказалась более масштабной. Областные власти узнают о том, что население Елизово, Николаевки и Паратунки «терроризировано военнослужащими, и вечерами боится показываться на улицах». 12 декабря 1945 г. председатель облисполкома Н. И. Павлов направляет письмо командованию расположенных на Камчатке сухопутных и военно-морских сил о хулиганских выходках военнослужащих (избиение гражданских, накидывание аркана на женщину с проезжающей по улице автомашины, драки и др.). «Если в ближайшее время порядок не будет наведён, — предупреждает Павлов, — я вынужден буду обращаться в Правительство...»

...П. А. Крупенин привлекался к суду дважды: в апреле 1923 г. как участник антисоветского переворота 18-го года в Петропавловске (четыре года заключения, амнистия через девять месяцев) и в 1932 г. за контрреволюционную пропаганду (трёхлетний запрет на проживание на Камчатке и в стокилометровой погранзоне). На допросе по второму делу он поведал об одном из эпизодов рассматриваемого нами периода. «В марте 1922 г. я и мой зять, Малышев Я. И., ездили в Паратунку погостить к родным Тюменцевым. Малышев тогда служил конторщиком в фирме Чурина и К^о и по поручению доверенного Проскурякова покупал пушнину. Куплена им была одна выдра. По возвращении обратно в Петропавловск возле с. Авача мы встретились с партизаном Коробко, который нас остановил и спросил, что откуда вы едете. Мы ответили, что с Паратунки.

Тогда Коробко сказал, что вас необходимо обыскать и что нет ли у вас пушнины. Я был выпивши, погорячился и сказал Коробко, я хозяин нарты и не позволю производить обыск в нарте, и добавил, что у нас в нарте есть одна выдра, но я вам её не отдам и началась у меня с Коробко ссора и площадная брань. Не отрицаю, я назвал партизан разбойниками. Малышев перепугался и молчал.

Партизаны, когда были в Налычево, то поломали у моего отца бот, который служил специально для переправы реки Налычево во время поездки на охоту. Я всё это ему припомнил основательно

и уехал в Петропавловск. Кроме того, партизаны взяли у нас в Нальчево солёное мясо из амбара пудов шесть, но я против этого ничего не имел».

О «блокадном побережье» говорилось на Втором Чрезвычайном Петропавловском уездном съезде, созванном «сопочниками» из числа членов бывших волревкомов. Делегат от Нальчевской волости С. Е. Морев: «...жители Нальчевской волости... все без исключения, которые находятся в партизанском отряде, вступили в него добровольно, без всякого принуждения и добровольно предоставили обларревкому свои перевозочные средства. Вот жителям селения Сероглазка не понравилось такое отношение жителей нашей волости, особенно жителей селений Жупаново и Колыгирь, к нами избранной власти, поэтому они в своём постановлении требуют того, чтобы снести эти два села, якобы с незаконно занятой ими территории при советской власти, тогда как Жупаново и Колыгирь возникли ещё до революции с разрешения ещё бывшей власти при царизме».

Делегат от партизанского отряда В. Крупенин, «разоблачая деятельность Завойкинской волости», напомнил о событиях 1918 г., когда были свергнуты Советы и к власти вернулись Пурин, Добровольский и другие, кои, «являются агентами черносотенного меркуловского правительства, на поводке которых идут «заправилы» Завойкинской волости». К сероглазкинцам у партизана были свои претензии. Те «возвели клевету» на него и на тов. Елизова и Пересвет-Солтана, будто бы все трое охотились на пушного зверя в заповеднике, то есть зарекомендовали себя хищниками.

В январе 1931 г. Г. А. Машихин показал в ОГПУ: «Я и брат мой Павел А. многим из партизан давали необходимые продукты и другое лично сами и через людей, например, через Сметанина Михаила Петровича, жителя сел. Елизово. У меня имеется расписка Лукашевскому, записи Сметанина и др. документы». Председатель Елизовского волревкома в 1923—1924 гг. М. П. Сметанин вспоминал: «...во время белых банд Бирича в г. Петропавловске прожили несколько дней стали слухи носиться, что меня считают они коммунистом при первом разе в Петропавловске был я за мной тщательно следили но я заметил этого что за мной преследуют я стал скрываться под чужим фамилием но не в то время, когда стоял Областной комитет в с. Елизово и проходил чрезвычайный съезд мне житьё в с. Елизово было очень плохое от самого населения потому что я всё время с ихними мнениями был не согласен и шёл вразрез против населения и стоял уверенно

на стороне областного комитета и партотрядов чего меня и привело к большому разрушению хозяйства потому что за последнее время белые банда пошли в... Елизово из г. Петропавловска меня вынудило уехать в тайгу прожил там полтора месяца за это время скот у меня находился без надзора отец и мать в старых уже летах не могли управлять им, и поэтому скот мой часть растерялся».

...30 сентября 1922 г. исполняющий обязанности начальника области ввёл для всех иностранных судов, посещающих берега Камчатки с торговыми целями, однообразный каботажный сбор по четыре рубля с регистровой тонны, независимо от рода товаров. Взыскание каботажного сбора было поручено управляющему петропавловской таможенной заставой, содействие которому, в случае надобности, обязаны оказывать милицейские чины. В тот же день в Петропавловск пришёл пароход Демби и К^о «Инабасан-мару» с его доверенным (занимавшим в 1919 г. должность управляющего Камчатской областью) Николаем Николаевичем Червлянским, начальником Командорских островов П. А. Храмовым, учительницей И. Т. Новограбленовой и другими. Вероятно, от Храмова в городе узнали о начале работ по монтажу радиостанции на острове Беринга. В Петропавловске, если верить слухам, должны были до конца года установить на мысе Сигнальном более мощную, чем существующая, радиостанцию. Власти пообещали также в скором времени наладить телефонную связь с Завойко, испорченную партизанами. 5 октября «Инабасан-мару» ушёл в Хакодате, приняв на борт американского консула, гостившего в Петропавловске с 20 сентября.

Через несколько дней неизвестные злоумышленники похитили товары со склада продовольственного отдела областного управления. «Камчатский листок» информировал читателей, что, согласно распоряжения исполняющего обязанности начальника области, подписная цена на него с октября понижена до 1 руб. в месяц с доставкой, а со 2-го числа в киоске № 1 газеты продаются по 5 коп. В начале октября заведующим областной типографией был назначен И. Д. Козырев. Со 2 октября 1922 г. Б. П. Ильин установил время занятий во всех учреждениях гражданского ведомства — с 10 до 15 часов.

Подъём экономического положения области её руководитель связывал с организацией артелей по роду деятельности. Охотничьи артели, считал он, должны состоять из 8—12 чел., а рыболовные из 20—25. Во главе каждой — старшина. «В артелях работа

протекает дружнее и веселее, вы ближе сойдётесь друг с другом, а представители Правительства всегда больше поверят артели, нежели отдельным личностям, могут ссудить артель мукой, оружием и прочими предметами первой необходимости», — убеждал наших земляков и. о. начальника области.

Он торопил старшин с прибытием в Петропавловск, дабы успеть заказать во Владивостоке всё необходимое на весну 1923 г. «Заключив с Правительством условие на поставку рыбы, пушнины и дров, вы отдадите часть прибыли от этой сделки на наше русское национальное движение, а часть сохраните в своих руках. До настоящего времени... на вашем труде наживались только иностранные предприниматели, скупая и выменивая у вас рыбу и пушнину за бесценок».

Но к главным богатствам Камчатки капитан 1-го ранга относил золото и каменный уголь. «Артель рудокопов, проработав на приисках два-три года, составит такой капитал, который даст ей возможность начать своё собственное большое дело и стать вне всякой материальной зависимости. В таких горных артелях Правительство с весны 1923 г. будет очень нуждаться». 13 октября 1922 г., пригласив с собой известных в Петропавловске людей П. Т. Новограбленова и Е. И. Кумпана, исполняющий обязанности начальника области в сопровождении штабистов отправился на шхуне «Командор Беринг» в бухту Жировую «для изыскания каменного угля», но попасть туда им помешал шторм. В 1917 г. Е. И. Кумпан получил от Временного Правительства России разрешение заниматься горными и золотыми промыслами, в 1918 г. он уже член облсовета, обвинённый после свержения последнего в хищениях казны. Примечательно, что в июне 1923 г. каменно-угольные залежи в той же Жировой осмотрели и красные власти: председатель губревкома М. И. Савченко, командующий войсками Охотско-Камчатского края М. П. Вольский, заведомо ревкома М. П. Щербаков, В. Д. Богомолов и Б. И. Турилов.

С 15 октября 1922 г. была введена плата за лечение в Петропавловской горбольнице, содержавшейся до этого исключительно на средства казны. Горожанам и сельским жителям каждое амбулаторное посещение больницы обходилось теперь в 70 коп., коечное лечение (включая довольствие и медикаменты) в 1 руб. 30 коп. в сутки; иностранным подданным — соответственно, в 1 и 2 руб. Медикаменты на дом отпускались за отдельную плату. Нововведение объяснялось тем, что больница испытывает большие затруднения, и платное обслуживание призвано, хотя бы частично,

возместить расходы на её содержание. Во второй половине октября исполняющий обязанности начальника Камчатской области отдал распоряжение об устройстве в Петропавловске уличного освещения и заведовать им поручил Е. Ф. Одынцу.

18 октября 1922 г. комендант Петропавловска (а точнее «Штаб-Офицер по комендантской части при штабе начальника гарнизона г. Петропавловска на Камчатке») ротмистр Муратовский запретил устраивать без его разрешения в окрестностях областного центра и в самом городе «всякого рода общенародные игры и театральные представления», а равно публичные собрания. Желая организовать вышеперечисленные увеселения или собрания предписывалось письменно заявить об этом коменданту за трое суток; тот же срок устанавливался в случае, если предполагалось сообщить о месте и времени проведения таковых в газете. В заявлении на имя коменданта следовало указывать день, час, место и «предмет занятий собрания», подробную программу увеселения, а также имя, отчество, фамилию и домашний адрес устроителя или устроителей мероприятия.

Трудно сказать, что повлияло на появление данного запрещения, но, видимо, всё-таки не ЧП накануне: взрыв порохового склада на Никольской сопке, при котором получили сильные ожоги два матроса десантной роты, один из них Иван Котельников скончался на следующий день в больнице. (Результаты произведённого дознания не оглашались.) В погребении десантника 20 октября принял участие капитан 1-го ранга Б. П. Ильин. Вряд ли бы он пошёл на похороны, произошёл трагический случай по пьянке.

Своё отношение к этому распространённому пороку исполняющий обязанности начальника области не скрывал и не однажды говорил аборигенам: «Даю вам ещё один совет — прекратите употребление спирта и, во всяком случае, не пейте его в таком количестве, в каком вы позволяли это до сего времени. Алкоголь разрушает организм человека, делает его дряблым и не способным к систематическому и продуктивному труду. Он является причиной болезненного и слабоумного потомства и очень часто преждевременной смерти человека.

Редко кто из вас доживает до 55-летнего возраста, тогда как на нашей матушке Руси крестьяне жили обыкновенно до 70—80 лет. Всмотритесь в свой облик, вспомните своих крепышей-прадедов и, наконец, сравните себя с приезжающими к вам иностранцами и русскими из Сибири, и вы увидите, что ваше племя камчадалов

имеет налицо все признаки народа, обречённого на безславное и постепенное вымирание. И всё это благодаря пьянству».

Разрешённое властями собрание родителей учеников высшего начального училища дважды срывалось из-за отсутствия кворума. Один из родителей увещевал не явивших: «Каждый родитель, прикрываясь своим благополучием, продолжает смотреть на школу, как на казённое учреждение, как на казённую, никому не нужную, канцелярию, которая, мол, нужна только казне, которая пусть её и содержит, отапливает, наводит свои порядки, а мы-де, родители, в стороне, наша хата с краю.

Привыкнув рассуждать и ораторствовать в общественных делах, а делать только для самого себя, и ничего для общества, обыватель, посылая своих детей в школу, совершенно не задумывается, откуда и как учителя получают плату за свой тяжёлый труд, кто платит сторожам, кто оплачивает ремонт, отопление, освещение; даже больше, его дети получают бесплатно учебники и подчас тетради, карандаши и прочее. Всё валится откуда-то с неба. Обыватель не тратит ничего на обучение своих детей.

Инспектор (П. Т. Новограбленов. — *В. II.*) говорит, что в этом году в обеих школах города обучается 212 мальчиков и девочек, родителей же 118 чел... На классные комнаты в месяц надо 12 сажень дров. Дров в школе нет. Школьники мёрзнут, занимаются в пальто, чуть ли не в рукавицах. Топлива нет для школ! Это в то время, когда почти в каждом дворе в городе и на берегу Ковша и бухты лежат запасы дров! Надо избрать Родительский Комитет... Наши родители шепчут по углам, что учителя плохо учат, а сами не идут в школу, чтобы заявить об этом всём громко и постараться устранить недостатки школы...»

Голос увещевателя был услышан. В воскресенье 22 октября на собрание явилось 70 родителей, которые единогласно решили дать школе 72 сажени дров: «полсажени сейчас и четверть сажени после Рождества с каждого родителя». Председателем родительского комитета избрали Ф. Д. Стецюка, его заместителями С. Г. Ошева (казначей) и К. И. Кодылева (секретарь), членами А. П. Рубецкую, Е. А. Колмакова, О. Я. Успенскую, И. Ф. Голованова, П. В. Крупенина, кандидатами к членам П. М. Ключкова, К. М. Борейшу, И. Д. Козырева.

Агроном И. Ф. Голованов получил предложение от представителя г. Като (японская колония в городе) выбрать подходящий участок земли для посевов конопли и льна и сделать организационный план по производству опытных посевов. По мнению Голованова,

лучшее место для опытов с посевами этих растений на волокно — селение Мильково, куда он на днях должен был выехать.

22 октября японский консул Симада дал обед в честь уходящих из Петропавловска миноносцев. С русской стороны присутствовали Б. П. Ильин, Ч. К. Щипчинский, Е. А. Колмаков, А. В. Муратовский, В. В. Кузнецов, начальник милиции Д. И. Пригоровский. В 8 утра 26 октября миноносцы «Кияке» и «Маке» покинули Авачинскую бухту.

...Генерал-майор П. М. Иванов-Мумжиев, которого ждали на «Сишане» ещё 2-го числа, ступил на камчатскую землю днём 25 октября 1922 г. В составе его администрации находился учёный и общественный деятель А. А. Пурин. Тем же пароходом приехали епископ Охотский Даниил, граждане Сычёв, Сергеев, Просокишина, Подвысоцкий, Витерберг, Кривцов, полковник Андреев... (Подробности встречи нового начальника Камчатской области воспроизведены нами в вып. 2 «Вопросов истории Камчатки».)

Причина длительной задержки с прибытием П. М. Иванова-Мумжиева кроется, по словам его жены Лидии Павловны, преимущественно в желании руководителя военно-морского ведомства Г. К. Старка видеть во главе Камчатки своего начальника штаба Г. Ю. Фомина.

Отъезду генерала из Владивостока чинились препятствия. Накануне отплытия на пароход нагрянула морская контрразведка с обыском, продолжавшимся пять часов. У подчинённых генерала отобрали винтовки с патронами. Он возмутился, порывался пойти объясниться со Старком, но ему передали приказание последнего: если он покинет пароход, то больше на него не вернётся. Разоружение тех, кого называли милицией, особенно беспокоило супругу П. М. Иванова-Мумжиева, «так как на Камчатке была десантная рота моряков, то муж по приезде... должен был попасть в сферу их влияния», и Лидия Павловна волновалась, «зная здешних (владивостокских. — *В. П.*) моряков». Тревожилась она не только за мужа. Отправляясь на Камчатку, тот взял с собой старшего сына Михаила двенадцати лет.

Она также говорила, что ещё председатель Приамурского правительства С. Д. Меркулов настаивал на назначении Петра Михайловича на Камчатку «вместо Бирича, который, по слухам, проворовался». И М. К. Дитерихс, познакомившийся с Ивановым-Мумжиевым во Владивостоке летом 1918 г., принимает такое решение. «Дитерихс был хорошего мнения о моём муже, —

вспоминала Л. П. Иванова-Мумжиева, — и при его отъезде обещал мне всяческое покровительство, но, когда я обращалась к нему, принята не была».

За месяц до прибытия в Петропавловск П. М. Иванова-Мумжиева Правитель Приамурского Земского края повелел ему руководствоваться временным «Положением об Управлении Закаспийской областью», изданным в 1892 г. На П. М. Иванова-Мумжиева возлагались все права и обязанности губернатора: заведование местным населением во всех отношениях; принятие мер к обеспечению спокойствия и безопасности; покровительство торговле и промышленности в пределах области, изыскание способов к развитию благосостояния края и приведение в исполнение распоряжений правительства, наблюдение за исполнением оных «учреждениями и лицами, в крае находящимися». Начальник области обязан был следить за состоянием умов населения и за благонадёжностью туземных властей.

В отличие от А. А. Пурина и епископа Даниила, генерал-майор П. М. Иванов-Мумжиев был совершенно незнаком жителям нашего края. Покинул он Петропавловск также человеком-загадкой. Слишком коротким оказался его камчатский период. В советской печати последний начальник Камчатки упоминался редко и походя — «белогвардейский генерал»; естественно, без инициалов, как всегда, если речь заходила о врагах. Посетившая Камчатку в 1970 г. внучка Иванова-Мумжиева Виктория попыталась что-либо узнать о нём в областном краеведческом музее, однако там такой фамилии не слышали.

Благодаря нашим постсоветским публикациям о том бурном времени завязалась переписка с Викторией Георгиевной Ивановой-Мумжиевой. В результате появился очерк «Генерал, не продавший Камчатку». (Материалы XXIII Крашенинниковских чтений. Петропавловск-Камчатский, 2006 г.)

Справка. Пётр Михайлович Иванов-Мумжиев, из крестьян, болгарин, православного вероисповедания, родился 29 июля 1874 г. в г. Болграде теперешней Одесской области. В армии добровольно с 18 лет. Произведён в офицеры в 1898 г. Участник китайской кампании 1900—1901 гг., русско-японской и Первой мировой войн. На поле боя вёл себя храбро. Награждён орденами, в том числе особо почитаемым среди русских воинов Св. Великомученика и Победоносца Георгия 4-й степени. На Восточном фронте в 1919 г. командовал Уральской группой войск Западной армии, которой противостояла 5-я советская. Некоторое время — генерал для

поручений при начальнике штаба Верховного Главнокомандующего М. К. Дитерихсе. С 1921 г. на службе у Временного Приморского правительства. В июле 1922 г. в комиссии по проверке деятельности управления начальника снабжения военно-морского ведомства. Семья: жена, дочь, двое сыновей.

Известны три приказа П. М. Иванова-Мумжиева от 25 октября 1922 г. О вступлении его в должность и возвращении Б. П. Ильина «к своим прямым обязанностям начальника всех войск и частей флота, оперирующих в водах Камчатской области». Об имении бочкарёвских казаков 1-й пластунской, а прибывших на «Сишане» под командой войскового старшины Лаврова — 2-й пластунской сотней. О назначении с 1 сентября военно-морского чиновника А. А. Пурина правителем канцелярии начальника Камчатской области.

27 (28) октября начальник области запретил продажу спиртного в Петропавловске во время стоянки парохода «Сишан»; этот приказ действовал впредь до ухода Русской армии с Камчатки. Приехавшие на «Сишане» 25 октября 1922 г. говорили, будто бы глава камчатских большевиков Савченко-Славский бежал в Шанхай, а его товарищ по партии Мусорин — в Хакодате. О последнем Е. И. Ларин писал в 1923 г.: «За время борьбы с меркуловщиной спрятанные в тайге дела-анкеты, печать и вообще всё дело производство кем-то выкрадены, о чём был составлен акт Примгуббюро, в котором указано подозрение на одного из членов организации Мусорина, который за агитацию и разложение отряда предан суду и сидит сейчас во владивостокской тюрьме».

Накануне прибытия на Камчатку генерала П. М. Иванова-Мумжиева в столице Приморья завершилась эвакуация последних воинских частей Русской армии на корабли Сибирской флотилии адмирала Г. К. Старка. Планы эвакуации разрабатывались ещё до наступления народно-революционной армии Дальневосточной республики в двух вариантах. Первый: забрав в Посъете оставшиеся подразделения, флотилия идёт на Сахалин или в Петропавловск на соединение с посланными туда ранее отрядами, что позволит создать новый очаг Белого движения в России. Второй вариант: флот уходит за границу в один из северо-китайских портов.

По сведениям доктора исторических наук Б. И. Мухачёва, «камчатскую идею» подал член Народного Собрания, председатель Особого совещания (1921 г.) С. П. Руднев: если придётся уходить — то на Камчатку полностью угоним корабли, там останемся; у большевиков флота пока нет, два-три года отсидимся на

Камчатке; пушнина, рыба — не пропадём. «Об эвакуации на Камчатку неоднократно ставился вопрос перед правительством и Меркулова, и Дитерихса».

Камчатское военное командование имело представление об этом варианте. Председатель Петропавловской городской Думы Ч. К. Щипчинский приводил факт назначения Ильиным в конце сентября-начале октября 1922 г. особой комиссии по осмотру «не только казённых квартир, но и частновладельческих для размещения трёх-четырёх тысяч воинов Старка».

В Посьете, куда прибыла эскадра адмирала, на совещании у главнокомандующего М. К. Дитерихса камчатский вариант был отвергнут: слишком уж измучены войска, чтобы продолжать боевые действия; плавание на Север поздней осенью опасно; на месте обязательно возникнут трудности с продовольствием.

О смене власти во Владивостоке 25 октября Камчатка не знала до конца месяца. Петропавловская радиостанция, расположенная в районе теперешнего Дома офицеров флота, вышла из строя. Новая, доставленная на «Сишане», ещё не работала. Во время эвакуации военных из Петропавловска городской голова просил оставить передаточный аппарат, однако Иванов-Мумжиев пообещал прислать его из Японии. Приём телеграмм с материка в Петропавловске возобновился только 6 ноября.

Пришедшая вместе с «Сишаном» канонерская лодка «Магнит» привезла в областной центр 990 пудов оленины и обмундирование для местного гарнизона. 27 октября она стала разгружаться. И уже наполовину выгрузилась, как поступило распоряжение Б. П. Ильина прекратить разгрузку. А 29-го числа последовал новый приказ: принять выгруженную провизию обратно. Так, во всяком случае, утверждал впоследствии член команды «Магнита» Сергиенко. «Поползли слухи о перевороте во Владивостоке».

Но ни тревожные слухи, ни колебание почвы в ночь на 29 октября не помешали командиру канонерской лодки устроить танцевальный вечер в Народном доме, где присутствовало много публики. Через двое суток экипаж «Магнита» решил повторить увеселение, даже объявил, что начало в 19.00, а вход бесплатный. Но между 29 октября и 1 ноября произошло событие, которое резко изменило планы моряков. Японский консул в Петропавловске Симада пригласил к себе правителя канцелярии начальника области А. А. Пурина и сообщил ему о падении Владивостока. На следующий день генерал Иванов-Мумжиев собрал одних военных — флотских и сухопутных. Совещались они, по словам

Пурина, не более двух часов. Затем начальник области передал ему текст приказа, написанного от руки карандашом. В приказе значилось: ввиду того, что Дальний Восток занят красными, и «Камчатка является совершенно отрезанной местностью», дальнейшее пребывание здесь невозможно.

Приказ касался, в первую очередь, военных, а также гражданских чинов и лиц, кои изъявляют желание покинуть полуостров вместе с армией. Его разослали по воинским частям, довели до сведения населения Петропавловска. Место, куда эвакуируются, указано не было.

В полдень 1 ноября войска начали грузиться на корабли. «Магнит» принимал десантников, прибывших с Ильиным в августе и артиллерию из четырёх (две 47- и две 37-миллиметровые) пушек со снарядами до тысячи штук. На «Сишане» размещалась администрация Иванова-Мумжиева, 1-я (бочкарёвская) и 2-я отдельная (пластунская) сотни.

Находившийся в эти дни в городе Г. А. Машихин якобы видел, как служивые перебили все окна в одном из зданий военного городка и похвалялись сделать то же в других домах и поджечь их. По словам мясника Ф. Я. Белея, на которого ссылался Машихин, военные останавливали штатских, выпрашивая водку или деньги. «Я передал в тот же день генералу Иванову-Мумжиеву, перехватив его на улице по дороге на пароход, и просил его от имени населения принять меры, — утверждал Г. А. Машихин. — Мумжиев сказал мне, что он об этом не знает и что сейчас же даст распоряжение десантной роте, как более благонадёжной, о недопущении каких-либо безобразий».

К вечеру 1 ноября, рассказывал Е. А. Колмаков, военные стали возить на корабли имущество, и это продолжалось весь следующий день. «Отряд-сотня Мумжиева отступил, ничего не тронув, безобразничали бочкарёвцы и десантная рота, хотя до этого за несколько недель Ильин мне заявил, что если под напором красных они уйдут, то сожгут весь город». Никто, конечно, ничего не сжёг, но, отмечал Колмаков, «отряд Ильина поломал окна в казённых помещениях (то же самое говорил Машихин. — В. П.) и забрал имущество Народного дома. Им не удалось взять пианино, за которым приехали солдаты на лошади, ибо гражданин Сиротин заявил, что выдаст его только тогда, когда разрешит городской голова».

В книге «За власть Советов на Камчатке» можно прочитать о большом ущербе, который нанесли городу при эвакуации

белые — «они порезали почти весь скот на сельскохозяйственной ферме, привели в негодность государственные учреждения и жилые дома». Откуда взяты эти сведения, указания нет. Между тем вред, причинённый тогда Петропавловску, по свидетельству тех же Машихина и Колмакова, куда скромнее, несмотря на то, что оба они вспоминали об этом в Камчатском ОГПУ, причём, первый спустя восемь лет, а второй — три с половиной месяца.

Согласно показаниям боцмана «Магнита» Ф. А. Буренкова, свидетеля по делу Бирича, командир канонерской лодки предложил желающим из числа экипажа остаться в Петропавловске, но таковых не оказалось. После погрузки, сообщает далее Буренков, был зачитан приказ: Владивосток под красными, эскадра Старка следует в Гензан. Через четверо суток после ухода Русской Армии Петропавловск облетела весть о получении телеграммы из Токио от 1 ноября 1922 г.: «Адмирал Старк просит передать всем, что он с флотилией пришёл в Гензан для высадки беженцев и армии. Предлагает идти в Фусан (видимо, Пусан. — В. П.) или Инкоу для сохранения кораблей от захвата красными». Телеграмму подписал русский военно-морской агент в Японии Б. П. Дудоров. «Из помещённой сегодня в номере телеграммы адмирала Дудорова на имя капитана Ильина, в которой сообщается, что армия и флот идут в Гензан и, очевидно, «Магнит» и «Сишан» идут туда же на соединение, — писал «Камчатский листок» 7 ноября, — граждане г. Петропавловска вчера составили себе представление о том, что пароходы уже соединились четыре из них идут в Петропавловск. В Городскую Управу шло много публики, чтобы узнать, правда ли это, и если да, то что намерена предпринять Управа. В результате приказ Управы: “За распространение ложных слухов — к ответственности по Закону!”»

Почему адресат телеграммы из Токио Ильин, а не начальник области? Хотя формально всё правильно: военно-морское ведомство через токийского агента сносится со своим подчинённым. Впрочем, вместе с этой телеграммой местная газета опубликовала и другую, предназначенную П. М. Иванову-Мумжиеву. Из Харбина, без даты. «Приморье занято красными, ждите указаний. Генерал Лохвицкий».

...Спустя двое суток после выхода в море капитан 1-го ранга Б. П. Ильин объявил в кают-компании «Магнита», что генерал-майор Иванов-Мумжиев предлагает зайти в Йокогаму. «Но мы, — показывал в ГПУ Сергиенко, — хотели идти в Хакодате. Разница

во взглядах стала сказываться ещё в Петропавловске. Одни хотели идти во Владивосток, другие стояли за то, чтобы бежать за границу. Первая группа: Волченетский, Колтуновский, гардемарин Киркор, Сергиенко...

Нас было четырнадцать гардемарин, вооружённых винчестерами, помещались в носовом кубрике. Несли вахту в машинном отделении, кочегарке, на верхней палубе. В том же кубрике офицеры десантной роты. Десантная рота сама помещалась в носовом трюме». Б. П. Ильин хотел провести туда отопление, но ему помешал стармех Ковтунов — дескать, дорого будет стоять.

Если верить Сергиенко, он и его товарищи собирались на вечерней молитве разоружить гардемарин, так как они выходят в носовой кубрик (десантная рота на молитву не выходила), затем ночью закрыть трюм с семидесятью вооружёнными десанниками, а к ненадёжным из комсостава приставить часовых. Прodelать всё это они хотели между Петропавловском и Хакодате и повернуть корабль на Владивосток. «По разговорам» команда склонна была идти именно туда.

Но всё сорвалось. То ли из-за «разведчиков... среди севших в Петропавловске», то ли из-за своих. В назначенный день десантников распределили по работам, причём так, что «они стояли в машинном, в кочегарке, на палубе. Были доносы на старых кочегаров и машинистов, арестов не было. Команда растерялась».

Существовал ли заговор? Или рассказ Сергиенко — замаливание грехов перед революционной властью? Однако то, что слышали от него далее, похоже на правду: «Ильин спорил с командиром и хотел идти в Иокогаму, а не в Хакодате, так как он говорил, что в Хакодате засиле красных, и «Сишан» и «Магнит» могут задержать. Механики настаивали на необходимости идти в Хакодате» — машина требует переборки.

«Сишан» и «Магнит» всё время переговаривались по радио шифром, который знал только Ильин со штабом. Ещё перед Фангорийским проливом вопрос, куда идти, встал ребром. «Тогда Ильин предложил зайти в порт Амори для личных переговоров с Ивановым-Мумжиевым, мы зашли в Амори, Ильин съехал на «Сишан». Переговоры продолжались полчаса. Ильин вернулся и объявил, что идём в Хакодате. Я слышал, что машинная команда «Сишана» и даже капитан хотели идти во Владивосток. Пошли в Хакодате...»

В этом японском порту русские корабли стояли неделю. Пожелавших возвратиться во Владивосток (в том числе Сергиенко

и Буренкова) отпустили... П. М. Иванов-Мумжиев зафрахтовал пароход «Кинко-Мару» и, перегрузив на него войска, отправился в Шанхай.

Возвратившийся в столицу Приморья бочкарёвец Николай Михайлович Федорин проходил по делу Бирича. На следствии он сообщил много любопытных, хотя и не поддающихся проверке, фактов.

1921 г. Начало «одиссеи» экспедиции есаула В. И. Бочкарёва. Перед отправлением в путь «произошёл какой-то инцидент между казаками отряда и корнетом Колесниченко, в результате которого Колесниченко остался во Владивостоке. По приезде в Петропавловск была образована из числа прибывших туда бочкарёвцев одна сотня: 1-й взвод сотни составили калмыковцы, а 2-й взвод из оренбургских казаков, к которым принадлежал и я. Эти казаки частью служили раньше в Николаевском дивизионе народной охраны. По приезде в Петропавловск, куда я приехал на «Свири», на которую я пересел в Оле, начались разногласия между 1-м взводом и 2-м на почве бандитских выходов 1-го взвода, эти несогласия начались ещё в пути...» По Федорину, оренбуржцы по поводу реквизиций и грабежей заявили, что они прибыли в город не за тем, а для установления тишины и порядка.

1922 г. «Этими несогласиями воспользовались Бирич и Поляков — первый стал поддерживать 2-й взвод, а Поляков 1-й. Второй взвод называться стал местной командой, а первый нештатной. Местная команда охраняла город, а нештатная пьянствовала. Через три дня после раскола я был арестован начальником команды есаулом Чешкиным за то, что назвал освобождённых бывших заключённых «товарищами». Бирич хотел меня за это отправить во Владивосток на суд; это мне было официально объявлено. Но потом меня оставили и зачислили на «Свирь» матросом. С сыном Бирича я в особенной дружбе не был, и, приглашая меня, он вербовал людей для отряда Бочкарёва».

Н. М. Федорин упоминает о шестичасовой перестрелке между местной командой и 1-й сотней, не указывая даты. «Причина этого — попытка Кузнецова разоружить местную команду, которая препятствовала ему в реквизиции пушнины. На другой день 1-я сотня арестовала шесть человек, в том числе и меня, нас хотели предать полемому суду, но Бирич этому воспрепятствовал, таким образом мы просидели под арестом до прибытия на смену Кузнецову капитана 1-го ранга Ильина, которым были выпущены... Местная команда была им расформирована. И чтобы удалить

брожение в части, он отправил на «Магните» восемь человек из местной команды, в том числе меня, на плавание в Аляску для поправления и уничтожения революционного духа, таковы были его слова».

«...Плавали мы на “Магните”. Возвратились мы одновременно с приездом... Иванова-Мумжиева. Нас пересадили на “Сишан”, и началась эвакуация Петропавловска. Остаток местной команды находился за городом на ферме и, несмотря на приказание нового начальника команды ротмистра Файвишевича, не пожелал грузиться и ушел в сопки.

Покидая навсегда Петропавловск, генерал П. М. Иванов-Мумжиев подготовил обращение «К населению Камчатской области». В канун 50-летия Октябрьской революции Управление КГБ по Камчатской области запрашивало свой ведомственный архив в Омске: «По заданию партийных органов нами разыскивается материал на бывшего губернатора г. Петропавловска-Камчатского генерал-майора Иванова-Мумжиева, его обращение от 2 ноября 1922 г.». В запросе указывалось, где находится этот материал — во многотомном уголовном деле «Автономная Камчатка». Но там его не оказалось. Так Омск и ответил. В парторганах Ивановым-Мумжиевым и его Обращением, по нашим сведениям, интересовался, скорее всего, Леонид Тимофеевич Иванов, в 1956—1965 гг. секретарь Камчатского обкома КПСС по идеологии, изучавший ту эпоху по подшивкам «Камчатского листка».

Обращение П. М. Иванова-Мумжиева было обнаружено мною в конце 1994 г. в архивном уголовном «Думском деле», переданном региональным УФСБ в Центр документации новейшей истории. «Пять лет непрерывно ведётся борьба с коммунистами, — писал генерал. — Были моменты, когда войска противников большевизма доходили почти до самой Москвы, но побороть захватчиков власти над русским народом пока ещё не удалось. То вспыхивая, то угасая борьба продолжается и будет продолжаться. Одну из последних попыток свержения большевиков в Сибири сделал Генерал Дитерихс. Недостаток материальных средств и оружия, а главным образом равнодушие населения Приморской области к судьбам Родины и к своей собственной судьбе заставили его отказаться от власти и предоставить людей нежелающих ничем пожертвовать для спасения Родины своей собственной участи.

Я, будучи послан генералом Дитерихсом в Петропавловск для того, чтобы в Камчатской области водворить спокойствие, порядок

и возможность заниматься мирным трудом, с первых дней моего прибытия увидел, что население области не большевистствующее по своим убеждениям, всё же терпит в своей среде явных большевиков, позволяя диктовать им свою волю и позволяя беспощадно обирать себя. Большевиков здесь мало и всё же никто не решился поднять на них руку.

Что же это значит? Это значит, что на Камчатке повторяется то же, что и в Приморье и других областях России. Каждый ждёт, что кто-то со стороны должен придти защитить его и установить порядок. Но всякий боится вступить в решительную борьбу из нерешительности и из трусости, а отчасти и по незнанию самой природы большевизма.

Вижу, что население области, которое по всей вероятности дружно жило бы со мною при мирных условиях, не станет ныне открыто на нашу сторону и при столкновениях с большевиками никакой помощи не окажет. Маленькая в моём распоряжении группа русских людей, много лет неустанно сражавшаяся на разных фронтах, не встретив в населении готовности к активной борьбе вместе с нами и не желая рисковать жизнью офицеров и солдат, ряды которых с каждым днём и так всё больше и больше редуют, я решил покинуть Петропавловск и Камчатку, передав власть Петропавловскому Городскому Самоуправлению».

...Сведений о дальнейшей судьбе Б. П. Ильина крайне мало. «Энциклопедия Гражданской войны. Белое движение» С. В. Волкова (2002 г.) ограничилась тремя предложениями: «При эвакуации командир корабля «Магнит» Сибирской флотилии в походе от Шанхая до Олонгапо (Филиппины). Остался в Маниле, где открыл механическую мастерскую. Покончил самоубийством 17 октября 1936 г. в Новой Пахове (Югославия)». Бросается в глаза совпадение дат: 17 октября 1905 г. Николай II подписал манифест, положивший начало крушению Российской Империи.

Оставшаяся во Владивостоке Л. П. Иванова-Мумжиева была вызвана в Приморское ГПУ. На допросе 9 января 1923 г. она заявила: «Последнее известие от моего мужа... я получила из Отаро на пути мужа в Камчатку. Больше лично от него известий не имею. От сына, уехавшего вместе с мужем, я получила письмо из Хакодате. Из газет узнала, что муж в Шанхае, а от некой гражданки Нестеровой — муж её служит на механическом заводе в порту — я узнала, что муж в Харбине. Я посылала мужу письмо через Александра Яковлевича Кима, служащего в японском консульстве, это знакомый моего брата Кошелева...»

Все остальные сведения, включая послужной список генерала, получены от его внучки Виктории Георгиевны.

Л. П. Ивановой-Мумжиевой с детьми удалось выехать в Китай. Но генерал прожил на чужбине недолго. 5 декабря 1927 г. пошёл в магазин за покупками и не вернулся — умер от разрыва сердца. Могилу его на русском кладбище в Шанхае разрушили красногвардейцы («хунвэнбины») во время так называемой культурной революции.

Лидия Павловна больше замуж не выходила. В 1949 г. старший сын Михаил с семьёй уехал в Бразилию, затем перебрался в Венесуэлу. А через пять лет к ним присоединилась и Л. П. Иванова-Мумжиева с дочерью и внучкой. Младший сын генерала Георгий вернулся со своей семьёй на родину в 1954 г., когда русским эмигрантам это позволило сделать советское правительство.

Дочь Георгия Петровича Виктория узнала мой адрес. В одном из её писем есть такие слова о последнем начальнике Камчатской области П. М. Иванове-Мумжиеве: «Дома говорили, что большевики предлагали ему перейти на их сторону, но он отказался, сказав, что присягал на верность царю и присягу не нарушит... Кроме того, в семье говорили, что японцы предлагали дедушке огромные деньги за Камчатку, но он ответил, что русские офицеры Родиной не торгуют... он был глубоко порядочным, честным человеком».

...Прощаясь с камчатцами глубокой осенью 1922 г., Петр Михайлович Иванов-Мумжиев сказал: «От души желаю всему населению, как Петропавловска, так и всего края перенести по возможности безболезненно грядущее испытание. Да хранит всех Вас Господь Бог». Хотя Обращение генерала помечено днём ухода Русской армии, оно было передано в городскую управу за сутки до этого, о чём свидетельствует штамп в правом верхнем углу документа: «Получено 1 ноября 1922 г. Входящий № 311».

2 ноября 1922 г. пароход «Сишан» и канонерская лодка «Магнит» стояли уже на внешнем рейде. В 16 часов по местному времени — точно в соответствии с приказом начальника Камчатской области — они снялись с якорей. Выйдя из Авачинской бухты, корабли взяли курс на юг. Многие из тех, кто находился на борту «Сишана» и «Магнита» чувствовали, что они никогда больше не увидят Родины. Русская земля удалялась и удалялась. Пока не пропала вдали.

*Навсегда, навсегда, навсегда
Уплывают твои берега...*

СЛЕД ПОДСТРЕЛЕННОЙ ПТИЦЫ

16 ноября 1922 г. во Владивостоке на своей квартире по ул. Фёдоровской был арестован Х. П. Бирич. В начале декабря жена обратилась к властям изменить меру пресечения на домашний арест, ссылаясь на его «плохое здоровье, как следствие преклонного возраста», но — тщетно, потому как в столице Приморья затевался показательный процесс над участниками «камчатской экспедиции» Бочкарёва-Бирича. Пелагею Петровну арестовали прямо в зале суда, предъявив обвинение в том, что она, «не участвуя непосредственно в совершении... преступления, однако же, в исполнение контрреволюционных целей Охотско-Камчатской Экспедиции, просьбами и уговорами склонила своего мужа Хрисанфа Бирич к содержанию под стражей гражданина Рябикова, который впоследствии в заключении был убит. Преступление это предусмотрено 15, 2 ч. 16 и 64 Уголов. Кодекса Р.С.Ф.С.Р.». П. П. Бирич вписана в обвинительное заключение последней. Далее идут размашистые подписи составителя помощника Уполномоченного Белоцерковского — и («согласен») начальника секретно-оперативной части Приморского губотдела ГПУ Алышанского.

На первого в книге А. М. Буякова «Органы госбезопасности Приморья в лицах» данных нет, однако есть на второго.

«Алышанский (Мильштейн) Анатолий (Абрам) Романович (Соломонович). Родился 5 ноября 1896 г. в семье ссыльнопоселенца. Окончил три класса Красноярского приходского училища. До 1913 г. работал учеником мастера, подмастерья в вывесочной мастерской, помощник фотографа в фотолаборатории Лухтанского в Красноярске. С 1914 г. помощник лаборанта фотографии в Иркутске. С 1916 по февраль 1918 г. на германском фронте в 168-м полку. В 1917 г. вступил в РКП(б). С августа по октябрь 1918 г. служил в 12-й нестроевой роте 12-го стрелкового особого назначения полка Сибирского правительства, кадровом артдивизионе имени генерала Пеняева в Томске. В конце 1919 г. в ревподкоме в Иркутске. С января 1920 г. командир 1-й роты Особого Коммунистического отряда. С марта 1920 г. — сотрудник, уполномоченный, начальник информационного отделения Военного контроля 1-й дивизии НРА.

С ноября 1920 г. — начальник Центрального отделения политического контроля ГУГПО Забайкальской и Прибайкальской областей, начальник организационно-инспекторской части, временно исполняющий должность начальника секретного отдела

ГУГПО. После расформирования ГУГПО ДВР заместитель начальника, временно исполняющий должность начальника СОЧ полномочного представительства ГПУ Дальнего Востока. С 11 ноября 1922 по 1924 г. — заместитель начальника Приморского губернского отдела ОГПУ и одновременно начальник Секретно-оперативной части. В 1924—1925 гг. — заместитель председателя ГПУ Бурятии, начальник Актюбинского областного отдела ГПУ. В 1926 г. — начальник Семиреченского областного отдела ГПУ. В 1927—1930 гг. — заместитель полномочного представителя ОГПУ по Казахстану и начальник СОЧ. В 1931 г. откомандирован в ЦК ВКП(б). С декабря 1931 г. — заместитель управляющего, управляющий золотопромышленным трестом на Алдане. В 1934—1935 гг. учился на высших академических курсах командного состава (по горнорудной промышленности) народного комиссариата тяжёлой промышленности СССР. После окончания — председатель комиссии Главзолота на Северном Кавказе и Азово-Черноморском крае. В 1936 г. — директор треста «Енисейзолото». Зачислен в Московский горный институт. Награждён боевым именным оружием — пистолетом системы «Маузер», нагрудным знаком «Почётный работник ВЧК-ОГПУ (V)», знаком «Стахановцу золотой промышленности». О дальнейшей судьбе сведений нет».

На соседней странице помещён снимок грамоты коллегии ОГПУ, которой награждён тов. Альшанский 19 декабря 1927 г. Остаётся добавить, что справкой, посвящённой ему, открывается серия биографий первых чекистов Приморья, «чьи имена, — подчёркивает автор, — мы сегодня не вправе забывать».

...Процесс открылся 3 февраля 1923 г. в Народном доме. Помимо Х. П. Бирича и П. П. Бирич (Ступиной), на скамью подсудимых были усажены капитан дальнего плавания Роман Яковлевич Салатко-Петрище, начальники Наяханского гарнизона Григорий Амосович Ивлев и Александр Леонтьевич Полищук, коммерсант Георгий Георгиевич Бек, офицеры Василий Александрович Кулий, Степан Григорьевич Стрепетиллов, Казимир Николаевич Маковецкий, юнкер Николай Михайлович Федорин, механик Василий Архипович Сутурин и кочегар посыльного судна «Свирь» Илья Антонович Кочанов. Они предстали перед судом революционного военного трибунала 1-й Забайкальской стрелковой дивизии 5-й краснознамённой армии (председательствующий глава армейского РВТ Беркутов, члены: председатель ревтрибунала N-ской части дивизии Матрон, особист Вартман, секретарь

Бронка). Общественное обвинение поддерживал начальник рабоче-крестьянской милиции г. Владивостока Воскобойников. За особым столом между обвинителем и подсудимыми расположились защитники судебные поверенные Галка, Носырь, Преображенский и Рухлядев.

До них дошла очередь 7 февраля, в последний день процесса. Первым выступил Галка. Он обратил внимание суда на слишком вольное обращение с фактами, добытыми судебным следствием, которое допустил обвинитель при квалификации преступлений подсудимых, в частности, Хрисанфа Бирича и его жены. Цитата из сочинения Дорошевича «Сахалин», характеризующая, по мнению обвинителя, Бирича, не является таковой, «это сочинение фельетонное, и доверия не заслуживает».

Бирич «при недостаточном образовании и развитии, не мог разобраться в политических вопросах. Отбыв каторгу на Сахалине, он занялся там рыболовством и имел ограниченное представление о политических событиях. В деле есть указания, что истинным инициатором экспедиции был Апполон Николаевич Кругликов, бывший товарищ министра при медведевском правительстве и член народного собрания при Меркуловых. Об этой экспедиции возникла мысль и у Бочкарёва... и для осуществления её он обратился к Кругликову, желая придать своей грабительской затее приличный вид. В гостинице “Версаль” Кругликов в присутствии Бирича развивал план северной экспедиции, организация которой прикрывалась авторитетом народного собрания. Бирич виноват в том, что не уклонился от участия в этой экспедиции».

Бирич по приезду на Камчатку «издаёт приказ о прекращении всякого рода реквизиций, и это послужило причиной раздора между ним и Бочкарёвым... Деятельность Бирича в Петропавловске была полезна, ибо без его сопротивления Полякову было бы ещё хуже. У торговца Свенсона Бирич отбирает подписку не перевозить оружие и военные отряды... с Биричем стало легче жить в Петропавловске».

Коснувшись ареста А. И. Бабкина-Байкалова, защитник сослался на документ в деле, указывающий на его службу в меркуловской контрразведке, и заявил, что в силу этого названный гражданин «не мог быть “товарищем”» по партии обвинителя, «как последний, вероятно, по ошибке назвал его в своей речи». Арест делегата Рябикова возмутителен, но не более, так как со стороны Бирича насилия допущено не было. Галка напомнил суду: во всех пятнадцати случаях арестов Бирич относился к взятым под

стражу гуманно и даже помог бежать двум жёнам партизан. В продаже пушнины с Командорских островов защитник усмотрел торговую сделку, и только, ведь деньги за неё пошли на содержание казачьего отряда, расквартированного в Петропавловске. «Наказание в революционном суде рабоче-крестьянского правительства является не мерой возмездия, а обороны, — сказал в заключение адвокат, — шестидесятипятилетний старик Бирич не может быть опасен для дела революции, а поэтому я прошу суд о снисхождении к нему».

По мнению Галка, состава преступления в болтовне Пелагеи Бирич нет, привлекать её к ответственности по 64 ст. УК РСФСР не за что.

Рухлядев подчеркивал исключительно коммерческий характер деятельности Г. Г. Бека. Напомнил присутствующим о том, что его подзащитный пытался снарядить торговую экспедицию на Камчатку ещё в 1920 г., намекая на переговоры в этой связи с комиссаром И. Кларком, о которых упоминал Бек. «Знакомство с Бочкарёвым, конечно, его компрометирует, ему, как коммерсанту, было лестно заявить о дружеских отношениях с властью. Бек ничего не знал о секретном намерении Полякова перевозить с его караваном пушку Гочкиса, о чём писал Поляков Биричу... Бирич разрешил экспедицию Беку при условии внесения залога в 10 тыс. руб., как гарантии, что его экспедиция не будет заниматься грабежом...»

Преображенский защищал пятерых подсудимых. Он доказывал непричастность к убийству пленных на «Свири» в 1921 г. Салатко-Петрище, Маковецкого и Федорина (то же самое делал в отношении Кочанова судебный поверенный Рухлядев), а по поводу обвинений в адрес Ивлева и Полищука удивился: «Почему же Ивлев не принял участия в перевороте против Бочкарёва?.. На это скажу я, что переворот был совершён в Гижиге (неточность. — В. П.), а подсудимый Ивлев в это время находился в 120 верстах от Гижиги — Наяхане».

Полищуку обвинитель вменил в вину участие в бочкарёвском суде и расстреле лиц, которым был вынесен смертный приговор. Бочкарёв восстановил свою власть особым отрядом. И, конечно, тот, кто восстановил «болярина Валериана», тот и карал, и расстреливал приговорённых.

Речь судебного поверенного Носаря была довольно пространной. «Мне досталась роль перевернуть последнюю страницу капитальнейшего тома, которому название “русская революция”.

г. Петропавловскъ и К.

Если этап революции не пройден, то с восстановлением красного флага во Владивостоке гражданская борьба закончилась. Это положение является основой моей защиты. Возбуждённая стихия, прорвав проволочные заграждения, залила всю страну. Пока факелом новых идей революционные массы опрокинули старое и докатились сюда. Контрреволюция в первое время ухватилась за крупные лозунги и за “Борьбу за учредительное собрание”.

И во что контрреволюция вылилась здесь. Ничтожное безграмотное и разбойничье меркуловское правительство. Если не процесс Бирича, то о меркуловском правительстве не пришлось бы говорить совсем как о правительстве. Меркуловское правительство нуждалось в деньгах. Японцы за рыбалки не платили. Чтобы получить деньги, была отправлена экспедиция. Японцы за рыбалки внесли деньги. Для экспедиции нужны были специалисты. Бирич хорошо знал Камчатку... Биричу инкриминируется: приказ о заложниках, приказ об аресте советских работников. Я ни в коей мере не могу оправдать приказа о заложниках. Но приказ был ли угрозой или чем другим? Приказ о заложниках был только угрозой бессильной власти. Приказы об арестах были, но они производились для показа, что существует гражданское управление, без которого была такая вакханалия, какой бы позавидовал сам Махно.

Биричу неоднократно угрожала смерть от Полякова. И как только был просвет, он освобождал всех арестованных. Меркуловы бросили Бирича на север, и по приезде во Владивосток он привлекается за недостаточную борьбу с большевиками. Бирич обвиняется в корыстных целях: первый момент о продаже командорской пушнины и второй момент — показания свидетеля: “Бирич, прибыв в Петропавловск, был без всякого багажа, уезжал же со множеством сундуков”. Корыстная цель не доказана. Бирич простой обыватель, попавший не на своё место... Я прошу трибунал уйти от лишних смертей. На мою спину не упал ещё ни один смертный приговор, и я не хотел бы смертные приговоры начинать с трибунала».

После выступлений защиты обвиняемым было предоставлено последнее слово.

Х. П. Бирич: «Я во всю свою долгую жизнь встречался со многими людьми, почти все они хорошего мнения обо мне. Я никогда не совершал ничего уголовного и состояние нажил личным честным трудом. Поэтому в перед ревтрибуналом ходатайствую о помиловании».

П. П. Бирич: «Прошу о полном помиловании меня».

Г. Г. Бек: «Я во Владивостоке живу с 1908 г. Коренные жители меня хорошо знают. В конвое, который меня ежедневно сопровождает в тюрьму, я встретил солдата, который вместе со мной служил в конвое у Хорвата. Только суд осветил действия бочкарёвского отряда. До этого все и я меркуловским правительством были обмануты. Они фабриковали радиосообщения. Если бы я знал, что из себя представляет бочкарёвская экспедиция, то я бы за тысячу вёрст объезжал пункты, занятые бочкарёвцами. Я никакого капитала не имел и не имею. До германской войны я был представителем крупной немецкой фирмы.

В 1917 г. здесь была советская власть, я был в продовольственном комитете. Соловьёв и другие скажут Вам, как мне единолично доверяли перевозить в Манчжурию суммы 900 000 руб. романовскими. Тогда курс был хороший. Если ревтрибунал вынесет высшую меру наказания, то я прошу выяснить этот факт, чтобы оставшиеся после меня жена и дочь не считались женой и дочерью авантюриста. В германскую войну я был на фронте и получил Георгиевское отличие. В гражданской войне не сражался и был в конвое генерала Хорвата, бывшем как бы инвалидным командой».

И. А. Кочанов: «Я работаю физическим трудом семнадцать лет и не ренегат рабочего класса. В гражданской войне я не принимал никакого участия».

В. А. Сутурин: «Прошу вынести соответствующий приговор».

Р. Я. Салатко-Петрище: «В никаких смертях я не виновен и уголовщины за собой не чувствую. Поэтому прошу ревтрибунал вынести полное оправдание».

В. А. Кулий: «Здесь присутствует много моих бывших сослуживцев, и я в их присутствии заявляю, что я использовал всё возможное, чтобы предотвратить бочкарёвские безобразия».

Г. А. Ивлев: «Я никогда контрреволюционером не был. У меня есть революционное прошлое, но не буду говорить о нём. В отряд Бочкарёва я был мобилизован. За десять месяцев моего пребывания в отряде Бочкарёва я пережил столько, сколько не переживаю даже тут, на скамье подсудимых. Ради своей семьи мне пришлось быть угнетённым. Что приходилось переживать. Я ушёл в себя, и был замкнут. Большой ценой мне удалось вырваться от Бочкарёва. Я учил своего маленького ребёнка, и он подходил к Бочкарёву и говорил “отпусти папу”. Жена симулировала болезнь и т. д. Наконец, в августе удалось вырваться. В Японии я узнал,

что во Владивостоке объявился Дитерихс, мобилизует и открывает фронт против советских войск. Я знал, что на Приморском фронте в советских войсках сражается мой родной брат. Я задержался. 8 ноября я с открытой душой отправился в красный Владивосток, чтобы отдать свои силы для укрепления власти рабочих и крестьян. Я обращаюсь к трибуналу с тем, чтобы он судил меня так, как нужно».

А. Л. Полищук: «В предъявленном обвинении виновным себя не считаю, так свидетель Буткевич дал ложные показания, что оставляю на его совести. Если бы я имел что-нибудь за собой, то я не поехал бы во Владивосток».

Один из основных свидетелей на процессе И. П. Буткевич, который с 1920 по 17 мая 1922 г. заведовал Гижигинским промыслом от Управления рыбными и морскими звериными промыслами, в заявлении начальнику секретно-оперативной части Приморского ГПУ писал: «Священнику местной церкви было приказано молиться богу за Боярина Валериана и его супругу Орриду. Местные жители рассказывают, что однажды во время кутежа дикая мысль пришла в голову Бочкарёву, он задумал в дикой и пустынной местности Таватама, расположенной в трехстах верстах от Гижиги, построить город в течение одной зимы. Сейчас же, нанюхавшись кокаину, один из его сатрапов смастерил план города. “Тут вы найдёте улицу Бочкарёва и Кадетский корпус и Военную гимназию и прочее”. Мигом население было загнано рубить лес в Таватаму. Было срублено около пяти тысяч пней в лесу, поломаны почти все топоры, пилы, искалечено и запорото несколько человек, и на этом постройка города приостановлена.

Вскоре после этого Бочкарёвым была задумана постройка грандиозной шхуны. На это испорчено всё железо, находившееся в Гижигинском продскладе казённом, и много там весьма ценного материала, и тоже замучено несколько человек. На этом шхуна и стала...»

После того, как сгорела штаб-квартира В. И. Бочкарёва в Наяхане, и он переехал в Гижигу, где вместо Ивлева начальником гарнизона поставили Полищука, говорилось в заявлении И. П. Буткевича, «снова был задуман дом четы Бочкарёва, израсходован был казённый лес, предназначенный для радиотелеграфа, а дом и так остался в начальной стадии постройки». Понимая, что следствию требуются более «выигрышные факты», гражданин Буткевич находит и таковые. «Много случаев было изнасилования подrostков-девушек сатрапами, были случаи, когда гижигинцу предписывалось выдавать свою дочь в сожительство бандиту или

любящим супругам друг друга разойтись, так как с женой желает жить кто-нибудь из бандитов. По словам местного фельдшера-венерика, с приходом бандитов венерических заболеваний очень много увеличилось...»

Политический процесс во Владивостоке продолжался пять дней. Никто из подсудимых вину по предъявленным обвинениям не признал. Вечером 7 февраля 1923 г. трибунал, просоветовавшись более двух часов, объявил приговор: Бирича (ст. 64 УК РСФСР), Бека (ст. 58), Салатко-Петрище, Полищука, Ивлева и Кулия (ст. 60) расстрелять; всех осуждённых лишить избирательных прав на пять лет с конфискацией всего принадлежащего им имущества; на основании постановления ВЦИК об амнистии Ивлеву наказание заменить лишением свободы сроком на десять лет (в деле есть указание на его освобождение из заключения 19 апреля 1925 г.); Маковецкого, Федорина, Стрепетилова, Сатурина, Кочанова и Пелагею Бирич — оправдать.

9 февраля 1923 г. владивостокская газета «Голос Родины» выступила со статьёй «С процесса Бирича. Впечатления». Автор публикации Спектатор (фамилия или псевдоним?) утверждал: «Монархисты России всегда и везде кричали, тогда, когда они, как Дубровин, получали за это деньги из государственного сундука, когда эта монархическая политика давала им средства и вкус жизни. Но стоило разразиться февральской революции, чтобы эти “миллионы” из союза “русского народа” исчезли, как дым в вихре революционной грозы, и ни один из стана “славных монархических орлов” в течение всего 1917 г. не посмел или не захотел шевельнуть пальцем во имя спасения своего недавнего повелителя, ни один из титулованных монархистов не осмелился на подвиг, ни один из тех, коими тогда богата история монархии и их падения на Западе. Русский монархизм тогда явно показал, что он заживо сгнил, погиб в сознании самих же монархистов.

Так было в первые дни нашей революции. Пришла контрреволюция. Возникла в Приморье мысль гавальнизировать этот разложившийся труп монархической идеи, созываются люди, посылаются телеграммы в Данию о преданности и готовности “лечь костьми”, посылаются экспедиции. Словом, казалось... оживляют идею монархии. Но эта картина для всякого наблюдателя была лишь сплошной бутафорией — из тех “потёмкинских призрачно-декоративных деревень”, которые разбивались и превращались в жалкий картон при ближайшем рассмотрении. Монархисты Приморья, как и Монархисты всей вообще России, пытались из мо-

нархизма лишь делать карьеру, составить или умножить своё благосостояние, попасть в “фавор”, но не более того.

Не ищите в них и тени внутреннего сознания своей правоты, идейного подъёма, при котором человек идёт и на самую казнь с высоко поднятой над палачами и толпой головой. Нет идеологии, нет подвига и бестрепетного сознания превосходства и внутренней правоты. Сгнившее на корню дерево монархизма не дало в Приморье отпрыска, была одна гниль, фальшь, своекорыстие и безумный разгул дегенеративных развращённых потерявших человеческий облик людей, топивших совесть в винных парах».

Материалы владивостокской печати о процессе Х. П. Бирича и др. хранились в одном из фондов Центра документации новейшей истории Камчатской области (ЦДНИКО). Копия с них была снята по просьбе секретаря обкома по идеологии Л. Т. Иванова и передана ему лично 3 августа 1961 г.

Чтобы выяснить, реабилитирован ли главный обвиняемый и где его дело, я сделал запрос в прокуратуру Приморского края. Оттуда запрос переслали «по поднадзорности» в военную прокуратуру Тихоокеанского флота, сообщив заявителю, что Бирич расстрелян в 22 часа 20 минут 22 февраля 1923 г., а дело находится в УФСБ по Приморскому краю. В апреле 1996 г., через полтора месяца после начала переписки по реабилитации бывшего особоуполномоченного, пришёл ответ из военной прокуратуры: Бирич осуждён за совершённые преступления, реабилитация к нему и к остальным участникам процесса не применялась.

Как раз в то время ЦДНИКО принимал от регионального отделения ФСБ архивные уголовные дела жертв политических репрессий; сотрудник, передававший их нам, помог получить из Владивостока во временное пользование два тома следственных материалов «камчатской экспедиции». Они поступили в конце 1996 г. и находились в моём рабочем кабинете несколько месяцев. Какие новые данные об участниках процесса 1923 г. содержались в этих документах?

Х. П. Бирич (в дополнение к опубликованному в вып. 1 «Вопросов истории Камчатки») имел пять или шесть домов во Владивостоке, жил доходом с них. Обитал на даче в Седанке, где были надворные постройки и земельный участок. Обслуживающий персонал: дворник Иван Габриэлович Лискус, садовник Иосиф Иванович Киселевский, кухарка Мария Семёновна Рутчева и чета Арефьевых (Александр Васильевич пятидесяти двух и Надежда Александровна тридцати восьми лет) с тремя детьми — без указания

рода занятий. Жене Бирича, купчихе 2-й гильдии, было на момент процесса пятьдесят лет. Среднее образование получила в Патриотическом училище («рукоделие»). На допросе 31 декабря 1922 г. Пелагея Петровна призналась, что ещё на «Кишинёве», когда оба парохода шли в Охотск, были столкновения с Бочкарёвым. Он «придирался и издевался надо мной и мужем. Я прямо заявила Бочкарёву, что с таким человеком говорить не желаю». Высказалась она и по поводу наветов: «Больше всего, я думаю... показания на меня и, особенно, на мужа основаны на злобе», приведя пример с Бойко, который просил денег на возвращение во Владивосток, а Хрисанф Платонович не дал, и он сильно обиделся и грозился отомстить».

Подполковник инженерных войск А. Л. Полищук, тридцать один год. Родился в Киеве. В Первую мировую — фронтовой офицер. В начале 1918 г. уволился со службы, в Самаре «занимался уроками». Потом — Оренбург, Омск, где был мобилизован в колчаковскую армию. Затем — авиашкола, с которой эвакуировался на Дальний Восток. В 1920 г. подался в коммерцию... Супруге двадцать один год. Детей нет.

Капитан 2-го ранга Г. А. Ивлев — из крестьян Енисейского уезда — на год старше Полищука. Окончил училище дальнего плавания и Морской корпус. Во время германской войны плавал на судах Сибирской флотилии мичманом и лейтенантом, на миноносце «Тревожный» — старшим офицером, на «Орле» — старшим штурманским офицером. Весной 1917 г. командой «Тревожного» избран командиром корабля. На миноносце «Грозный» прибыл в Гонконг, откуда, по словам самого Ивлева, выслан англичанами «как сочувствующий большевикам». В 1918 г., до выступления чехословаков, в должности начальника оперативной части Центрокома Сибфлота, за что арестован, но отпущен. Служил в Добровольном флоте и в частной конторе Люри-Стахеева. Второй арест при Колчаке и снова освобождён. Ивлев уверял, что после майского переворота 1921 г. его уволили из управления рыбных промыслов, опять же, за большевистские убеждения. Женат. Двое детей. Недвижимость отсутствует.

Капитан К. Н. Маковецкий. Ровесник Полищука. Вероисповедания римско-католического. Из мещан Гродненской губернии. Сын адвоката. Выпускник Петербургского университета. В 1911—1914 гг. учился в Англии и Америке. Первую мировую войну начинал рядовым лейб-гвардейского Семёновского полка. В 1915 г. окончил школу прапорщиков, на фронте вырос до ротного коман-

дира. Воевал против немцев и австрийцев до сентября 1917 г. Дважды ранен плюс «отравление газами». Награждён орденами Св. Георгия и Владимира 4-й степени, Анны — 3-й, 2-й и 4-й степеней, Станислава 2-й и 3-й. Имеет сербский орден Белого орла и английский Белый крест, оба — 4-й степени. Произведён в потомственное дворянство.

В январе 1918 г. на станции Манчжурия снят с поезда атаманом Семёновым. За нежелание воевать приговорён к четырем годам тюрьмы. Под стражей провёл шесть месяцев. В конце 1918 г. отправлен солдатом в Верхнеудинск. При отступлении его батальон разбежался, а он сам поехал в «полосу отчуждения» на КВЖД. До 1920 г. «проживал деньги, полученные у Семёнова». Двинулся во Владивосток, чтобы вместе с поляками выехать на родину. «Поступил в экспедицию добровольно, но не на такую должность, которая сопряжена с военными действиями — именно заведующим оркестром... мы (музыканты) никакого участия в высадках и десантах не принимали. Так как сформировать оркестр не удалось за неимением инструментов, то я был прикомандирован на должность комендантского адъютанта. К политическим делам никакого отношения не имел».

Р. Я. Салатко-Петрище, поручик по Адмиралтейству, родился 14 февраля 1885 г. Образование: шесть классов реального училища и Морское училище дальнего плавания под Ригой. В 1904 г. вольноопределяющийся 41-го артиллерийского батальона в Витебске. На германском фронте воевал в составе 43-го железнодорожного батальона. В 1918—1920 гг. старший помощник капитана парохода «Эльдорадо».

Торговый служащий Г. Г. Бек, сорок четыре года. Воинское звание прапорщик. Дворянин Калужской губернии (имение Норонки, селение Дерново Нежинского уезда). Окончил гимназию экстерном. До 1914 г. доверенный фирм «Ралле» и «Эрмилл» в Москве. В германскую войну на Северном фронте в Александровском гусарском полку. По демобилизации после октября 1917 г. служил в продовольственных комитетах Москвы и Владивостока. Мобилизован при Колчаке. С 1919 г. целиком отдался коммерции.

Напомним, что Г. Г. Бек познакомился с В. И. Бочкарёвым в 1918 г, едучи с ним и его женой в одном купе поезда Харбин-Владивосток. Интерес представляют детали их взаимоотношений и — главное — история «камчатской коммерции» Георгия Георгиевича. По словам Бека, Бочкарёв служил в Петрограде в Комитете флота и устроил себе перевод по этой линии во Владивосток.

Когда по прибытии они встретились вновь, Валериан Иванович отрекомендовался командиром миноносца. В конце 1920 или начале 1921 г. Г. Г. Бек помог жене Бочкарёва, но, оказывается, не просто выручил деньгами, как это часто случается в обиходе. Она не то, что нуждалась — «буквально голодала», потому как муж, служивший у Калмыкова, был арестован в Хабаровске красными. Летом 1921 г. Г. Г. Бек согласился отправиться с отрядом В. И. Бочкарёва в коммерческую поездку на Север. Она сперва показалась ему лёгкой, однако в Харбине выяснилось, что тамошние коммерсанты не доверяют ни Бочкарёву, ни Биричу, ни меркуловскому правительству «и вообще считают время для начала работы не подходящим».

Бек вернулся во Владивосток за несколько дней до начала бочкарёвской одиссеи и сообщил начальнику СЭО, что передумал. Но, тем не менее, при его посредничестве экспедиция приобрела солонину, сахар и прочие продукты. «А так как камчатских денег не было, — вспоминал он, — ...мне была дана доверенность на получение ассигновок и уполномочие для оплаты счетов. Доверие это было вызвано чувством дружбы в помощь жене Бочкарёва, когда он был арестован. Сумма оплаты счетов выражалась около 5 000 руб., что мною и было произведено... В декабре месяце я услышал, что предполагается посылка на Камчатку парохода “Охотск” для доставки продовольствия отряду, причём пароход фрахтует Березовский и у него останется свободный тоннаж. В газетах в то время печатались успокоительные слухи с Камчатки и Севера... Я решился снова попробовать осуществить коммерческую операцию.

Я снесся с моим старым знакомым И. В. Пилецким, директором Товарищества “Китомарус” (китайско-монгольско-русское товарищество в Харбине), и сговорился с ним ехать с их товарами на Камчатку. Товары лежали на складе № 1 Кобэ (Япония), и пароход должен был за ними и за Пилецким зайти. С Березовским был заключён контракт, и пароход должен был тронуться в путь 21 декабря, но в момент отхода, после второго гудка, ко мне подошёл агент милиции и потребовал от имени Правительства высадиться, ибо выезд не разрешён. Я упустил из вида сказать, что казённый груз на пароходе шёл бесплатно, его сопровождали чиновники Правительства Пурин и Добровольский и единственным платным грузом у Березовского был груз “Китомаруса”. Я просил Березовского задержать пароход, пока я объяснюсь с Правительством, причём, если мне не разрешат поездку, то условие с “Кито-

марус” будет расторгнуто, и наш груз не пойдёт. Березовский мне сказал, что тогда и он откажется от этой совершенно не выгодной ему поездки.

Я был принят Спиридоном Меркуловым (глава правительства. — *В. П.*)... Причины моей задержки мне так и не сказали; но после совещания с Николаем Меркуловым разрешение на поездку мне было дано. Этот инцидент навёл меня тогда же на мысль, которая впоследствии укрепилась: что между Меркуловыми и Биричем существует какой-то коммерческий контракт и им совсем нежелательны посторонние торговые работы по Северу. Нагрузив наш товар в Кобэ в количестве около 200 тонн, мы тронулись на Камчатку и благополучно прибыли 21 января 1922 г., где и открыли склад.

В Петропавловске я встретился с моим давним знакомым по Твери (до войны он — тверской помещик) генералом Поляковым, который сообщил по радио о моём приезде Бочкарёву, и таким образом начались мои сношения по радио с Бочкарёвым. Бирич был тогда уже в плохих отношениях с Бочкарёвым и Поляковым, а когда узнал, что Бочкарёв информирует нас о нуждах в продовольствии и передаёт заказ, то и на меня распространил свою неприязнь, и до моего отъезда с Камчатки я всего был у Бирича не более трёх раз. Заказ Бочкарёва для населения Товариществом “Китомарус” был принят условно, ибо срок доставки в Гижигу товаров, в число которых входило 2 000 пудов муки, 100 000 аршин мануфактуры, 2 000 пудов сахара и прочего, был обозначен к 10 июня, а в это время, в феврале, мы безнадёжно стояли во льдах в Петропавловской бухте.

В конце апреля мы, наконец, тронулись в обратный путь. Во время моего пребывания в Петропавловске было выступление красных. Петропавловск был блокирован. Наша торговля шла совсем плохо, хотя две наши экспедиции на собаках вглубь страны (то есть полуострова. — *В. П.*) были пропущены красными. В обороне Петропавловска Бирич передал командование генералу Полякову, но контролировал его сам, и известные мне аресты супруг Ларина и Фролова были произведены приказом Бирича, а не Полякова. Насколько мне известно, в моё пребывание в Петропавловске эксцессов и террора не было. По поводу фирмы “Нихон-Моохи” мне известно следующее: сдача эта была совершенно неожиданной. Ближайший сотрудник Бирича статский советник Соколов и Контролёр Миховский открыто говорили, что это корыстная сделка Бирича. Впротивовес они просили у Пилецкого

товары для снабжения населения Командор с тем, что они пойдут туда сами и, собрав пушнину для казны, впоследствии рассчитаются... но когда Пилецкий пошёл к японскому консулу в Петропавловске, то тот определённо сказал, что никакой пароход неяпонской фирмы не будет пропущен на Командоры и что сделку с “Нихон-Моохи” он считает законной, но готов содействовать, чтобы часть потребных для командор товаров была куплена у Товарищества “Китомарус” фирмой “Нихон-Моохи”».

Во Владивосток «Охотск» с Пуриным, Добровольским, Пилецким и Беком пришёл в первой половине мая. Пилецкий сразу же уехал в Харбин. А Георгия Георгиевича вызвал Н. Д. Меркулов и запретил ему «работать над новой товарной экспедицией», пригрозив, в противном случае, арестом. Меркулов сказал, что этим занимается правительство. Вскоре Беку стало известно о переговорах Н. Д. Меркулова и частных лиц по поводу снабжения Севера с использованием его информации. Он «подал докладную записку, указывая на нецелесообразность... запрещения, в то время как японцы и американцы работают свободно на Севере, не платя правительству никаких сборов». Вместо ответа коммерсант получил сведения о готовящемся аресте и последовал за Пилецким...

В. А. Кулий, прапорщик по Адмиралтейству. Родился в 1892 г. в г. Ровно на Волыни. С четырех лет без родителей. Окончил реальное и мореходное училища. До 1912 г. плавал на линии Одесса — Владивосток. На Дальнем Востоке занимался коммерцией и рыболовством. Во время февральского и октябрьского переворотов служил в Сибирской флотилии (Владивосток). Девиз: «Если хочешь жить, то надо учиться и работать». Никогда не состоял ни в каких партиях. Жена и двухлетняя дочь в 1923 г. жили в Шанхае.

«Когда начались безобразия в городе, я ходил к Биричу и предлагал арестовать Полякова и выслать во Владивосток, но он не согласился, — говорил на допросе В. А. Кулий, — об этом узнал Поляков, и меня посадили на гауптвахту, где содержали целый месяц и хотели спустить под лёд. После разрыва Бирича с Поляковым я был освобождён». Кочегар «Свири» Евсеев показал на процессе: «Как-то в Петропавловске Кулий увозил на катере двух арестованных. Когда он возвратился, то арестованных не было, а на корме виднелось кровавое пятно». Подсудимый отвечал, что арестованных отвёз, и они живы и сейчас, кровь же на корме от подстрелянной им птицы. Фамилии арестованных не назывались. Возможно, это были партизанские парламентёры Попов и Яков-

лев, отпущенные в мае 1922 г. и переправленные на противоположную сторону Авачинской губы.

Двадцатичетырехлетний С. Г. Стрепетиллов. Учился в Никольск-Уссурийском реальном и 1-м Киевском военном училищах. С 1916 г. в чине прапорщика воевал с немцами. В феврале 17-го произведён в подпоручики. В марте того же года вступил в РСДРП(б), состоял в ней (и солдатском комитете) до февраля 1918 г. По расформированию стрелкового полка отпущен домой в Никольск-Уссурийский. На станции Манчжурия с ним произошла та же история, что с Маковецким. Служил по мобилизации у Семёнова младшим офицером сапёрной роты с мая 1918 г. «до эвакуации Забайкалья» в декабре 1920 г. В Гродеково уволился по личному желанию. Жил на заимке сестры около станции Шкотово. В августе 1921 г. добровольно вступил в отряд есаула В. И. Бочкарёва. В Охотске — в команде связи. В декабре того же года назначен командиром этой команды. В октябре 1922 г. выехал на «Томске» во Владивосток. На следствии заявил о сочувствии РКП.

Крайне мало сведений о судовом механике В. А. Сутурине. Возраст двадцать пять лет. Из забайкальских крестьян. Тоже реальное училище (Благовещенск). Холост. Беспартийный.

Самым молодым — двадцать один год — среди обвиняемых был крестьянский сын Н. М. Федорин. Не доучившись в Харбинском коммерческом училище, он бежал в Сибирь, поступил в Читинское юнкерское «Имени атамана Семёнова» училище, но бросил и его, уехал к брату во Владивосток. Там в апреле 1921 г., рассказывал он, устроился в Общественном собрании контролёром при лото. В майском перевороте не участвовал, хотя подбивали знакомые юнкера, в том числе Семён Бирич-младший и впоследствии убитый Антонович. Они заверяли Федорина в личной безопасности, ссылаясь на имевшиеся у них «записки от японцев». Вступить в СЭО его уговорил тот же Бирич. Зачем отправляются казаки на Север, Федорин не знал, слышал, что для спасения Родины и сохранения Камчатки за Россией. «Среди нас был слух, что Советская Россия продаёт Камчатку Америке... Я тайно от брата явился на «Кишинёв», где был принят в отряд капитаном Грундульсом в качестве рядового-юнкера».

Илья Антонович Качанов родился в Тверской губернии в 1887 г. Образование имел домашнее. Плавал на речных (по Амуру) и морских судах. Человек семейный, четверо детей.

...Переписка по пересмотру результатов процесса 1923 г. заняла несколько лет. Проблема сильно осложнилась после заключения

Военной прокуратуры ТОФ 29 октября 1999 г. о признании приговора военно-революционного трибунала обоснованным, а осуждённых не подлежащими реабилитации. Дело сдвинулось с мёртвой точки после моего письма (15 марта 2001 г.) Генеральному прокурору Российской Федерации В. В. Устинову. «Ознакомившись с помощью УФСБ по Приморскому краю с архивно-следственным делом № ПУ-7648 на Бирича Х. П. и других участников экспедиции 1921 г. в Охотско-Камчатский край, Центр пришёл к выводу: виновность всех осуждённых по этому делу... не доказана, а сам процесс устроен в угоду политической конъюнктуре того времени».

Что касается особоуполномоченного, мои аргументы, по сути, не отличались от аргументов его адвоката. При внимательном изучении дела № ПУ-7648, подчеркнул я, можно обнаружить данные, свидетельствующие об обратном: «Бирич Х. П., как бывший камчатский рыбопромышленник, хорошо знающий край, проявлял заботу о нуждах населения, особенно в социально-экономической сфере, а его приказы с угрозами в адрес красных партизан-террористов имели цель помешать дестабилизации обстановки в области и успокоить мирных граждан, которых партизаны пытались всеми силами втянуть в конфликт с властями».

С ходатайством о реабилитации Х. П. Бирича и его поделельников, говорилось далее в письме, ЦДНИКО 31 января 2001 г. обратился в Главную военную прокуратуру, но та, сославшись на «неподнадзорность», отфутболила ходатайство «в Прокуратуру Приморского края г. Хабаровск» (курсив мой. — В. П.).

«Решили написать Вам, чтобы узнать, кто же на самом деле должен рассматривать наше ходатайство и будет ли оно рассмотрено объективно, на основании досконального изучения дела, в соответствии с Законами РСФСР и Российской Федерации о жертвах политических репрессий и их реабилитации».

4 апреля 2001 г. аналогичный текст был направлен прокурору Приморского края. Примерно в то же время мой адресат получил бумагу из Генеральной прокуратуры: «Направляю для рассмотрения обращение о реабилитации Бирича Х. П. с учётом указания Генпрокурора РФ от 6. 03. 01 № 12/13 “Об организации работы по исполнению Закона РФ «О реабилитации жертв политических репрессий»”. О принятом решении прошу уведомить заявителя... Прокурор отдела реабилитации жертв политических репрессий Т. В. Вдовина».

17 мая 2001 г. Приморский прокурор переслал все материалы по делу Бирича и других в военную прокуратуру Тихоокеанского

флота, указав при этом на её заключение от 29 октября 1999 г. об обоснованности приговора 1923 г., в связи с чем «прокуратурой Приморского края обращение Пустовит В. П. не может быть разрешено по существу».

Итак, всё возвратилось «на круги своя». Поскольку судебнo-прокурорская машина редко когда даёт обратный ход, шансов на благоприятный исход дела было мало. Но, видимо, всё же сработали те несколько столичных строк, под которыми стояла подпись «Т. В. Вдовина». 7 августа 2001 г., разбирая служебную корреспонденцию, я вскрыл конверт с владивостокским штемпелем и с волнением прочитал: «Начальнику ОРАФ УФСБ РФ по Приморскому краю подполковнику Воловатову В. А... Директору ЦДНИКО Пустовит В. П. г. Петропавловск-Камчатский ул. Ленинская, 52 (для сведения). По миновании надобности возвращаю архивное уголовное дело № ПУ-7648 в отношении Бирича Х. П. и других. По делу составлены заключения и справки о реабилитации всех осуждённых. Приложение: архивное уголовное дело в двух томах, заключение на двух листах, справки о реабилитации на шести листах, всё только в первый адрес. Старший помощник военного прокурора ТОФ подполковник юстиции В. П. Куц».

Месяц спустя по моему запросу поступили копии реабилитационных документов. В заключении по делу от 26 июля 2001 г. говорилось: «Кулий, Ивлев, Полищук, Салатко-Петрище, Бек и Бирич осуждены необоснованно. В ходе предварительного и судебного следствия не добыто достаточно доказательств: организации Беком в контрреволюционных целях вооружённых восстаний или вторжения на советскую территорию вооружённых отрядов или банд, а равно о участии его в попытке в тех же целях захватить власть в центре и на местах или насильственно оторгнуть от РСФСР какую-либо часть её территории; организации Биричем в контрреволюционных целях террористических актов, направленных на представителей Советской власти или деятелей рабоче-крестьянских организаций; участия Кулия, Ивлева, Полищука, Салатко-Петрище в организации, созданной Беком. Изложенное свидетельствует о необоснованности отказа всем осуждённым в реабилитации».

В связи с тем, что Кулий, Ивлев, Полищук, Салатко-Петрище, Бек и Бирич были необоснованно осуждены за государственные преступления по политическим мотивам, на основании статьи 3-й Закона «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. они подлежат реабилитации».

ОСКОЛКИ ОСКОЛКОВ

В 1932 г., привлечённый по ст. 58-10 УК РСФСР за контрреволюционную пропаганду и агитацию, Е. А. Колмаков вспоминал о событиях десятилетней давности: «В момент отъезда с г. Петропавловска отряда Бочкарёва ко мне в городскую управу зашли пять или шесть бочкарёвцев с заявлением, что они хотят сдатьсь и остаться в г. Петропавловске. Фамилии бочкарёвцев... за исключением Прыткова, я не помню. Пришедшим бочкарёвцам я предложил прийти вечером в Народный дом, где на собрании граждан г. Петропавловска можно будет разрешить и их заявление.

1 ноября 1922 г. (а точнее, 2-го вечером. — *В. П.*) в Народном доме было городское общее собрание, куда пришли шесть бочкарёвцев, среди них был Прытков, вооружённые винтовками и гранатами, сложив своё оружие на клубную сцену, заявили собранию о том, что они отстали от отряда бочкарёвцев и хотят сдатьсь в штаб красных партизан, которого ещё не было в Петропавловске, но... ожидали со дня на день. Забрав оружие пришедших бочкарёвцев, на основании решения собрания, предложили им до прихода партизан жить в школе на озере».

«Камчатский листок», выпускаемый городским самоуправлением, отметил два происшествия 5 ноября 1922 г. Первое: «Во время охоты на нерп у Светлого ключика житель с. Сероглазка Иннокентий Косыгин, 16 лет, по неосторожности ранил Василия Черных, 17 лет. По дороге в Петропавловскую больницу Черных скончался». Второе: «Днём и вечером мирный образ жизни и спокойствие граждан нарушал гр. Чужих Андрей, который ходил по улицам в пьяном виде и выражался площадной бранью по адресу некоторых лиц. Ему вторил вой собак на озере». В 1920—1921 гг. Андрей Терентьевич Чужих заседал в Петропавловской городской Думе в качестве кандидата в гласные от компартии и профсоюза служащих и рабочих. И ещё одно происшествие в дни между белыми и красными: «у пристани Добровольного флота было выловлено около десяти берданок без затворов». Оружие предположительно выбросили в бухту солдаты, отъезжая 2 ноября на «Сишане».

6 ноября 1922 г. облнарревком и штаб партизанских отрядов обратились к населению Жупаново и Калыгира с воззванием по поводу ухода белых из Петропавловска. Воззвание содержало призыв «перестроить наши ряды от войны к хозяйству и показать нашим врагам, что мы не только можем говорить, но и мо-

жем действительно работать». 6 ноября в Петропавловске появилась группа разведчиков Н. П. Фролова, громко именуемая в краеведческой литературе «передовым отрядом». Основные партизанские силы вступили в город 10-го. В их составе находились соединившиеся с «сопочниками» усть-камчатские добровольцы (командир Созутов, заместитель Г. Трухин). 18 ноября Дальневосточный революционный комитет создал на Камчатке губернский ревком в составе: И. Е. Ларин (председатель), М. П. Щербаков и В. Д. Богомолов (члены).

К тому времени «ново-старая» власть уже образовала несколько отделов, и первым 11 ноября — юстиции во главе с В. Ц. Пересвет-Солтаном. Ему поручили учредить революционный трибунал «для рассмотрения дел о контрреволюционных и всяких иных деяниях, идущих против завоеваний Октябрьской Революции и направленных к ослаблению силы и авторитета Советской власти». В тот же день начались аресты. Ордера на обыски и изъятие людей выписывал комендант города Н. П. Фролов. В арестном доме очутились руководители Петропавловской Думы и городской Управы, а также граждане Пахомов, Казачук-Иванов, Тренёв, М. Ерохин, Киселёв, Костюков, Н. В. Флетчер.

Аресты производились не только в Петропавловске. В близлежащем селении Сероглазка сторонников соввласти было мало. «Два наших дома — отцовский, Косыгина Николая Иннокентьевича, и деда, Крупенина Ивана Васильевича, где жила Евдокия Ивановна Куро — считались партизанскими», — вспоминала в 1967 г. Н. Шамбарова-Косыгина. «Тётя Дуня увела меня однажды ночью к сеновалу и стала подавать ружья. Я складывала их на землю. А потом Евдокия Ивановна сбрасывала с обрыва в бухту. Долго её моя мать бранила, ведь могла сама погибнуть и меня погубить. Это оружие белые припасли для борьбы с партизанами. По ночам Е. И. Куро и моя мать шили одежду для партизан. Окна наглухо завешивали одеялами. Машину ставили на подушку, я крутила ручку машины. Приходили белые с обыском, но ничего найти не могли». Так ли это было в действительности, выяснить сегодня невозможно.

«В Сероглазке живёт значительная часть казачьего населения, занимающаяся в основном теми же видами хозяйства, что и в других сёлах», — докладывала командированная по деревням в связи с перевыборами в сельсоветы супруга ответственного секретаря Камчатского окрбюро ВКП(б) Н. П. Янковская. «Но ввиду того, что эта деревня является пригородной, она имеет одним

из побочных заработков снабжение города молочными продуктами, ягодами, торбазами, лыжами. Часть населения служит в городе». Завотделом работниц окрбюро Массюк дополняет Янковскую: «Деревня антисоветская, избалована губернаторскими подачками». Оба доклада датированы мартом 1927 г. За три года до этого 6 апреля 1924 г. у партийца Н. С. Понятаева сорвалась в Сероглазке лекция «Российская коммунистическая партия и классы». Председатель селькома объяснял это тем, что народа нет дома: часть в церкви, часть «разъехалась за утками в лес». Жило тогда в селе немногим более ста человек.

2 декабря 1922 г. в 17 часов из областного центра в Сероглазку отправился отряд из двенадцати человек. Командовал им помощник коменданта города В. С. Ревенко, которому поручили произвести арест четырёх «видных сероглазкинских контрреволюционеров»: В. Е. Крупенина, И. М. Дьячкова, Г. Н. Попова и Г. И. Томского. Чуванец Иван Дьячков вместе с русским Василием Крупениным свергал в 1918 г. красную власть в Петропавловске, сторожил в тюрьме совработников. Подпись Григория Никодимовича Попова (тоже сбрасывал Совдеп в 1918-м) в качестве секретаря селькома стоит под протоколом заседания Сероглазкинско-го сельского общества от 21 января 1922 г. «о вредных гражданах нашего селения, которые разводят разную смуту в нашем обществе». Сероглазкинцы считали виновниками всех кляуз и дразг, происходящих с момента революции в их селении, троих: Ираиду Щукину, Василия Ивановича Крупенина (числится в списках красных партизан 1928 г.) и его супругу Евдокию Ивановну, которая «позволила оскорбить председателя сельского комитета, а также конвой при аресте квартирантов» — компаньонов В. И. Крупенина. Жители Сероглазки постановили выдворить оных из селения — «препроводить их в распоряжение областной власти».

В канун 50-летия Великого Октября Евдокия Ивановна Куро-Крупенина была награждена медалью «За боевые заслуги», хотя Петропавловский горком КПСС представлял её к ордену Красной Звезды. В графе сведений о ней говорилось: «1893 г. р., русская, персональная пенсионерка, беспартийная. В 1921—1922 гг. оказывала помощь партизанам Камчатки (передавала продукты, лекарство). В 1921 г. за соучастие с партизанами арестовывалась».

Г. И. Томский попал в «видные контрреволюционеры» скорее всего из-за того, что у него дома собирался сельский сход. Гавриил Иванович подписал его постановление, призывающее партизан не беспокоить и не задерживать жителей Сероглазки.

Когда 2 декабря 1922 г. члены комендантского управления вошли в селение, им навстречу попались П. И. Дудко, И. Щукина и ещё какая-то, неизвестная Ревенко, женщина, её фамилии он не спросил. Партиец с 1920 г., Пётр Иванович Дудко являлся сторонником радикальных мер в отношении противников соввласти. В 1918 г. перед антисоветским переворотом в Петропавловске он высказывался в пользу казни учёного А. А. Пурина, педагога П. Я. Сусляка и их единомышленников.

Встречные предупредили Ревенко о засаде в доме В. Е. Крупнина — мол, она сделана «теми лицами, которые прибыли с моря и к которым вы сейчас идёте». Командир послал партизана Старцева и увязавшегося за ними с самого города гражданина И. Попова узнать, где находится этот дом, а по их возвращении приказал своим людям оцепить его и пока ничего не предпринимать, пускать в ход оружие лишь в крайнем случае, если по отряду станут стрелять. Ревенко с двумя подчинёнными и И. Поповым пошли к председателю селькома. Проходя мимо одного из домов, И. Попов указал на него, говоря, что там живёт Фёдор Попов.

Ревенко постучал. Из-за двери спросили, кто таков. Стучавший назвалсся и услышал: «Ни в коем случае я вам не открою». И. Попов, который стоял с командиром, произнёс: «Пойдёмте, а то как бы он не стал стрелять. Он человек такой». Ревенко сообщил председателю селькома, как встретили их у Ф. Попова, и попросил объяснить засадчикам: если они себе «что-нибудь позволят, то это отразится на всём селении». Потом вместе с председателем и секретарём селькома подошли к дому Г. Н. Попова. Председатель постучал в дверь, сказал, что нужно отряду в селении. Голос с той стороны двери отвечал: «Когда через мой труп переступите, тогда зайдёте в дом». Оставив наблюдение за домом Г. Н. Попова, двинулись к Василию Крупнину. Там сидел И. М. Дьячков. Был произведён обыск в этом доме, а также у Г. И. Томского, где изъяли оружие и патроны.

Оцепив дом Попова, Ревенко послал туда вместе с Крупниным Филоновича и Маркова, а сам остался за оградой «наблюдать за всем движением». Когда постучали в дверь, Попов закричал «во всю глотку»: «Никто не подходи!» Крупнин попросил хозяина подойти к окну. Тот подошёл. Крупнин стал уговаривать его не сопротивляться: дескать, со всеми арестованными разберутся, и ничего им не будет. Г. Н. Попов согласился открыть дверь. Все трое вошли в коридор, но тут же выскочили обратно с криками: «Берегитесь! Убегайте! Он с ружьём сейчас

будет стрелять». Ревенко видел, как следом за ними выскочил Попов, держа в правой руке ружьё. «Сделано два выстрела с нашей стороны, — описывал дальнейшее в своём рапорте В. С. Ревенко, — в это время выскочил отец его из дома, схватил ружьё и закрыл за собой дверь. Через некоторое время прибежал И. Попов и вскричал: “Старик, сдайся и отдай ружьё!” При этом оказалось, что Г. Н. Попов после двух выстрелов убит наповал, ружьё было взято у старика тов. Филановичем, мною был оставлен военный пост у трупа: произведён обыск, в доме обнаружены патроны 30/30 порохов дроб пули жаканы монтикрита больше ничего не обнаружено... При сём добавляю что мною у арестованных отобрана пушнина ниже следошая: сем штук выдрей, шест штук лисиц красных двадцат шест горностаев две медвежих шкуры две нерпичих шкуры».

Всё это, поступившее на хранение в Сероглазкинский сельком, было, по распоряжению отдела юстиции, 20 декабря сдано в комендантское управление, которое, сославшись на просьбу арестованных, заверило, что передаст, в свою очередь, доверенному фирмы «Фукуда-Гуми».

В документе, направленном комендантом города Н. П. Фроловым в отдел юстиции 5 декабря 1922 г., уточняются обстоятельства смерти Г. Н. Попова. «...Попов с заряженным винчестером в руках хотел выйти на улицу тогда по распоряжению командира отряда было сделано два выстрела из револьвера, которыми убит на повал враг трудового народа. Мною сделано распоряжение сельским властям труп предать земле». 12 декабря Г. И. Томского освободили под подписку о невыезде, а через пару дней разрешили выехать на охоту. А. И. Томская (его жена?) и И. И. Щукина фигурируют в документах 1926 г. Им было поручено созвать 12 марта общее собрание женщин Сероглазки для обсуждения их участия в избирательной кампании по выборам в сельский Совет.

И. М. Дьячков, как и Томский, в 1922 г. долго не задержался в арестном помещении. Но в 1933 г. сел на девять месяцев как пьяница, а в 1938 г. расстрелян за принадлежность к контрреволюционной организации «Автономная Камчатка». Ранее такое же обвинение было предъявлено работнику облсуда Евгению Павловичу Мильскому. Свидетель Ф. Белай показал: «В период разгула банд Бирича и Семёнова (?! — В. П.) на Камчатке много красных партизан было репрессировано и заключено под стражу на пароход “Свирь”, вместе с ними был заключён и Мильский. Заключение последнего было для нас с первых дней непонятным, потом

стало ясно, что Мильский посажен для провокации среди партизан. Мильский от своего имени посылал некоторых лиц из команды парохода “Свирь” с предложением принять патроны, якобы он оказывал помощь партизанам. Но на самом деле он хотел зверской расправы с партизанами. Провокация не удалась, и Мильский был освобождён, это бросилось в глаза, что к нему стали на попойки приходить офицеры». Его супруга Ираида Щукина заявила чекистам, что он израсходовал на свои нужды деньги, которые дали ей красные партизаны на закупку продуктов, не пошевелил пальцем, чтобы добиться освобождения Рябикова, и вообще являлся провокатором. Мильский разделил участь Дьячкова, опередив его лишь на несколько лет.

1 декабря 1922 г., накануне сероглазкинских арестов, в облнарревком поступила бумага от коменданта Н. П. Фролова. «На Ваше отношение от 23 ноября с. г. за № 856 доношу, по имеющимся сведениям гражданин Байкалов вместе с товарищем Рябиковым был осуждён военно-полевым судом на пароходе “Свирь” к смертной казни. Для приведения в исполнение приговора белобандитами был распущен слух, что их отправят во Владивосток, но, как известно, они были разстелены здесь в Петропавловске и выброшены в Авачинскую бухту, а относительно Бунина ничего не известно».

23 декабря 1922 г. В. Д. Богомоллов докладывал М. П. Вольскому: «...по всей Камчатской области имеется семь партизанских отрядов, из них два находятся в Петропавловске, один в Тигиле, один в Хайрюзово, один в Утхолоке, один в Ковране и один в Усть-Камчатске. В Петропавловске — отряд губревкома в количестве 67 чел., командир отряда Богомоллов, его заместитель Метальников. В отряде состоят: приезжих — 51, местных — 4, корейцев — 12. Вооружение: винтовок — 8 штук, винчестеров калибра 30/30 — 30 штук, винчестеров 30/40 — 29 штук. Всего 67 штук. Снаряжение: патронов у каждого по 100 штук, вещевые мешки, подсумки и патронташи имеются не у каждого. Обмундирование: казённое невоенного образца, качество среднее, к походу негодное. Довольствие: казённое, паёк солдатский мирного времени.

Первый Усть-Камчатский экспедиционный отряд: командир отряда Созутов, его заместитель Трухин Григорий, численность 46 человек: приезжих — 19, местных — 18, корейцев — 9. Вооружение: винтовок 6 шт., винчестеров калибра 30/30 — 32 шт., винчестеров калибра 30/40 — 8 штук. Всего 46 штук. Снаряжение: патронов у каждого по 100 шт., подсумки и патронташи имеются

не у каждого. Обмундирование: казённое невоенного образца, качество среднее, к походу непригодное. Довольствие: казённое, паёк солдатский мирного времени...

Тигильский отряд — 65 человек, командир Юшин, местный житель. Весь отряд состоит из местных жителей... Вооружение, снаряжение, обмундирование и довольствие собственное. Хайрюзовский отряд, численность его неизвестна. Командир отряда Писня (приезжий). Весь отряд состоит из местных жителей. Вооружение, обмундирование и довольствие отряда собственное». То же самое сообщал Богомолов об Утхолокском и Ковранском отрядах: командиры Суздалов и Притчин приезжие, а отрядники местные, о количественном составе того и другого сведений нет. Численность отряда Яворского, где все «на чисто добровольческих началах», была известна: около шестидесяти человек. В докладной особо оговаривается, что люди Яворского «всё время... под наблюдением уполномоченного губревкома Лукашевского».

Ревотряд губревкома поблагодарил П. Т. Косицину «за пожертвованный ею труд на пошивку разного белья товарищам отрядникам». К 1 февраля 1923 г. в адрес Камчатского губревкома на нужды ревотрядов поступило много всяких вещей от разных организаций. Ключевской женский комитет прислал четыре пары стёганных прикопыток, оленье шапки, торбаса котиковые, ламутский малахай, дрелёвые кальсоны, ситцевые, фланелевые и триковые рубашки, фельдикосовое бельё, носовые платки, чай кирпичный, папиросы «Канарейка», спички. Толбачинские женщины презентовали безрукавые фуфайки, демисовую тужурку, брюки хаки, триковые жилетки, махровые полотенца. Среди подарков, собранных Крестовским, Камыкским и Харчинским селькомами, были камусные рукавицы, вязанные перчатки и кальсоны, оленье шкуры, носки простые, коровьи и лахтачные подошвы. В посылке из Пузино находилось три аршина чёртовой материи, два горноста, камусные торбаса, чай кирпичный и наличка — 18 йен. Разбирала мешки с присланными вещами и составляла опись комиссия: завпрод В. Чекмарёв (председатель), И. Т. Косицын и Д. Спивак (члены) при старшем милиционере А. Дьячкове.

...Бочкарёвцев, которые не пожелали эвакуироваться с Русской армией, месяца полтора после занятия города партизанами не трогали (за исключением разве что Простокшина). По истечению этого срока Н. П. Фролов предложил старшему рабочему Петропавловской сельхозфермы «в срочном порядке выслать в канцелярию Губернской милиции сегодня же 28 декабря 15 час. всех

белых, оставшихся от черносотенного правительства, находящихся на с/х ферме». Аналогичные распоряжения были отданы Сероглазкинскому и Завойкинскому сельским комитетам. В государственном архиве Камчатского края имеется список этих людей [ГАКК, ф. 16, оп. 1, д. 1, л. 88—88 об.] без обозначения даты. В нём указаны фамилии, имена и отчества «оставшихся военных», на чём прибыли, их чины и место нахождения.

1. Берцалкин Борис Иванович, «Свирь», подхорунжий.
2. Митрофанов Михаил Павлович, «Свирь», солдат.
3. Ишменёв Емельян Павлович, «Свирь», урядник, с. Завойко.
4. Краюшкин Василий Александрович, «Свирь», с. Завойко.
5. Раздобреев Василий Дмитриевич, «Свирь», урядник, ферма.
6. Паначев Михаил, «Свирь», урядник, ферма.
7. Гордеев Филипп, «Свирь», урядник, тюрьма.
8. Вдовин Павел, «Свирь», урядник, тюрьма.
9. Гаученов Фёдор Васильевич, «Свирь», урядник, тюрьма.
10. Вологдин Михаил, «Свирь», урядник, тюрьма.
11. Мальцев Косьма Иванович, «Свирь», ротный писарь, тюрьма.
12. Маковецкий Казимир Николаевич, «Свирь», офицер, тюрьма.
13. Просток(и)шин, «Томск», фельдшер, тюрьма.
14. Оссе Адольф Антонович, «Томск», подхорунжий, портной при ревотряде.
15. Предков Фома Александрович, «Томск», ферма.
16. Брежнев Фед. Фед., «Томск», ферма.
17. Галунов Фёдор, «Свирь», артельщик на Кошке.
18. Зорич Михаил Иванович, («Сишан»?), в Конюхове?
19. Шпорин Сергей Арт., («Сишан»?), с. Завойко.
20. Жилияков Арс. Федот., («Сишан»?), с. Завойко.
21. Светляков Ст. Ив., («Сишан»?), с. Завойко.
22. Бойко, («Сишан»?), на Конюхова.
23. Рыпинский Леонид Константинович, (д. Нимова?).
24. Мехоношин Николай Сергеевич, (д. Нимова?).

«По приходу партизан, — вспоминал Е. А. Колмаков, — Прытков на с/х ферму был послан на работу, остальные были партизанами арестованы, дальнейшую судьбу их не знаю». 6 января 1923 г. губбюро РКП(б) дало указание начальнику ГПУ «закончить в ударном порядке в двухдневный срок все дела содержащихся под стражей белогвардейцев в Петропавловске». В конце декабря в арестный дом приводят Д. М. Бадаха, И. А. Шкляева и А. Я. Чернышёва. Тогда же председатель следственной комиссии ревтрибунала Трухин 2-й просит коменданта города зачислить за ней арестованного

В. И. Гайдамака, что встречал казаков генерала Полякова хлебом-солью.

Родился Василий Илларионович в 1881 г. в украинском селе Великие Бубны в крестьянской семье, писался русским. В армии дослужился до унтер-офицера. На Камчатке с 1909 г. До 1919 г. поставщик печёного хлеба на военные корабли, заходившие в Петропавловский порт. В 1917—1928 гг. смотритель маяка, кладовщик морского ведомства, экспедитор горместхоза. 12 марта 1917 г. избран общим собранием горожан в комиссию по выяснению наличия продуктов первой необходимости, один из ревизоров полицейского управления. 27 июля 1917 г. местная газета опубликовала письмо пятнадцати граждан Петропавловска, где указывалось на «странный, если не сказать более, поступок Гайдамака, который, пользуясь правом милиционера, запретил играть в кофейной на гитаре. Гайдамак всегда и всюду ораторствует, и к делу и без дела, теперь помалкивает. Пакостлив, как кошка, труслив, как заяц. А избран даже членом Областного Комитета. Невольно навёртывается пословица: “Куда конь с копытом, туда и рак с клешней”».

В феврале 1931 г. инспекция труда и РКИ снимает его с заведующих Петропавловской пекарней а чекисты записывают в своих бумагах: «к делу относится халатно, больше уделяет внимание своим личным шкурным интересам, на своей лошади развозит муку и хлеб, тем самым к основному заработку 400 руб. зарабатывает на лошади 300 руб. в месяц». Гайдамак обвинялся по ст. 58 п. 2, 6, 11 УК РСФСР. Расстрелян вместе с другими «автономистами» в начале января 1934 г.

В приведённом выше списке оставшихся военных нет Алексея Васильевича Крысина. Возможно, он, подобно Мытнику, попал на Камчатку из Гижигинского уезда позднее. Так, 22 сентября 1923 г., по сообщению «Полярной звезды», в Петропавловск из Гижиги пришла японская шхуна, арестованная в устье реки Уйкан, где хищническим способом ловила рыбу. «На шхуне прибыла партия военнопленных бочкарёвцев и поляковцев». Во второй половине 1920-х гг. Крысин жил в Петропавловске на ул. Ленинской в доме 17. Этот адрес указан на его заявлении в губревком и окрбюро ВКП(б). «В 2 часа ночи 12 июля 1927 г. я был арестован следственным органом ОГПУ. Началось следствие, которое тянулось целый месяц, и из-за недоказательством преступления меня освобождают под расписку, возникает вопрос: чем руководствуется следственный орган ОГПУ, арестовывая меня перед самым отъездом

на материк, когда я уже был уволен со службы окрздрава, почему ОГПУ меня не арестовало тогда, когда я служил ещё в окрздраве, если она знала, что совершил преступление по ст. 58 и 59 УК. И теперь, продержав месяц в исправительно-трудовом доме, меня освобождают, и я остаюсь без службы и без всяких средств к существованию. Спрашивается: что я должен делать?» Виновным в чём-либо А. В. Крысин себя не считает. У него одна просьба к властям: не препятствовать выезду с Камчатки. Ещё одно заявление, датированное тем же 30 августа 1927 г., адресовано краевому прокурору. Крысин жалуется на то, что сидел тридцать суток, а обвинение предъявили на 16-е, и вообще действия ОГПУ неправильны. «Дальнейшего разбора дела местным органом не доверяю. Прошу Вас срочно расследовать дело... Прошу ходатайствовать верховной прокуратурой узнать контрреволюцию данной местности».

В конце 1922 г. в губревкоме произошли кадровые перестановки. 21 декабря на крейсере «Командарм Уборевич» в Петропавловск прибыл экспедиционный отряд 5-й армии, занявшей Владивосток. Он состоял из отдельного батальона, артиллерийского взвода, техкоманды, команды «автоматчиков», двух разведпартий и штаба. Всего 300 чел. Командовал этим отрядом, именуемым «войсками Охотско-Камчатского края», М. П. Вольский (настоящая фамилия Мышкин). 19 декабря крейсер, ещё с моря, запросил Петропавловск: «Чья власть в городе?» Ему ответили, что — ревкома. «Чем докажете?» — не поверили на корабле...

По воспоминаниям П. Д. Брагина, красноармейцы приехали в ясный зимний день. Пароход стал на якорь у мыса Сигнального. На шлюпке к нему направились командующий партизанскими силами В. Д. Богомоллов и начальник штаба Н. П. Фролов в сопровождении трёх партизан, в том числе Брагина.

23 декабря губревком пополнился М. П. Вольским и прибывшим с ним ответственным секретарём Камчатского губбюро РКП(б) В. М. Кручиной. Председателем губревкома был назначен М. П. Савченко. И. Е. Ларина командировали представлять Камчатку в Приморском Рыбном управлении, поручив ему выдать во Владивостоке единовременное пособие (не свыше месячного прожиточного минимума) семье Л. Тушканова, погибшего в бою на Петропавловской сельхозферме.

Леонида Тушканова и двух других кочегаров «Свири» Александра Козырина и Павла Семенчука упоминает в своих воспоминаниях Н. П. Фролов. «Все эти молодые ребята оказались подлинными матросами революции, ибо шли по следам потёмкинцев,

и судьба им была уготована такая же... Им удалось спаять идеей сопротивления группу до 30 человек...: пленённые в г. Охотске красноармейцы Паненко и Горбенко, рабочие Губанов, Вильгельм Меднис (эстонец); машинист В. Громов с парохода «Кишинёв», матросы Веретёшкин и Митяй с парохода «Взрыватель», петропавловские жители; алеутка Ага (жена партизана Горбенко), Фёдор Иванов (брат учительницы Морозовой) и, что весьма интересно, бывший командир парохода «Свирь» времён царского флота Александр Никитич Чурилов, разжалованный ещё при монархии».

3 апреля 1922 г., сообщает Фролов, на корабле был зачитан приказ адмирала Старка о предании их военно-полевому суду «штаб-тройки», а 5-го числа А. Козырин и братья Михаил и Леонид Тушкановы уже добрались до партизанского лагеря. «Вскоре, — пишет Н. П. Фролов, — моряки обратились с большим открытым письмом-воззванием к гарнизону белых войск... с призывом: «...проснитесь же от дикого сна, отрубите руки палачей, которые вас били, вырвите языки, которые вас оскорбляли и обманули, и идите к нам». Такой оборот дел заставил белогвардейское командование отменить смертную казнь оставшемуся в их лапах Павлу Семенчуку, но «для порядка» они «всыпали» ему и отравили во Владивостокскую тюрьму, где бедняга томился до прихода Народно-революционной армии под командованием Уборевича... Леонид Тушканов, будучи классным радистом, по линейному телефону контролировал передачи белогвардейской радиостанции. Брат Леонида Михаил был самым юным бойцом в Петропавловском отряде красных воинов — ему шёл тринадцатый год!»

М. М. Мытник тоже служил на бочкарёвском судне, только меньших размеров. Это был катер начальника СЭО и попал на него Моисей Михайлович не совсем обычным образом. 1921 г. он в числе двенадцати других рабочих ехал на прииски Холмса. В Охотске их заставили пересесть со «Взрывателя» на один из пароходов с военными. Затем они очутились на главной базе начальника СЭО в Наяхане. Там В. И. Бочкарёв назначил М. Мытника старшиной катера «Латрой Марко», которым командовал капитан Ивлев. «На катере... мы совершали рейсы по северному побережью Охотского моря, — вспоминал Мытник, — бывали в пунктах Гижига, Охотск, Ола и других.

В 1922 г. Бочкарёв на этом катере вёз пушнины пятнадцать мешков в Олу, где проживала его жена. Когда мы проходили селение Туманы, я начал чистить паклей вал, вернее муфту, держа в той же руке ключ. В силу того, что валом вместе с паклей захватило

моей руки ключ и задёрнуло под вал, то последний изогнулся, и мы вынуждены были высадиться на берег ниже с. Туманы в семи верстах. После выгрузки пушнины и снятия мотора Бочкарёв нам приказал корпус катера сжечь. Из Туманов мы пешим порядком добрались до с. Аямск, а затем берегом же дошли до Олы. В этот раз с Бочкарёвым следовало десять человек.

С началом зимнего пути Бочкарёв с частью офицеров выехал в Гижигу, а мы, четыре человека, остались в распоряжении бочкарёвского уполномоченного по фамилии Беренс. Спустя приблизительно полтора месяца... Беренс нас направил, тоже на собаках, в Гижигу, куда мы прибыли к началу апреля 1923 г. Прожив в Гижиге, мы получили сообщение, что город Владивосток и Петропавловск заняты соввойсками, то тогда Бочкарёв дал распоряжение: кто не хочет оставаться, может идти на все четыре стороны. После этого распоряжения я, Крисов Семён Маркович, Тюнин и Пахаруков выехали на заимку в пятидесяти верстах от Гижиги. Туда нас сопровождал некий Говорин, ныне проживающий с сыном в Петропавловске (ему лет пятьдесят с лишним)...

Указанная мною выше пушнина, перевозимая на катере в количестве пятнадцати мешков, была отобрана частично у торговцев и большей частью у местного населения пунктов Гижига, Наяхана, Марково и других... за которой посылались специальные команды, как сухопутно, так и на катере “Латрой Марко”. Пушнина отбиралась для приобретения валюты...

После ликвидации отряда Бочкарёва всех нас, Бочкарёвцев, направили частью непосредственно в г. Владивосток и часть через порт Петропавловск на захваченной хищнической шхуне японской. Здесь, в г. Петропавловске, из отряда Бочкарёва остались мы двое: я и Крысов Семён Маркелович, последний в отряде Бочкарёва занимал должность хлебопёка. Остановившись в г. Петропавловске, я устроился на квартире Самсоновича, и вместе с Крысовым стали брать подряд по перекрытию и ремонту крыш. На этой работе я проработал около месяца, затем перешёл в грузчики порта.

В ноябре 1923 г. выехал на охоту с Косыгиным Эмм. в Кроноцкий заповедник, не имея на то документов. Впоследствии в этом я был уличён и подвергнут (бобры) судебной ответственности, то есть приговорён к четырёхмесячному заключению в исправительно-трудовом доме, а после кассации два месяца отбыл условно».

Начало 1923 г. ознаменовалось двумя событиями: появлением камчатского губотдела ГПУ и коммунистической газеты «Полярная звезда» взамен «Камчатского листка». Новый печатный орган

в № 1 за 1 января сообщил: «На крейсере “Главком Уборевич” отправлено 23 человека бывших военнослужащих белых банд». Ответственный секретарь губбюро РКП(б) В. М. Кручина телеграфировал в Читу своему партийному начальству: «В Петропавловске организован и приступил к работе народный суд тчк 13 февраля состоялось первое судебное заседание губревтрибунала зпт один из творцов камчатской контрреволюции начальник милиции Пригоровский приговорён к пяти годам лишения свободы с конфискацией всего имущества тчк В целях информации населения происходящих настоящее время событиях губбюро РКП(б) выпускается на всю область плакатный вестник тчк №№ 1 и 2 вышли и отправлены 8 и 13 февраля».

Обвинение Дмитрия Ивановича Пригоровского строилось на его работе «в организациях, действовавших на свержение власти Советов и Рабоче-крестьянского Правительства, равно и в содействии белым укрепиться в г. Петропавловске». Бывшему начальнику гормилиции были определены условия заключения: «со строгой изоляцией и без права амнистии».

«В понедельник 26 февраля, — писала «Полярная звезда», — в здании клуба им. Третьего Интернационала состоялась 2-я сессия губревтрибунала под председательством гр. Рубцова при членах гр. гр. Ларичеве и Святом, защитник, назначенный судом гр. Журавский и общественный обвинитель гр. Охаккин. Разбиралось дело бывшего смотрителя Авачинского маяка И. И. Шантина, обвиняемого в передаче белогвардейцам 12 пудов пороха и непропорциональном распределении муки между маячными служащими ещё во время пребывания здесь уполномоченного так называемого бандитского Меркуловского правительства. Перед судом предстал Шантин — старик-крестьянин, собственными усилиями вылезший в мелкую интеллигенцию. На судебном заседании устанавливается, что не было злого умысла в преступлении и что только стечение обстоятельств и ложные показания свидетеля Комарова (который постановлением суда привлечён к ответственности) привели Шантина на скамью подсудимых с таким тяжёлым обвинением...»

Через номер, 7 марта, газета напечатала текст приговора. «Именем Российской Социалистической Федеративной Советской Республики Камчатский Губернский Революционный Трибунал, рассмотрев дело подсудимого Шантина Ивана Ивановича по обвинению его в преступлениях, предусмотренных статьями 68 и 187 УК РСФСР, постановил: принимая во внимание, на основании

свидетельских показаний на судебном следствии по его делу, недоказанность состава преступлений, предусмотренных указанными статьями, но, имея ввиду, что подсудимый Шантин И. И. не оформил передачи пороха белобандитам в должное время и совершил сделку с торговым предприятием, не оформив такую в официальном порядке, а равно и без предварительного согласия на этой сделке заинтересованных лиц, Камчатский губревком, руководствуясь революционной совестью и социалистическим правосознанием, согласно ст. 9 УК РСФСР в отношении подсудимого Шантина И. И., 56 лет, женатого, имеющего трех детей, крестьянина по происхождению, имеющего место прописки г. Владивосток, по профессии классного медицинского фельдшера, получившего образование в Кронштадтской фельдшерской школе, имущества не имеющего, под судом и следствием не состоящего, отношение к воинской повинности имеющего общее, по политическим убеждениям беспартийного, занимавшего должность Смотрителя Петропавловского маяка, проживающего в г. Петропавловске на Камчатке, за все перечисленные выше упущения мерой наказания назначить общественное порицание согласно ст. 44 УК РСФСР... Подсудимого Шантина Ивана Ивановича из-под стражи освободить...»

16—17 апреля 1923 г. суд рассматривал дело Петра Александровича Крупенина, 1893 г. р., служившего до февраля 1917 г. в Петропавловской уездной полиции, затем — в милиции, как демократической, так и советской. Когда Охотско-Камчатский край перешёл под юрисдикцию Временного Приамурского правительства, подсудимый на службе не состоял, что, однако, не помешало губревтрибуналу обвинить его «в преступлениях, совершённых им в бытность пребывания на Камчатке банд Полякова, Бочкарёва и доверенного купца Меркулова Бирича, выразившихся в активном пособничестве укреплению на Камчатке власти врагов трудового народа, продавших японской буржуазии».

П. А. Крупенину вменялось в вину также участие, притом активное, в 1918 г. «в бело-эсеровской организации по свержению Советов и провозглашении Камчатской автономии», хотя никакой бело-эсеровской организации тогда (да и потом тоже) не существовало, советскую власть свергли камчадалы во главе с учёным-сейсмологом А. А. Пуриным, первым демократически избранным руководителем области, а так называемая «автономия» была провозглашена на время как защита от иностранной интервенции в условиях начинающейся в России гражданской войны.

Обвинителем на процессе выступал работник губпрокуратуры В. С. Романовский, экспертом врач П. П. Рубецкий, защитником — И. Ф. Голованов. П. А. Крупенину дали четыре года, записав в приговоре, что на него «пятилетний срок давности... ввиду не прекращавшейся преступной деятельности обвиняемого, не распространяется». С зачётом предварительного заключения ему надлежало отсидеть три с половиной года. Защита выразила удовлетворение вынесенным приговором.

23 июля 1923 г. выездная сессия Приморгубсуда завершила разбор «думского дела», присудив председателя Петропавловской городской Думы Ч. К. Щипчинского, его товарища (заместителя) П. Т. Новограбленова, городского голову Е. А. Колмакова и гласного В. И. Артюхина к пяти годам заключения условно с конфискацией четверти имущества. В связи с пятилетием Октябрьского переворота срок наказания сокращался наполовину. Осуждённым инкриминировалось сотрудничество с Приамурским правительством и неподчинение указаниям ушедшего партизанить облнарревкома. Остальные девятнадцать привлечённых к суду думцев подверглись общественному порицанию.

31 июля та же выездная сессия вынесла постановление о прекращении судебного преследования о. Михаила (Ерохина). Летом 1923 г. на пароходе во Владивосток был отправлен епископ Охотский Даниил; есть сведения, что он потом попал на Соловки, где и окончил свой земной путь. Взятого под стражу по приезду из бухты барона Корфа за хранение контрреволюционной литературы о. Леонтия (Яковлева) выпустили в 1924 г.

24 июня 1923 г. читатели «Полярной звезды» обнаружили в свежем номере газеты объявление, подписанное заведомо управления губревкома М. Щербаковым и начальником губернской милиции Н. Фроловым: «Всем находящимся на территории Камчатской губернии учреждениям, обществам, магазинам, киоскам и всему населению сдать в недельный со дня опубликования настоящего объявления срок в управления городской, уездных, районных и участковых милиций изданную в период управления так называемых правительств “Бр. Меркуловых” и “Дитерихса” литературу (брошюры, листы и т. п.), явно враждебную Советскому правительству и бывшему правительству Дальневосточной республики и носящую погромный или черносотенный характер. Виновные, не сдавшие в указанный срок литературу, будут привлекаться к ответственности по ст. 84 УК РСФСР».

ЛИКВИДАТОРЫ

В книге советского историка С. И. Гарусова «Разгром белогвардейщины в Охотско-Камчатском крае» (Магадан, 1963) можно прочесть, что 17 марта 1923 г. В. И. Бочкарёв расформировал СЭО. Если это событие имело место, то оно произошло, когда большая часть пути ликвидаторами была уже пройдена. По одним данным, две разведпартии по десять бойцов в каждой вышли из Петропавловска 17-го, по другим — 18 января 1923 г. Оба подразделения получили общее задание: уничтожить остатки бочкарёвского формирования.

В 1960-е гг. Центальный государственный архив Советской Армии предоставил исследователю Р. Юшину списки личного состава разведгрупп. Первая состояла из ротного командира стрелкового батальона Григория Чубарова, политрука Андрея Чернова, лекарского помощника артвзвода Филиппа Русина, красноармейцев Александра Макорина, Даниила Высоцкого, Селиверста Верёвкина, Ивана Зверева, Ивана Карандашева, Дениса Никитина, Парамона Козлова. Вооружены красноармейцы были пулемётами, трёхлинейками, пятизарядными кольтами.

Первым крупным населённым пунктом на их пути было с. Завойко. Но красноармейская благодарность завойкинцам, жителям Хутора «за радушный приём во время их маневренных заходов в эти селения» была помещена в газете только в марте. Надо полагать, из соображений маскировки. А в январе Г. Чубаров доносил командованию из Завойко: «Остались ночевать, всё благополучно. Дальше продолжать путь сегодня не могу ввиду того, что собаки выбились из сил; бойцы тоже устали, всё время шли на лыжах. Завтра, 20-го, предполагаю выступить в пять часов. Телеграф здесь не работает, попорчен».

Из Петропавловска до Начик разведгруппы добрались за три дня. В этом селении раньше находилась ставка партизанского вожака И. Е. Ларина. 15 марта 1922 г. он записал в своём дневнике: «В десять часов пошли в горячие ключи купаться. Юрта, печки не было, холодно чересчур раздеваться. Но когда опустил-ся в воду — очень приятное ощущение: кругом снег; по склонам, сходящим к ручью, земля талая, бегут маленькие струйки; вода, от которой струится пар. Главный ключ берёт начало далеко от ванны. Ванна устроена плохо: небольшой сруб, как наш русский амбар, плотик и спуск для воды.

Когда сидишь в ванне и намочишь голову, то волосы на последней после некоторого времени начинают замерзать. После купания здесь же помыл полотенце и платочки. Пока мыл бельё — остыл, одеваться холодно. Скорее оделся, одел лыжи и побежал домой. По пути к ванной взял ружьё, думал по дороге поохотиться на куропаток. Хотя видел, один раз стрелял (правда, далеко и неловко было стрелять) — ничего в результате не убил».

От Начик каждая разведпартия пошла по своему маршруту. 21 января. Из сводки первой разведпартии: «Движение очень медленное ввиду отсутствия дороги. Дорогу прокладываем на лыжах». В Апаче Г. Чубаров и его подчинённые были утром 25 января, вечером 31-го вошли в Мономахово (ныне Соболево). «Остановились дневать. Ожидаем из Большерецка тов. Чернова с продуктами». 7 февраля — Хайрюзово, 8-го — Утхолок. Выступив из Утхолока утром 9-го числа, в полдень разведгруппа прибыла в Тигиль. «Население относится хорошо. Жертвует тёплое обмундирование». В Тигиле бойцы отдыхали четверо суток.

По данным Т. Ф. Косыгина, здесь к чубаровцам присоединилось одиннадцать тигильчан: Павел Чертовский, Николай Пензин, Иннокентий Юшин, Андрей Мухин, Никифор Наседкин, Николай Федотов, Алексей Наянов, Николай Баранников, Николай Панкарин, Пантелей Логинов, Тимон Косыгин. Командир — Мухин. Рекомендован П. И. Юшиным: «Из морского бывшего казачества, пятьдесят лет, способный для разведки. Первый зачинщик уничтожения банд в Тигиле. Как и мы все, никаких образовательных и военных цензов не имеет, но только человек со смекалкой».

15 февраля первая разведпартия выступила из Тигиля на Амаино. Дальше двигались на нартах. В Лесновском остановка: нечем кормить собак. Житель Паланы, вернувшийся из Караги, сообщил, что через село Подкагерное едут пятеро бочкарёвцев. Лесновское красноармейцы и партизаны покинули только 4 марта. Через шесть дней они прибыли в Подкагерное, но белых не застали. Коряки сообщили, что те уехали на восточный берег.

18 марта. «На пути в Каменское встретили отряд белогвардейцев в количестве девять человек под командой капитана Грундульса, который передвигался в бухту барона Корф. Отряд ликвидирован. Семеро убито, двое взято в плен. С нашей стороны потерь нет. По сведениям пленных, десять белогвардейцев под командой полковника Шевчунаса выехали из Гижиги по направлению с. Марково для сбора пушнины, сам Бочкарёв с отрядом

в 25 человек, находится в Гижиге и, как видно из показаний пленных, собирается бежать в Анадырь-Аляску».

Известны три описания ликвидации отряда капитана Константина Петровича Грундульса. Начнём с краткого, содержащегося в письме Пантелеймона Логинова Р. Юшину от 30 мая 1967 г. «В Рекинниковском доле произошла наша первая встреча с белогвардейцами. Их было десять человек. Оставив в живых женщину — жену капитана Грундульса — и двух мобилизованных музыкантов — студентов Владивостокского коммерческого училища, и уничтожив остальных, мы поспешили дальше, на север...»

Рассказ другого участника событий Тимона Филаретовича Косыгина (в записи журналиста П. Козлова): «...приехали кочевые коряки и сообщили, что с западного побережья навстречу едет нартовый отряд белых под командой какого-то капитана... На перевале Урылгин мы устроили засаду. Как только караван поравнялся с нами, Чубаров вскочил и крикнул: “Стой! Руки вверх!” Передняя нарта остановилась. С неё соскочил какой-то человек. “Кто вы такие?” — заорал он, хватаясь за винтовку и целясь в Чубарова. В это мгновение раздался выстрел. Беляк упал. С пистолетом, из которого только что прогремел выстрел, подбежал к нартам Чернов. “Сдавайтесь, гады!” А Чубаров сбоку: “Не шевелиться! Обыскать их, ребята!” Мы быстро окружили бандитов, сняли с них награбленные кухлянки. Удивлению нашему не было предела, когда один из беляков оказался... женщиной. Это была жена убитого капитана. Но Григорий Иванович вовсе не удивился. Он вытащил из полевой сумки какой-то список и проверил по нему пленных. “Барановскому отойти на десять шагов в сторону! Женщине — тоже”. Наш командир поднял платок. Громыхнул общий залп...»

Более подробно данный эпизод излагается в рукописи Р. Юшина «Первая схватка» (1967 г.): «...Вскоре дозорные увидели быстро мчащуюся оленью упряжку с одним седоком. Подпустили, задержали. Коряк что-то возбуждённо говорит по-своему, оглядываясь и показывая назад рукой. — Он говорит, — переводит подоспевший Лонгинов, — что недалеко едут девять вооружённых белогвардейцев и с ними одна женщина. Они ни о чём не подозревают...»

— К бою! — звучит команда Чубарова. — Долой кухлянки — быть налегке! Едем навстречу. Как завидим, красноармеец Козлов с переводчиком (вы едете на одной упряжке) вырветесь вперёд. Поравнявшись с их последней упряжкой, дай выстрел. Лонгинов,

крикни каюрам, чтоб они убегали в сторону, пусть оставят беляков одних. А тут мы нагрянем. Действовать спокойно, решительно, но без промедления! Кто попытается оказать сопротивление — уничтожить, кто поднимет руки — оставить в живых, там разберёмся... Женщину не трогать...

“Командир, — это голос Чернова, — давай я двинусь впереди...” Зная, что отговаривать горячего комиссара в эти минуты бесполезно и надеясь, главным образом, на его богатый боевой опыт, Чубаров отвечает согласием. Всё произошло молниеносно по намеченному плану. Едва успев схватить оружие, белобандиты падали под меткими выстрелами красноармейцев. Пытался уйти от возмездия командир этой белогвардейской группы капитан Грундульс. Он пытался развернуть свою упряжку и удрать назад, но без помощи каюра этого сделать ему не удавалось. И он яростно отстреливался.

Когда кончились патроны, он отбросил пистолет и выхватил кинжал. “Сволочи, ах, сволочи! — злобно хрипел капитан. — Как я вас, голодранцы, ненавижу...” И, наконец, сражённый пулей, выпущенной из маузера комиссара Чернова, с тяжёлым протяжным стоном, рухнул в глубокий снег...»

«Ещё в самом начале боя, — добавляет Р. Юшин, — заметили бойцы, что двое беляков не сделали даже никакой попытки взяться за оружие и сразу же подняли руки вверх. Это были два музыканта из Владивостока Бонч-Барановский и Симон Багринцев, насильно увезённые Бочкарёвым на север. Эти два студента... дали очень ценные сведения о банде Бочкарёва и Полякова, оказали всемерное содействие и за оказанную помощь в разгроме белобандитов даже были представлены впоследствии к награждению именными часами».

26 марта 1923 г. чубаровский отряд прибыл в Каменское и стал ожидать подхода второй разведгруппы. Её состав: помкомвзвода второй роты стрелкового батальона Василий Зенков (старший), политрук Михаил Гаврилов, отделком Филипп Сурашкин, красноармейцы Кузьма Строт, Никифон Казаков, Иван Анашкин, Пётр Говняков (Иванов), Бронислав Александрович Сувейзда, Пётр Береницын, Никита Кузнецов.

Разведпартия В. Зенкова из Начик двинулась в направлении Мильково. Отрезок пути Начики-Пущино в сводках никак не отмечен. А между прочим, меньше, чем за десять месяцев до красноармейцев, той же дорогой проезжал И. Е. Ларин со своими товарищами, направляясь на партизанский съезд. Об этом тоже есть

запись в его дневнике. «Дорога всё время шла по знаменитой Ганальской тундре, расположенной между двух хребтов слева и справа. Местах в двух, через промежутки в 15—10 верстах, тундра пересекалась речкой, около которой раскинулся высокий топольник. Окаймляющие тундру хребты величественно вырисовывались на фоне голубого прозрачного северного неба.

Весь день дул свежий ветер. Дорогу стало замечать. Наша нарта, подбитая сталями, плохо скользит, хотя собаки шли внатяжку и дружно тянули. По дороге от Ганал к Пуцино построены две юрты, около обеих юрт варили чай. Около первой юрты братва выпила, а около второй уже их развезло, особенно т. Яковлева. От второй юрты дорога пошла почти всё время по лесу, так как здесь проезжали вершину Камчатки. Здесь начинается самая большая речка на полуострове... Камчатка. Мой товарищ по нарте Яковлев всё время дремал. Я посматривал по сторонам, нет ли где глухаря, но нигде не было.

Перед Пуцеей дорога всё время проходила по линии. Солнце закатилось, последние розовые лучи, освещающие пирамидальные оконечности сопков, скрылись, но ещё было светло, когда поезд наш в составе пяти нарт увидел огонь между деревьями, и мы увидели Пуцино. В Пуцино всего пять домишек. С трудом пришлось разместиться. Как только вошли в хату и разделся — сейчас же стало клонить ко сну после дороги. Попив чаю, я немного прилёг, а потом, поужинав, полусонные сейчас стали ложиться. Хозяйка принесла кукуль бараний, благодаря которому я спал, как в бане. Странное дело: всё время дремал, не мог разговаривать, тут на тебе — как только лёг, сон пролетел. Наконец, с трудом уснул. Спалось немного беспокойно, жарко, хотя в хате было холодно. Чекмарёв поспорил с Егором Малаховым...

8 апреля. Попив чаю, стали искать юколу, но не нашли. Собрали покормить только две нарты. Выехали из Пуцино в 8-м часу. Дорога идёт хорошая — то равнинами, то тундрами, то березняками и тальниками, в болотистых местах. Хребты, как и прежде, идут слева и справа. Собачки бегут хорошо. Часов в двенадцать прибыли в Шаромы. Закусили, покормили собак и помчались дальше... Здесь дорога также хорошая, всё время идёт березняком. Не доезжая Верхнекамчатска, стали попадаться стога сена, от сена, разбросанного при возке, дорога протаяла и кроме кочковатая. Наконец подъехали к Камчатке, подождали следующую нарту, переправились на ботах сами, обе нарты врозь. В Верхнем покормили собак и двинулись в Мильково».

...Разведпартия В. Зенкова достигла Мильково 29 января. После обеда 31-го числа въехала в Машуру. «Телеграфные аппараты по пути испорчены», — значится в оперативной сводке. В Пушино красноармейцы прибыли на тринадцатые сутки, проделав с момента выхода из Петропавловска 240 километров. «Селение Пушино состоит из шести дворов, конюшен — пять, амбаров — шесть, бань — три, численность населения 30 камчадалов, из них 15 мужчин, 10 женщин, трое детей, два старика. Вероисповедание православное». 2 февраля разведгруппа вышла из Щапино. Восемь часов добиралась до следующего селения. «В с. Толбачик имеется отряд (самообороны. — В. П.) в одиннадцать человек, старший Коркин».

6 февраля. «Прибыли в Козыревск. Сильная пурга, выступать далее невозможно». В Козыревске бойцы узнали об утреннем землетрясении 4 февраля. Как стало им известно позднее, здесь колебание почвы не превышало пять-шесть баллов, в Петропавловске было зарегистрировано семь, в Жупаново восемь, а в Колыгере и бухте Ольги до девяти баллов.

7 февраля. «Пурга окончилась. Выступили из Козыревска на с. Кресты в 12 час. Прибыли в Ушки в 17 час. Дорога крайне тяжёлая. Лыжи тонут в снегу на пол-аршина». Днём следующего дня вторая разведпартия была в Крестах. «Путь такой же, как и до с. Ушки». 9 февраля красноармейцы въехали в с. Ключи. Местные жители сообщили им: в бухте барона Корфа находится полковник Данин с десятью белыми.

22 февраля. Отряд В. Зенкова прибыл в Уку. Здесь их ожидала новость: с севера (Ивашка — Дранка) движутся белые в числе 5—10 человек.

28 февраля. «Полярная звезда» писала: «По полученным сведениям, положение в Гижиге критическое. Среди солдат “поляковцев” возник заговор с целью убить Бочкарёва. Поляков пытался обезоружить своих солдат, в результате чего произошла свалка. Комсостав “поляковского” отряда, видимо, также раскололся, ибо во время свалки Шевчунас убил помощника Полякова и одного солдата».

Бандиты, находящиеся на Колыме, бегут, захватив пушнину, в сторону Чауна. Население, выведенное из терпения белобандитами, выступило против них с оружием в руках. Два “поляковца”, выехавшие за сбором ясака, захвачены населением. “Поляковцы” на допросе показали, что Бочкарёв из Оли намерен вновь прибыть в Гижигу».

13 марта. Вторая разведпартия, приехав Дранку, взяла в плен четырёх бочкарёвцев: Павла Богуславича, Георгия Попова и братьев Ивана и Григория Маричей. «У взятых найдены дневники, которые велись неаккуратно и неряшливо. Однако из них видно, что белые разбегаются, меняют имена и фамилии...»

Примерно о том же шла речь в «Полярной звезде» за 14 марта 1923 г.: из-за раскола в Гижигинском гарнизоне десять человек ушло в Охотск, кое-кто — в Марково, «до десяти взято под подозрение, несколько человек переарестовано». 18 марта та же газета поместила пару заметок на «белую тему». Из Анадыря в редакцию сообщили, что канонерская лодка «Магнит» в 1922 г. ограбила в бухте Провидения склад Союза камчатских кооператоров, «захватив сырьё и 150 тонн угля. По слухам, 130 тонн... продано на Аляске и в Номе». А из продсклада бухты «Барон-Корф», говорилось во второй заметке, «по распоряжению известного Полякова вывезено 700 кульков муки в Гижигу, для чего им было собрано 100 нарт в декабре 1922 г. в селениях Парени, Мишино, Ловатово, Арочко, Каменное и Шестаково».

23 марта. В бухте барона Корфа бойцы Зенкова пленили ещё троих бочкарёвцев. Кого именно, в сводке не указано. Но вряд ли полковника Данина, штабс-капитан Востротина и вахмистра Пандридина. Умалчивать о таком «улове» не в обычаях того времени. Скорее всего, это были рядовые казаки.

28 марта. «В Апукском районе уничтожен передовой отряд полковника Шевчунаса. Пятеро убито. Один ранен и отправлен в бухту барона Корфа». Прежде чем процитировать неизвестные ранее документы, напрямую относящиеся к отряду Шевчунаса, отметим, что обнаружены они были в 1937 г. у Павла Николаевича Пиликина при аресте. Эти документы — письма Шевчунаса Бочкарёву — по заявлению хозяина, оставил у него в своих вещах восемь лет назад некий гражданин Кулясов, и Пиликин якобы не догадывался об их существовании.

В первом письме без даты полковник Шевчунас просит начальника СЭО о пополнении группы двенадцатью военными, так как не рискует выполнить свою задачу, имея в своём распоряжении восемь человек. А с двумя десятками «много можно сделать». Он советует прислать, не ослабляя боевой силы, «всяких командированных, как-то капитан Сизоленко, поручики Янков, Босек» и других, том числе интендантов, которым «всё равно делать нечего». Далее Шевчунас делится планами по взятию с. Марково (на Чукотке), вымогательству у тамошних коммерсантов

Караева, Кибизова и Кузьмина денег в обмен на жизнь и расстреле их после получения выкупа. «Пасху, — заключает Шевчунас, — мы, наверное, будем встречать в бухте Наталии, но к 5 апреля будем обязательно в Каменском».

Второе письмо приводим целиком. «Апукинский лагерь 11 марта 1923 г. Господин полковник! Завтра я выезжаю в Апуку, юнкера Иванова ещё с бухты Корфа в лагере нет. Я ему напишу ещё из Апуки. Собаки (неразборчиво), но страшно плохие (неразборчиво) на Апуке и дальше нет, промыслом на Апуке не занимаются, так как совершенно нет зверя. Ясаки в лагерях обоих получил, но очень скудные, так как инородцы не имеют чем платить. В Чукотском лагере от одного торговца, в Апукинский приехал Артемьев доверенный Гудсон-Бея на Апуке, но ничего не продаёт, инородцы не имеют, на что покупать, всюду голод и отсутствие промысла.

Более четырёх-пяти тысяч за всю поездку никак не наберу, из Апуки поеду в бухту Анатолия, а из бухты Анатолия, вероятно, обратно, хотя там дальше выяснится не позднее 5 апреля в Каменском. Положение в материальном отношении безвыходное, если найдёте нужным, господин полковник, пришлите мне к 5 апреля в Каменское 12 человек на 20 нартах достаточно снабжённых кормом. Я пос... (неразборчиво) взять Марково, там кормом может быть можно поправить дело.

На Апуке отделение Гудсон-Бея очень маленькое денег не имеет, а если и брать что-нибудь товаром, то не на чем перевезти товар и товар не деньги. Старшина заболел, я его отправляю в Гижигу, и с ним всю пушнину, какую собрал в лагерях. Пороха и ружей никто не покупает за отсутствием пушнины патроны дел... (неразборчиво) в долг, а часть уходит на покупку мяса. Стрихнин шесть флаконов продал за лисицы, три ещё осталось со старшиной отправляю: лисиц красных 15, сиводушек 1, белок 72, горностаев 51, торбасов 6 пар, родуг 4 ш., выпоротков 11, пыжиков 2, кухлянок детских 1.

Если будете господин полковник посылать людей, то прошу, чтобы никто не знал куда едут и зачем, и когда приедут в Каменское, и меня им придётся два-три дня ждать, чтобы никого никуда из Каменского не выпускали, а главное чтобы отдали строжайшее приказание старосте на ш... (неразборчиво) токово, дабы никуда не сообщалось о движении отряда, так узнав, марковцы увезут, а их преследовать не хватит дороги. Ружья и свинец отправляю обратно в Гижигу на двадцати нартах. Прошу потому, что они

нужны для людей, которые со мной никуда не могут ехать, едва двигаются. Полковник Шевчунас».

К письмам Шевчунаса была приложена сопроводительная бумага без подписи, написанная довольно сбивчиво и тоже не особенно грамотно. В ней говорилось: «Отряд Занькова, идущий по Восточному побережью, встретил на своём пути Шевчунаса, следовавшего в Апуку, расстреляли последнего со всей его свитой, приехал в Каменское в день Благовещения 25 марта двинулся на Гижигу. На днях ожидается сведения о результатах боя с Бочкарёвым, отправивших из Апукинского лагеря трёх офицеров шевчунасовских, одного удалось убить в Каменское, а двум Нагиевскому и Клепикову удалось убежать, есть сведения, что они направились на Апуку Брагин тоже из их лагеря отправлен вместе с офицерами у коего оказалось очень интересное письмо, писанное Шевчунасом из лагеря Бочкарёву, копию которого я вам посылаю, так как письмо это главным образом Вас, подлинник этого письма находится у военного комиссара для доставки во Владивосток...»

На Павла Николаевича Пиликина в 1937 г. дали показания его бывшая жена, кандидат ВКП(б) Евлампия Даниловна Попова и оперативный работник треста Главного управления Севморпути В. М. Чекмарёв.

Попова: «В 1920 г. в Петропавловске, перерывая вещи Пиликина в чемодане, обнаружила хорошо упакованные три пары золотых погон с красными просветами. На мой вопрос Пиликину, чьи это погоны, Пиликин ничего не ответил, а сказал: “Положь, не копайся в вещах”. Эти погоны Пиликин привёз в Анадырь, и только в 1923 г. я их передала на сцену в Анадырский клуб».

Там же, в 1930 г., во время доклада о международном женском дне, свидетельствовала Евлампия Даниловна, Пиликин, «вдохновляемый купцом Хаустовым, устроил скандал, начал кричать с места: “С голоду морите народ, не даёте торговать, собираетесь в клуб трепаться, лишили голоса хороших людей, а бабам дали волю”...»

Чекмарёв: «...В 1921—1922 гг. Пиликин Павел работал при белых в больнице в качестве санитаря. Находящегося при Пиликине на воспитании Михаила Косыгина, который стремился уйти к партизанам в сопки, Пиликин направил добровольцем к белым полковнику Кузнецову, откуда с белыми попал в Америку...» К складскому работнику из Анадыря П. Н. Пиликину — «белобандиту, с оружием в руках боровшемуся против красных партизан», хранившему «шифр банды Бочкарёва и письма белобандитов» — руководитель камчатских чекистов полковник И. Я. Ломбак

предложил применить наказание «по первой категории», как в их бумагах зачастую именовался расстрел. Тройка УНКВД согласилась с Иоганном Яковлевичем. Приговор привели в исполнение в Петропавловске 20 марта 1938 г.

...Р. Юшин установил, что на подмогу разведпартиям из Петропавловска 19 февраля 1923 г. была отправлена группа стрелков: командир, помощник начальника разведчасти штаба войск Охотско-Камчатского края Пётр Григорьев, красноармейцы Максим Панченко, Николай Захарушкин, Михаил Россыльных и Александр Медведев. 30 апреля они уничтожили в Оле двух белых — поручика Авдюшева и Балыкина. Привёл стрелков бывший бочкарёвец корнет Николай Кузин.

В Каменском обе разведпартии объединились. «Дождавшись темноты, части выступили в направлении посёлка Гижиги», — рассказывал начштаба войск Охотско-Камчатского края Б. Рубцов. В Гижигинском уезде проживало около семисот русских и более трех с половиной тысяч туземцев, из них по полторы тысячи коряков и тунгусов, 186 чукчей и 183 чуванца. В 1924 г., они имели, по данным сборщиков сельхозналога, более 36 000 оленей. Производившие учёт оговаривались — действительная численность неизвестна, предположительно от 100 000 до 250 000.

Ландшафт Гижигинского уезда: тундра, болота, озёра. Лесом эти места бедны; частично по реке Туромча растёт лиственница, осина, тополь. Сенокосные угодья расположены по рекам Гижига, Туромча и в устье Авеково. Объектами рыболовства являются кета, горбуша, мельма, хайрюз, налим. В Гижиге (с заимками) около пятисот человек. До Петропавловска отсюда по западному берегу 2 035, «через Карагу по маршруту» — 2 207 вёрст.

Пароходы, шедшие в этот населённый пункт, останавливались в Гижигинской губе на расстоянии 17 миль от устья одноимённой реки. Катер мог прибуксировать кунгасы с грузом на урочище Кушка и успеть с отливом вернуться на пароход только раз в сутки. Узкая Гижигинская губа окаймлена высокими скалами, из-за чего в ней постоянно ветер; внезапно поднявшийся шторм может легко затопить кунгас...

«Перед самой Гижигой, — вспоминал Т. Ф. Косыгин, — наш фельдшер приказал всем снять меховую одежду, чтобы в случае ранения не произошло заражения».

Б. Рубцов: «Не доезжая одной версты до посёлка, сделали остановку. Затем... повели наступление».

Т. Косыгин: «Ночью в лёгких телогрейках мы тихонько подошли к посёлку. Это был большой населённый пункт с деревянными домами, с вывесками, с пекарней — не то, что Каменское. Стоял такой мороз, что дотронуться до курка винчестера было больно — палец прилипал к металлу».

Б. Рубцов: «Бочкарёвцы стояли по одному-два человека на частных квартирах, и только в одном доме их было девять человек. Ввиду того, что было темно, обе партии продвигались незаметно, без выстрелов».

Т. Косыгин: «Окружили барак, где жили белые. Меня Чубаров послал под командой фельдшера охранять дорогу на Наяхан. Другая команда под руководством Барановского отправилась прочёсывать частные квартиры, где расквартировывалась солдатня. Скоро поднялась пальба. Белых взять сонными не удалось, они начали отстреливаться».

Б. Рубцов: «Первым было охвачено то здание, где находилось девять человек. Была брошена в окно граната, но она попала в крестовину окна и упала снаружи, не разорвавшись. После этого по противнику был открыт частый ружейный огонь. Противник отвечал таким же огнём. С нашей стороны с самого начала боя были ранены два красноармейца, но оба остались в строю. Завязавшаяся перестрелка продолжалась около получаса. Красноармейцы под ружейным огнём противника приближались к дому и бросали в окна гранаты».

Т. Косыгин: «В пять часов утра всё было кончено».

В сводке второй разведпартии указано другое время — 22 часа. Ликвидаторы потеряли одного бойца — тигильского партизана Николая Федотова.

Б. Рубцов: «После ликвидации этой группы вторая разведывательная партия была направлена догонять белых, которые воспользовались темнотой и бежали в сторону с. Наяхана».

П. Черемней: «Для принятия пленных и осмотра помещения казармы один красноармеец был послан к жителям за фонарём, по улице наткнулся на белогвардейца. Тот выстрелил в него из пистолета. Раненый красноармеец заколол его штыком. Стрелявший оказался “бочкарёвским попом”».

Из рукописи Р. Юшина, хранящейся в ГАКК: «Направляясь в Наяхан, поздно вечером (11 апреля. — *В. П.*) добрались до избушки, где жили старик со старухой — уроженцы Тамбовской губернии. Старуха была одна. Угостила чаем. Ночью вернулся старик из Наяхана. Сказал: «Белые ничего не знают и не подозревают

о вашем приближении. Да и бдительность у них... — старик махнул рукой, — аховая у них бдительность. На “взводе” — Пасху празднуют. Вот завтра утром должны проезжать мимо в Гижигу два полковника Зазулевский и Фиалковский. Вот бы их перехватить здесь».

Чубаров распорядился выставить «секрет и заставу на перекрёстке дороги, ведущей с Наяхана на Гижигу и на подъезде к избе старика... Застава из четырёх человек заняла позицию в километре от избы, а двое бойцов Иван Анашкин и Парамон Козлов залегли в снегу в кустах около дороги в полутора километрах впереди. На рассвете лежащие в секрете красноармейцы заметили, как с горы спускается упряжка собак с одним ездоком. Затаившись в снегу, они пропустили её. Бойцы же заставы схватили приехавшего офицера, а так как он оказал сопротивление, то был пристрелен. Часом позже показались две нарты, секрет решил пропустить их... Беляки ехали беспечно, переговариваясь между собой.

Но случилось непредвиденное. Когда бочкарёвцы ехали по речке, из острова внезапно выскочил заяц, и собаки с залиvistым лаем кинулись за ним. Поднялся переполох. На заставе подумали, что белобандиты обнаружили секрет и открыли огонь. По белякам ударили и подкрепления красных, высланные Чубаровым на помощь заставе. Видя безвыходность своего положения, белые повернули назад, но, попав под огонь со стороны секрета, рванулись на остров, в сторону ближайших сопок. Секретчики дали залп по собакам. Было убито и ранено несколько собак. Упряжки перепутались. Тогда белые, видимо, решив известить своих о приближении красных, перерезали упряжь и пустили здоровых собак в сторону Наяхана». Козлов перестрелял их.

«Пока красноармейцы отвлеклись на собак, белые офицеры, став на лыжи, удалились на порядочное расстояние, их фигуры уже мелькали на склоне сопки. Началось преследование — наши заранее подготовили две хорошие упряжки собак для погони. Но на склоне горы были глубокие снега, и собаки шли туго, с трудом.

— Тов. командир, разрешите я этих варнаков кокну, — обратился к Чубарову один из тигильских партизан Никанор Наседкин. «Давай!» Наседкин не спеша прицелился из своего винчестера, выстрелил. Один из белогвардейцев, схватившись обеими руками за живот и сильно заорав, упал. Вновь гремит выстрел и падает второй офицер, схватившись за живот. Подбежавшие красноармейцы прикололи раненых бандитов штыками. Это оказались те самые белогвардейские полковники Фиалковский и Зазулевский, о которых говорил старик-рыбак.

— Молодец, — крепко пожал руку камчадалу охотнику возбуждённый Чубаров, — метко стреляешь».

Спустя три года после описываемых нами событий в Наяхане побывал член Пенжинского райревкома Банников, посланный для проведения национальной ярмарки. В верховьях реки Вархалам он собрал тунгусов, чтобы услышать их мнение о готовящемся мероприятии. «Нам ярмарки не надо, — заявили они, — мы можем приезжать с хребта за покупкой себе необходимых товаров, а мы собираемся лишь для исправления религиозных обрядов, как-то отговорь, детей покрестить, умерших отпеть и повенчать — больше нам ничего не надо.

Раньше был царь, он любил бога и церковь, а теперь какое правительство, когда богу не молится и церковь не любит. А раз мы церковь любим, то хотим, чтобы у нас был царь, и мы его очень жалеем». И категорически отказались дать какие-либо сведения (о численности населения и прочем).

...Опираясь на свидетельства участников из числа красных, исследователь Р. Юшин воспроизвёл бой в Наяхане. Нам остаётся дополнить эту картину некоторыми данными из архивных документов. В селении ликвидаторы появились с рассветом 13 апреля. Красноармейцы П. Береницын и С. Верёвкин привели к Чубарову уборщицу Веру Иванову, от которой были получены необходимые сведения о белых. «Мы узнали, — говорил П. К. Черемпей, — что Бочкарёв всего сутки назад переехал в Наяхан, перевёз туда большое количество оружия и патронов. С ним уехало человек двадцать офицеров». По уточнённым данным, всего насчитывалось 24 офицера, они располагались в одном из домов вместе с полковником В. И. Бочкарёвым и генералом Н. А. Поляковым. В помещении радиостанции находилось около ста нижних чинов.

Чубаровцы бесшумно двинулись к этим зданиям. Первой разведпартии удалось подойти вплотную к офицерскому дому. «Чубаров, — пишет Юшин, — произвёл предупредительный выстрел в окно. В доме поднялся переполох, оттуда раздался беспорядочный ответный ружейный огонь». По приказу Чубарова в ход были пущены гранаты. Перестрелка усилилась. Через полчаса, осознав безвыходность положения, противник выкинул белый флаг. «Огонь прекратился. Из окна дома слышится возглас: “Высылаем для переговоров корнета Ерохина”. На крыльце показался молодой красивый офицер. Ему тут же скручены руки.

— Господа, — говорит он, — господин есаул решил сдаться.

Но проходит некоторое время, никто больше не выходит. Казарма молчит. Видимо осаждённые что-то выжидают. Надо действовать незамедлительно. Наши возобновляют обстрел здания. Брошено несколько гранат. Наконец из помещения раздаётся голос Бочкарёва: “Прекратите огонь! Сдаюсь ради детей”. Слышится ответный голос командира Чубарова: “Выходите! Сопротивление бесполезно! Бросайте оружие!”

На выходе появляются женщины и дети. Чуть позже выходят офицеры, среди них, поддерживаемый под руки хромающий Поляков: осколком гранаты генералу оторвало пятку правой ноги. Все сдавшиеся офицеры были разоружены, обысканы и взяты в кольцо окружения. (Козлов: «Из всех 24 офицеров удалось убежать в Таватум лишь одному раненому офицеру, которого догнали на другой день и добили. До вечера пролежал со связанными руками офицер-китаец в чине порутчика и был нашим красноармейцем заколот штыком».)...

— Господа! Я восхищён достойным противником, — начинает разлагольствовать Бочкарёв. — Я знал, что ваш десант высажен в Петропавловске, но никак не думал, что красные смогут так быстро добраться до Гижиги. Примите поздравления...

— Не нуждаемся, — резко прервал паясничанье атамана Чубаров, — лучше прикажите своим, засевшим в радиостанции, во избежание кровопролития, прекратить сопротивление».

— Конечно, конечно, господа, — поспешно соглашается Бочкарёв, — зачем нам лишняя кровь. Я через сотника Григорьева дал распоряжение нижним чинам сдать...»

«Иначе протекали действия второй разведпартии, которая не воспользовалась внезапностью нападения, вела огонь беспорядочно, мало применяла гранат... Белогвардейцы отстреливались дружно и ожесточённо и были намерены уйти через бухту вглубь побережья. Этого нельзя было допустить. И... Чубаров вместе с командиром Зенковым и белым офицером Григорьевым — уполномоченным атамана — направился к зданию радиостанции с ультиматумом...

Перед уходом он отозвал в сторону своего адъютанта. “Козлов! Остаёшься за старшего. Не спускай глаз с пленных офицеров. В случае чего-либо непредвиденного, и если они сделают попытку к бегству — расстреливай на месте. За Бочкарёва отвечаешь головой”.

В ответ на сообщение Григорьева о приказе Бочкарёва сложить оружие белые после некоторого молчания внезапно открыли огонь, убив Зенкова и Григорьева, а также политрука Гаврилова,

красноармейцев Строта и Кузнецова. Тяжёлые ранения получили Анашкин, Береницын и Сувейзда. Чубарова спасло то, что он успел упасть в снег и скатиться в кювет. По словам П. Г. Козлова, как только пули с радиостанции начали свистеть над пленёнными офицерами, они бросились обратно в своё помещение. «Не теряя времени, я дал команду пленным расстрелять и немедленно пяти человекам занять помещение офицеров... Держали мы под обстрелом беляков до позднего вечера, стрельбой из полуавтоматов и метанием гранат не давали поднять головы. Как стало смеркаться, к нам пришёл командир Чубаров Г. И., собрал всех в кучу и сделал совещание, как дальше поступить с радиостанцией, не зная точно, сколько там белых в живых, раненых, убитых».

Среди них не было радиотелеграфиста Михаила Машукова. Он находился здесь до сентября 1922 г. Бочкарёвцы, говорил М. Машуков, заставили его и Павла Святого продолжать службу, остальных отослали в Наяхан. Служащих выгнали из квартир. Шатинского и брата Михаила, Николая, отправили в Петропавловск. Михаил принимал и отправлял телеграммы, затем это стал делать офицер Янышев.

«Когда я однажды обучал ученика — принял телеграмму из Петропавловска о том, что красные в трёх верстах от города — мне совершенно запретили входить в комнату, где помещался аппарат, и угрожали убить меня, если я разглашу об этом. Бочкарёв часто сносился по радио со Свенсоном, зовя приехать, согласно ранее выработанных условий Беком и особенно Пелецким...» По другим сведениям, на Наяханской радиостанции в последнее время работали подпрапорщик Гейне, корнет Елагин, Хлопотов.

...Чубаров с Черновым предлагали поджечь радиостанцию в случае отказа её защитников принять ультиматум. П. Козлов: «Я посоветовал иначе — направить туда жену Бочкарёва и генерала Полякова с нашими бойцами и предложить оставшимся в живых белым сдаться. Так и сделали, привезли из деревушки Наяхан женщин и вместе с ними зашли в помещение, в котором оказалось всего четыре человека, и то из них был здоровый мальчик лет 17—18 и портной, двое раненых. На этом и закончилась наша эпопея. Беляки в радиостанции расположились в три яруса, потому наши пули и осколки гранат не проходили их мимо». Возвращаясь по морю в Петропавловск, Чубаров (рассказывал его спутник Б. А. Леванов) восхищался мужеством казаков, которые не захотели сдаться в плен и покончили с собой в здании радиостанции.

Р. Юшин не пишет, что случилось с В. И. Бочкарёвым и Н. А. Поляковым. П. Козлов мимоходом бросает: «Бочкарёв был мною расстрелен около порохового погреба, который пытался улезнуть». Доктор исторических наук Б. И. Мухачёв беседовал с чудом уцелевшей женой корнета Ерохина, свидетельницей пленения офицеров. У неё этот эпизод выглядит несколько иначе, чем у Юшина. «Вышел Бочкарёв из дома сдаваться и поразился: “Ну, мы и влипли! Их раз, два и — обчёлся”. Чубаров — ему: “Полковник, отдайте приказ, чтобы сдались остальные”. Бочкарёв в ответ: “Да, да, сейчас... поручик” В этот момент — выстрелы по чубаровцам... Полковник бросается бежать».

Адъютант Чубарова Парамон Козлов неизменно подчёркивал на пионерских сборах: «Я догнал и собственноручно размозил ему прикладом голову». Кто убил генерала, ясности пока нет. Тот же Козлов даёт лишь описание его внешности «Поляков выше среднего роста, худощавый, лет 55—60, погоны генерал-майора тряпичные, одет был в шинели с погонами, китель и брюки военные цвета хаки, папаха. Был нами ранен в руку. Других примет, как у Бочкарёва, так и у Полякова, я не помню, да и приглядываться к ним не было время». Но и сей словесный портрет вряд ли целиком достоверен, ведь и Бочкарёва П. Козлов представляет нам как человека среднего роста, коренастого и упитанного. Запомнились будущему чекисту бочкарёвская кубанка, полковничьи погоны. Парамон Григорьевич дал бы ему лет 40—45.

В оставшихся после Бочкарёва тридцати трёх его чемоданах, по свидетельству того же Козлова, находилось, в основном, бельё и лишь несколько «мест» с пушницей: «чернобурая лиса, голубые и белые песцы, лисы-сиводушки, речной и морской бобр, горностаи, беличьи шубки и шапки. Пушнина была изъята, как трофея, и включена в опись, а бельё, платье, костюмы были во время стрельбы сильно повреждены пулями и осколками гранат, так что из вещей к носке осталось очень мало. Поскольку у Бочкарёвой было двое детей, то ей были возвращены её вещи. Денег в чемоданах не оказалось, они находились в шкатулке, которую Бочкарёва спрятала в одну из печей, и только спустя неделю пришлось найти шкатулку, наполненную коллекцией золотых денег, как российской чеканки, так и ряда иностранных, были золотые браслеты и небольшой мешочек бриллиантов, на ценности была составлена подробная опись. Ценности были сданы на ответственное хранение. Бочкарёв готов был в путь, поэтому у него в основном было всё упаковано, в особенности пушнина.

У остальных офицеров никаких ценностей не было найдено, видимо, весь их капитал состоял в награбленной пушнине, на которую они рассчитывали и, видимо, заранее проданную американцу Свенсону, который должен был 10 мая 1923 г. забрать всю эту свору со всеми патрахами на свою шхуну», — писал П. Г. Козлов.

14 апреля. «Местному населению пришлось целый день возить трупы и сбрасывать с утёса в море. Камчадалы говорили, что Бочкарёв — сильно грешный: не тонет, а плавает поверх воды, но его труп был ещё раз расстрелен, и всё же его вынесло на берег бухты Наяхон. Бочкариха попросила разрешения у командира похоронить своего мужа, но я не интересовался, — оговаривается Козлов, — где она его похоронила — на общем кладбище, или где на берегу бухты». Своих погибших красные погребли в братской могиле на гижигинском кладбище; очень долго копали могилу из-за вечной мерзлоты.

Г. И. Чубаров отправил донесение командующему войсками Охотско-Камчатских края: «Банда Бочкарёва во главе с Бочкарёвым и генералом Поляковым уничтожена. С нашей стороны потери: убитыми НРП-2 Зенков, его военком Гаврилов, 2 бойца (красноармеец Кузнецов и партизан Федотов. — В. П.). Ранено 2 легко, 3 тяжело (один из них Строт потом умер. — В. П.). Взятым трофеям производится учёт. Радиостанция во время боя сильно повреждена. 26 апреля собирается уездный съезд для выборов ревкома. Белых убито 52 человека: генерал-майор — 1, полковников — 4, обер-офицеров — 37, солдат — 10».

Незадолго до этого М. П. Вольский получил следующую телеграмму: «Завойкинский волостной съезд, собравшийся 12 апреля, шлёт Вам, дорогие борцы за лучшее будущее, искренний привет и наилучшие пожелания в деле укрепления завоеваний социалистического строительства и вполне уверен, что красные части под Вашим опытным руководством в недалёком будущем закончат своё дело — освобождения Камчатской губернии от остатков белобандитов. Председатель съезда В. Закржевский. Секретарь С. Слободчиков».

Сведений о том, как отметили ликвидаторы победу в архивных документах не обнаружено. Но, думается, с размахом, во всяком случае, Чернов и его близкие друзья, весьма неравнодушные к горячительным напиткам. И не беда, что направлявшийся в Гижигу коммунист Проняков «выпивал казённый спирт, данный на отряд для медицинских целей»: вряд ли белые по случаю Пасхи целиком и полностью справились со всеми своими запасами. Тем

не менее, Пронякова наказали строго, исключили из партии; его собутыльники красноармейцы Ручкин и Кулесов получили по тридцать суток ареста. Между тем, все, завезённые с разрешения белой власти, спиртные напитки и вина губревком конфисковал только 31 января 1924 г., в один день с петропавловским имуществом «белобандита ротмистра Канина (Нельского), бежавшего за границу».

...Священник Кох, который встретился красноармейцам по пути в Гижигу и подтвердил (по словам Черемпея), что генерал Поляков находится в Наяхане, очень пригодился новой власти. Его, оказывается, бочкарёвцы «лишили сана». И он, как вспоминал П. Г. Козлов, выступил на большом собрании сельчан — «обличал лицемерие и коварство всех священнослужителей... говорил, что никакого бога нет, что всё это выдумка власть имущих, обман, нужный богатым для извлечения всё больших выгод, сбора денег, пушнины...

Выступление попа-расстриги произвело огромное впечатление на всех жителей... На этом же собрании было решено превратить церковь в клуб. На следующий день мы, красноармейцы, совместно с молодёжью приступили к реконструкции здания церкви, убрали иконостас, оборудовали сцену, подготовили и поставили спектакль. С тех пор в клубе стали регулярно проходить молодёжные вечера и различные собрания».

В связи с организацией в 1924 г. Всесоюзного Добровольного общества содействия жертвам интервенции (ДОСОЖ) на места спустили циркуляр за подписью секретаря ЦК РКП(б) В. М. Молотова, где содержалось разъяснение, что «мы должны противопоставить претензиям иностранных собственников, требующих возмещения за убытки, нанесённые им революцией. Каждый пострадавший иностранец предъявляет нам в настоящее время требования об уплате возмещения. Необходимо, чтобы и граждане Советского Союза могли предъявить иностранным Правительствам свои претензии за имущественные и личные потери, причинённые им интервенцией».

Президиум ДОСОЖ разработал примерный перечень убытков от интервенции: уничтожение зданий, инвентаря и другого имущества, скота, посевов и т. д. и т. п.; препятствия к сельхозработам; разрушение и сокращение путей следования; приостановку движения транспорта, «отобрание его для нужд интервентов»; убийства, истязания, увечья, расстройство здоровья и лишение заработка отдельных граждан; изнасилования и их последствия; «занос

эпидемий», распространение среди населения заразных болезней, в том числе венерических; закрытие и приостановку деятельности школ, больниц, иных общественного пользования учреждений; мобилизацию населения для перевозки иностранных отрядов; вынужденное бегство отдельных граждан в связи с интервенцией и степень убытков от брошенных хозяйств; стоимость самозащиты от интервенции и белобанд (содержание партизанских отрядов); занятие отдельных учреждений, квартир и комнат без оплаты этих помещений; коммунальные услуги, водопровод, освещение, отопление, уборку (оказанные интервентским учреждениям и войскам); «принудительное оказание лечебной помощи им».

Документ завершался важным уточнением. «При исчислении убытков необходимо принимать во внимание не только стоимость уничтоженного или повреждённого имущества, но и потерянную выгоду и проценты на сумму долга; при потере трудоспособности или убийстве необходимо принимать во внимание возможный заработок потерпевшего. Стоимость уничтоженного, повреждённого или похищенного определяется или документами, или путём составления особых актов оценки».

В Охотско-Камчатском крае губернский и уездные комитеты СОЖ, которым надлежало подсчитать «убытки, причинённые *белогвардейцами* (курсив мой. — В. П.) и интервентами в годы гражданской войны», возникли в начале февраля 1925 г. А 29 апреля губком СОЖ уже рассматривал претензии учреждений, организаций и частных лиц. Губкомхоз — 2 224 951 руб. 18 коп. Петропавловская радиостанция, обстрелянная красными партизанами, но понесшая урон «от интервенции Японии и от белых при участии японцев» — 18 683 руб. 25 коп. Почтово-телеграфная контора («от белых отрядов при участии японцев») — 19 682 руб. 75 коп. Камчатское земельное управление («от белых отрядов в 1922 г. по сельхозферме», иными словами, последствия боя, — 214 302 руб.). Плюс убыток Чукотско-Анадырского края в 1 121 400 руб. Губфинотдел заявил «о выписке представителем меркуловского правительства из Петропавловского Казначейства 225 970 руб. 35 коп.» и реквизиции имущества на 71 руб.

Помимо уже упоминавшихся халактырцев, предъявили свои претензии три жителя Петропавловска: почтово-телеграфный служащий Александр Тимофеевич Шустов, известный нам Николай Васильевич Флетчер (тот и другой на 500 руб.) и Екатерина Власовна Ревацкая (2 000 руб.). Последние двое жаловались, что у них скот пал «от завезённой белогвардейцами чумы».

Н. П. Фролов доложил, что «с уездов и волостей материалов о понесённых населением убытках от интервенции (подразумевалась, конечно, «высадка японского десанта в Петропавловске», которая, якобы, имела место летом 1922 г. — В. П.) пока ещё не получено ввиду осенней распутицы, но имеются сведения, что на местах претензий к японским интервенции будет много». Постановили: информацию принять к сведению и, по возможности, ускорить представления сведений о понесённых убытках.

Гижигинскому комитету СОЖ работы в этом направлении было куда меньше, нежели другим: у него под рукой имелся акт, составленный председателем уревкома Черновым и заготуправом Плотниковым ещё в конце 1923 г. За время «бочкарёвщины» каюрам уезда не были оплачены 600 тыс. вёрст общей суммой 54 000 руб. Разграблены магазины Торгового дома «Соловей»: забраны пушнина, рухлядь и товары стоимостью 12 000 руб. Пушнина у разных лиц — 5 000. С уездного склада и у «Холбоса» на 37 500. За два года госсборов взято 12 000 руб. Сожжение дома («квар. радиост.») в Наяхане. Поломка казённых складов на Кушке.

Далее в акте говорилось, что «разстреляны все квартиры, принадлежащие в распоряжении уездревкома. Нужен ремонт, кроме того, поломали вельботы и пожгли строевого леса 300 лесин на полторы тысячи. Тоже здания в Наяхане и сама станция для точного восстановления нужны эксперты, которые могли бы оценить». В итоге, убытки по Гижигинскому уезду — 246 тыс. руб. (позднее они возросли до «более 300 000», как сообщила в 1996 г. директор госархива Магаданской области Г. Г. Петрищева). И это без учёта убитых белыми четырёх тысяч оленей, принадлежащих коренному населению, стоимостью не менее 30 000 руб.

Оленные люди, согласно советским источникам, поголовно ненавидели «банду Бочарёва» и с ликованием встретили «красных чудо-богатырей», то бишь, чубаровцев. Однако тридцатилетний уроженец Парени Капка-Тетауи вряд ли испытывал чувство глубокого удовлетворения, а тем более радость при виде ликвидаторов. Он «служил у Бочарёва, по заданию которого ездил кочевым каюром, производил отбор оленей и отправлял эти табуны Бочарёву». Капка-Тетауи в середине 1920-х гг. убил случайно на охоте коряка Оттепина. Пять дней просидел под стражей «за политику» в 1932 г. Хотя вступил в колхоз, проводил «контрреволюционную деятельность против колхозов... разжигал национальную вражду между коряками и русским, пытался насильственно похитить девушку-комсомолку, чтоб против её

желания выдать замуж за своего сына. Проезжая по пареньским корякам, проводил там... агитацию против советской власти, подстрекая их не подчиняться... и жить по-старому, чем самым добился отказа пареньских коряк от переписи населения и выборов в Верховный Совет СССР».

Вот тогда за неграмотного Капку-Татауи взялись всерьёз. Вспомнили и пособничество Бочкарёву. Сначала обвинение строилось, в основном, по 59 и 197 статьям УК РСФСР. Но в январе 1939 г. следователи младший лейтенант Григорьев и сержант госбезопасности Щипицын подвели его под ст. 58, п. 1-а «измена Родине». Камчатский военный трибунал войск НКВД вынес приговор: двадцать пять лет исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества. Реабилитирован Капка-Татауи в августе 1990 г.

...Через два дня после того, как А. Чернов с Д. Плотниковым подсчитали убытки от белых — а именно: 5 декабря 1923 г. — состоялось очередное заседание губбюро РКП(б). Десятым по счёту заслушали вопрос о состоянии власти в Гижигинском уезде. Докладывал начальник ОГПУ. «Тов. Ломбак указывает, что по имеющимся сведениям у него, дело с Предревкомом Гижиги и Уполномоченного ГПУ обстоит не совсем благополучно. Упомянутые лица пьянствуют, женились один на жене Бочкарёва, другой на жене уполномоченного Бочкарёва капитана Грундульса и возвращают им постепенно все ценности, взятые как трофеи у Бочкарёва. Пьянство и драки участились. Имущество расхищают, авторитета никакого. Полное дискредитирование власти. Положение не может оставаться таким дальше. Необходимо произвести замену должностных лиц и может быть некоторых арестовать и предать суду. По линии ГПУ т. Ломбак наметил уже кандидатов. Тов. Вольский (председатель губревкома. — В. П.) подтверждает слова т. Ломбака и добавляет, что у него имеются сведения об утечке золотого фонда, взятого в числе трофеев у Бочкарёва».

Справка. Во второй половине 1920-х гг. специальная советская комиссия подготовила «Описание неисследованных залежных богатств в недрах земли в Гижигинском уезде». Этот документ указывает на залежи золота районе Тайганоса по рекам Авеково, Пымино и Золотой речке от 25 до 75 вёрст от Гижиги. Разведку тут в 1912—1913 гг. вели две экспедиции (русская и американская). Золото было найдено, но в каком количестве и какого качества, неизвестно. «В 1923 г. будучи пленные солдаты у Бочкарёва и проживающие на Тавватуме, как видимо, были специалисты по розыску золота, нашли таковое в тридцати

верстах от Тавватума, по слухам, зото было найдено, и последние... крадучись, уехали на материк. После этого и ликвидации Бочкарёва один солдат приезжал и хотел вести разработку, но ему отказали. Золото, по слухам, хорошего качества...

В «Описании...» приводятся факты находки металла, похожего на серебро, по реке Уйткана в пятидесяти верстах от того же Тавватума, и приглашения в 1918 г. заведующим Наяханской радиостанцией Ненсбергом гражданина Плотникова к изысканию алмазов и бриллиантов между реками Наяхон и Тавватум в стовёрстном пространстве; разработкой последних занимался вятский плотник Лобанов, переехавший в Москву: «это место в 1921 г. называл мыл на мысу Шпиль, приглашал рабочих и нанимал для поездки на этот мыс двух лошадей от тунгусов, но выехать не пришлось ввиду предполагаемого прибытия “бочкарёвщины”».

До приезда В. И. Бочкарёва председателем Гижигинского уездного комитета был Е. И. Кумпан, заместителем — Флетчер, а секретарём Орлов. После увольнения Орлова поставили Д. С. Плотникова. Впоследствии он показал в ОГПУ: «В 1921 г. по телеграмме нас всех убрали и организовали новую власть. У власти стали поп Кох Валентин и Васильев Василий, начальник почты. Вскоре приехал есаул Бочкарёв со своим отрядом. В это время я не служил и занимался охотой и рыбной ловлей. Когда приехал Бочкарёв, то остановился в Наяхане с отрядом, а потом был перевезён с отрядом в г. Гижигу. Будучи в Гижиге, Бочкарёв ко мне приезжал, очевидно, приезжали по своим делам, заставляя кипятить чай. Мне лично Бочкарёв ничего не привозил, и я от него ничего не брал».

В отношении бочкарёвских визитов (и не только их) жена Дмитрия Сергеевича была намного словоохотливее супруга: «Бочкарёв у нас бывал часто и сидел подолгу. Спрашивал, как живём. Для ребят он привозил конфет, хлеба. Мой муж с ним никуда не ездил. Но по наряду он возил солдат Бочкарёва.

В 1923 г. приехал отряд под командой Чубарова и комиссара Чернова... Бочкарёв в это время был в Наяхане, так как уже было известно, что белая власть пала и идёт отряд. Отряд остановился у нас и, пробыв до вечера, они уехали в Гижигу (мы жили в д. Левчике в 25 верстах от Гижиги) и сказали, что, когда придет мой муж (его дома не было), пусть едет вслед за ними в Гижигу. По приезде мой муж, не выпрягая собак, поехал вслед за ними.

Через два-три дня он прислал нарту, которая была вся в крови, и привезший нарту рассказывал, что Плотников на нарте возил убитых белых в бухту и его приняли в отряд. После отъезда он

вскоре приехал за нами сказал, что он поступил на службу в уезд-ревком». Один из свидетелей по делу Плотникова заявил, будто он слышал, как его жена Анисья, сестра Павла Трифионовича Новограбленова, упрекала Дмитрия Сергеевича: «Ты везде подлизываешься и к белым, и к красным, в Гижиге помогал Бочкарёву, вместе с ним пьянствовал».

Плотников подтвердил, что ему предлагали служить у Бочкарёва, но приглашение исходило не от него самого, а от генерала Полякова: «Вы — бывший офицер, и вам довольно есть юколу и нерпичий жир и должны служить у нас в отряде». На допросе 1932 г. Д. С. Плотников процитировал Бочкарёва, сказавшего своей жене в присутствии их прислуги: «Пора нам убираться, красные уже в Тигиле». И тут же, якобы, «дал распоряжение Головки — мотористу разморозить моторы радио и повалить мачты», но тот, по моему научению, добавил Плотников, произвёл лишь «обманный вред» станции. «Ерохин проверять ходил, но в моторах ничего не понял. Эта станция по приходе Красной Армии в Гижигу и Наяхан заработала через день».

«Итак, — продолжал Д. С. Плотников, — в апреле 1923 г. власть Бочкарёва пала. Пришла Красная Армия и уничтожила всё старое. Тов. военком Чернов и Чубаров послали меня с двумя камчадалами догонять убежавших двоих бочкарёвцев, но, проехав вёрст 450, мы их не догнали, а велели тунгусам их поймать, что и было сделано, они были после доставлены, а мы для красного отряда привезли пудов 45 муки, брошенной бочкарёвцами вёрст за четырёста от Гижиги. Во время прихода Красной Армии и Партизан я также был принят в число партизан отряда по взятии Наяхана и охраны Гижиги. 27 апреля 1923 г., по хорошему отзыву т. Военкома Чернова был уездным съездом выбран в члены Гижигинского уревкома на должность зав. общим отделом».

Председателем уездного ревкома стал Чернов Андрей Дмитриевич, 1901 г. р., русский, из крестьян Енисейской губернии, образование два класса; у красных окончил трёхмесячные дивизионные военно-политические курсы. Член компартии с 1920 г.

В 1970-е гг. уже упоминавшийся Б. А. Леванов показывал пожелтевший групповой снимок красноармейцев (его копия хранится в фотофондах ГАКК). В центре — Чернов, рядом простоволосая женщина в длинном платье, положившая руки ему на плечи. Леванов полагал, что это бывшая жена Бочкарёва. — Чубаров, — говорил он, — которого я вёз на судне в Петропавловск, мне рассказывал, что он, хотя и не имеет права вмешиваться в личную

жизнь своего боевого товарища, но связь эту не одобряет. В жизни всякое случается, но есть вещи, с которыми нельзя мириться. Из-за смерти Сергея Лазо (будто бы есаул собственноручно бросил его в паровозную топку) он считал всё окружение Бочкарёва зверьём. По мнению Б. А. Леванова, намереваясь перейти через границу в Америку, начальник СЭО не отпускал от себя жену, «которая, судя по всему, мучилась, видя несметные зверства мужа».

Однако на том снимке другая женщина. «Чернов А. Д., — писал П. Г. Козлов, — женился на пленной (у Парамона Григорьевича рука не поднялась написать «жене». — *В. П.*) капитана Грундульса». О другом снимке 1923 г. он скажет: «Снят на фото Чернов А. Д. в кавказском костюме, надо полагать, полковника Шевчунаса, так как Бочкарёв был пленён в кожаной, подбитой рысью полушубке, и при описании его вещей... национальных костюмов не было...»

С. С. Малькова, супруга сослуживца Чернова, встречала его в 1930-е гг. дважды. В последний раз, когда «он ехал с семьёй, получив назначение в бухту Нагаево. Вначале он пришёл один, потом с женой и сыном, сыну было, наверное, лет шесть, тоже в морской детской форме и вылитый в отца. Жена его была старше (жена... бывшего белогвардейского офицера, убитого чуть ли не самим А. Черновым, у неё был сын от первого мужа). Чернов был толковый, умный, жизнерадостный, жизнелюб».

Они с женой Лидией (урождённой Алексеевой, дочерью владивостокского портового рабочего) родили троих детей: Марата 2 июня 1925 г., Геральда 7 ноября 1926 г. и Вадима 15 января 1932 г. Старший сын, фронтовик, умер от ран в Чехословакии 3 мая 1945-го. О совместном ребёнке Лидии Павловны и капитана Грундульса сведений нет.

П. Г. Козлов вплоть до демобилизации в 1925 г. «служил там же, на севере, в органах ОГПУ», как он сам указывает в одном из писем Р. Юшину. Но своё зачисление в это учреждение в качестве сотрудника для особых поручений относит к приезду в декабре 1923 г. нового уполномоченного по Гижигинскому уезду Осипского. А до того, мол, состоял делопроизводителем при комиссаре военкомата Чернове. Между прочим, в служебной автобиографии самого А. Д. Чернова с 1923 по 1925 г. — пробел: ни слова о военкомате, ни полслова об уездном ревкоме.

Из писем Козлова и архивных документов того времени, невозможно понять, кто же являлся уполномоченным до назначения Осипского, о котором говорилось на том же заседании губбюро

РКП(б), где И. Я. Ломбак доложил о проделках гижигинского начальства, не называя фамилий. Ему поневоле пришлось прибегнуть к конспирации, так как в одной связке с политработником оказался свой брат-чекист. И оба — герои ликвидации «бочкарёвщины». В общем, скандал замаяли.

Связь с «Бочкарихой» (так Козлов, по прошествии лет, называл эту женщину), не переросла в женитьбу (тут Ломбак не точен), возможно, потому, что Бочкарёв — не Грундульс, слишком уж много шуму. Да и увезли её летом с глаз долой. Сообщение об её аресте появилось в «Полярной звезде» 25 июля 1923 г.

Говоря о чемоданах убитого им Валериана Ивановича, Козлов произнесёт несколько отстранённо: «Жена Бочкарёва, по национальности немка, была вместе с другими пленными направлена в Петропавловск, затем во Владивосток. С Владивостока пленные (?! — В. Л.) писали, что она вышла замуж за видного комиссара». А ведь её имя звучало на владивостокском процессе Бирича, и далеко не в страдательном наклонении. Даже в устах Г. Бека, друга Валериана Ивановича, который однажды встретил её в ресторане «Версаль», где собирались участники будущей камчатской экспедиции: «Жену Бочкарёва зовут Ида Александровна. Она имела вообще большое влияние на Бочкарёва, вмешивалась во все дела и вообще, по моему впечатлению и отзывам других, являлась в высшей степени отрицательным человеком».

Старшего политрука А. Д. Чернова, инструктора пропаганды 61-го морпогранотряда, «участника антисоветской правотроцкистской террористической организации и японского шпиона» расстреляли в августе 1938 г. Сотрудников НКВД — фальсификаторов его дела — осудили в 1940-м.

Г. И. Чубаров в 1937 г. расстался с партбилетом и армией, но перед Отечественной войной был реабилитирован. На этом, однако, злоключения главного ликвидатора «бочкарёвщины» не закончились. Официально майор Чубаров пропал без вести на фронте в апреле 1944 г., на самом деле угодил в плен. О его судьбе жена узнала лишь в 1952 г. Написал ей С. А. Черников, совершенно незнакомый человек:

«Вы меня простите, но я позволю себе ответить на Ваше письмо, адресованное Григорию Ивановичу... Вот уже два года, как его нет в живых... Он умер внезапно, пришёл с работы в пять часов, а через час уже скончался. Это была большая скорбь для нашего коллектива, ведь он был общителен, развит, жизнерадостный, трудолюбив... Похоронен в Западном районе г. Воркуты (кладбище шах-

ты 25-27), ему поставлен железный крест. Всё, что было в наших силах, коллектив сделал. Гроб, могила — всё было...

Мы переживаем пасмурные дни, и каждый не знает, что его ждёт завтра. Кому взбрело в голову терзать уже истерзанное сердце? Это подло, низко и больше того, я бы сказал, жестоко... Зачем терзать сердце, которое обито кровью уже и так не раз... С Воркуты об умерших родным не сообщают, чтобы — официально, как это положено...»

Адъютант Чубарова Парамон Григорьевич Козлов умер в 1972 г. в Благовещенске. Репрессии его, по всей видимости, не коснулись.

...Во сколько человеческих жизней обошлось красно-белое противостояние в Охотско-Камчатском крае, никто, видимо, не считал. Но вот убытки материальные (реальные и мнимые) подсчитаны были. Общая сумма потерь Камчатской губернии к январю 1926 г. возросла, по сравнению с предыдущей весной, почти вдвое: 6 140 332 руб. 75 коп. Из поданных 303 претензий 252 были «приняты для защиты» и отправлены в столицу в ДОСОЖ. Подразделялись они на три категории: индивидуальные (228), общественные (19) и по советской линии (5). Причём самая низкая по количеству претензий третья категория оказалась самой большой в финансовом отношении. «По совлинии» зарубежью, где нашли приют осколки Российской Империи, был выставлен счёт порядка 4 миллионов. А точнее, 3 825 050 руб. 75 коп.

3 апреля 1924 г. Камчатский губревком аннулировал «задолженность военных отрядов ОНРК Торговому дому «Чурин и К^о» в сумме 3 411 руб. «За отчётное время (с 1 января по 1 апреля 1925 г. — В. П.), — докладывал своему начальству помощник губпрокурора, — получено из губернии Петропавловского уезда всего лишь две жалобы на незаконное отобраение разного рода имущества красными партизанами... с просьбой возвратить такое; жалобы оставлены без последствий».